Ярослав Туров

Шаги, следы

Ранние рассказы

2016

УДК 82-3
ББК 84-4
Т88

Туров Ярослав
Т88 Шаги, следы : Ранние рассказы. — [б. м.] : [б. и.], 2016. — 240 с. — [б. н.]

Книга молодого автора Я. Турова — пожалуй, первая, заслуживающая внимания, серьезная попытка рассказать о совсем небольшом жизненном пути высокохудожественным языком литературы. И надо сказать откровенно — попытка удавшаяся. С первых строк читатель будет идти по пути, начертанном автором и не пожалеет в конце книги о пройденном.

А. В. Серёгин, издательство «МГИМО-Университет»

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Ярослав Туров, 2016
© Анри Давыдов, иллюстрации, 2016

ОТ АВТОРА

Посвящается маме и папе

Книга, которую вы держите в руках — это фактически отшлифованная компиляция из моих ранних произведений, вошедших в сборники «Игра с огнём» (2008), «Шаги, следы» (2012) и публикаций в альманахах «Амур» и «Приамурье». Я решил собрать все это воедино по разным причинам — в текстах было много ошибок и шероховатостей, не нравились обложки, что-то затерялось в альманахах и так далее. Теперь можно раскрыть эту книжку и понять, в каком мире я жил и какими категориями мыслил, когда учился в старших классах и поступал в институт.

Я знаю, это очень самонадеянно, думать, что хоть кого-то, кроме меня и моих родителей это интересует. Что ж, это так. Сказать по правде, тех же «Умников» я вообще писал исключительно для себя и не собирался нигде публиковать. Кто бы мог подумать, что покажутся интересными кому-то ещё.

Читатель, возможно, задастся вопросом: зачем вообще возвращаться к прошлому, издавать школьные тексты, когда можно написать что-нибудь новенькое? Да и зачем вообще писать, кто сейчас книжки читает... Я много об этом думал и пришёл к выводу, что вся эта писанина — способ заморозить время. Сейчас я уже заканчиваю первый курс магистратуры, и после окончания института время вообще полетит так быстро, что я не успею оглянуться, как всё будет позади. А ведь совсем недавно я был другим, мыслил и чувствовал по-другому, и бесконечно жаль было бы осознавать, что тот человек умер, исчез безвозвратно.

К счастью, он никуда не делся, потому что я вовремя поселил его на страницах этой книги. Теперь он перед вами, со своими

«загонами», заблуждениями, комплексами, проблемами. Он чувствует, размышляет, учится. Возможно, он даже более реальный и живой, чем я сейчас.

Ярослав Туров

ЯМА

Экскаваторы копали глубоко. Амурин никогда ещё не видел такого огромного котлована.

— А что здесь будет? — спросил он одного из зевак, глазевшего на гигантскую пропасть, разверзшуюся едва ли не в самом центре их городка.

— Яма, — флегматично протянул тот.

— А зачем?

— Чтобы была…

Вполне удовлетворившись таким глубоко философским ответом, Амурин перекинул ремень сумки через плечо и продолжил путь домой. Перед самым отъездом в Москву он краем уха слышал о гигантском шопинг-молле, который будто бы будут возводить рядом с исторической застройкой середины девятнадцатого века, но не думал, что яму под него выроют так быстро, да ещё такую большую. Работа была проделана столь грандиозная, что практически всё движение в центре было перекрыто, и даже пешеходам приходилось делать немалый крюк, чтобы обойти под Новый год свалившееся им на головы счастье.

— Хорошо копают, — перешагивая через плавающие в снежной каше куски асфальта, хмыкнул Амурин. — Представляю, сколько деньжищ они только в один этот раскоп вбухали…

Впрочем, как только котлован скрылся из виду, Амурин о нём забыл. Он думал о другом: о нежданно выпавшей ему ответственной миссии. Только что он прилетел с проводившегося в столице Народного Форума факелоносцев. В преддверии Летних Февральских Игр перед участниками Форума была поставлена непростая задача: в рекордные сроки пронести факел со Священным Огнём вдоль всей сухопутной границы Великого Государства: от побережья Ямала до конечной станции во Владивостоке, что составляло ни много ни мало двадцать две тысячи

км. Предполагалось, что освящённое Высшими Иерархами всех основных религиозных конфессий Пламя не только отпугнёт злые силы от Родины, но и добудет славу и почёт со стороны соседей.

Амурин отвечал за двадцатикилометровый участок вдоль берега реки Амур, где аккурат на границе с Китаем раскинулся его родной город Евангельск. Выбрали его, простого портового грузчика, видимо, из-за фамилии.

— Кому как не тебе плыть по Амуру, Амурин? — хлопнул его по плечу волосатой ручищей бригадир Илюхин. — Ты и моржуешь у нас. Да не телись ты как баба!

Бабой перед мужиками рядиться было стыдно, тем более он и правда любил в Крещение окунуться в прорубь — пришлось согласиться. По словам Илюхина, которому об этом под большим секретом лично поведал сам начальник порта Руленко, в Москве и Евангельске самые светлые головы долго думали, чем можно удивить мир на их участке. Хотели сперва на лыжах факелоносца запустить, ну или, в крайнем случае, на коньках, но вот беда: зима выдалась малоснежная и такая аномально тёплая, что впервые за сотню лет даже вода в реке не замерзала. Вот и решили: будет пловец, да не простой, а чтоб морж.

Обо всём этом и размышлял на ходу Амурин, когда на перекрёстке Ленина и Карла Маркса, возле продуктового, к нему подошёл лысый босой мужчина лет тридцати, обёрнутый в оранжевую простыню. Лазурные глаза его излучали добро.

— Какой у нас всё-таки город красивый, не правда ли? — тепло улыбаясь, произнёс он.

— Чего? — не понял Амурин.

— Нет, вы заметили, как потрясающе переплетаются в эклектическом экстазе эти стеклянные высотки, панельные советские пятиэтажки и старые купеческие дома — осколки той, другой России, которую мы навсегда потеряли…

При выражении «эклектический экстаз» грузчику захотелось было ответить просветлённому собеседнику действием или хотя бы крепким словом, но, вспомнив о своей теперешней мис-

сии, он сдержался:

— Мужик, тебе это… без обуток не холодно? — поинтересовался Амурин, глядя, как стопы незнакомца по щиколотки утопают в серой жиже.

— Кришна любит нас всех, — ответил мужик в простыне, широко улыбаясь. — Тепло его любви греет нас даже тогда, когда греть уже, кажется, нечему…

«Валить надо поскорей отсюда — от греха подальше. А то не ровен час — не сдержусь, подведу страну», — уныло подумал Амурин и стал прикидывать возможные пути отступления. Хорошо, до продуктового было уже рукой подать.

— Ты это… извини, меня жена послала за покупками, волноваться будет. Харе Рама, — буркнул Амурин и поспешил скрыться в магазине. От улыбки ясноглазого у него сводило все внутренности, Амурин не привык, чтобы ему так много улыбались.

Оглядев полки с товарами, он подумал, что не мешало бы чего-нибудь прикупить. Сперва такого намерения у него не было, но раз уж зашёл…

Тем временем за прилавком разгорались нешуточные страсти. Какая-то баба, укутанная с ног до головы в платки и шали, тыкала костлявым пальцем в грудь дородной продавщицы, так что казалось, пышный бюст сейчас лопнет или сдуется, как воздушный шарик.

— Дайте жалобную книгу! — кричала баба.

— Ой, да бог с вами, мамаша! У нас уже сто лет никто ни на что не жаловался! — примирительно начала было продавщица, но закончила категорично. — Вам что, больше всех надо? Нет у нас жалобной книги!

— Я у вас вчера купила сыр, а он весь в плесени и воняет!

— Боже мой, мамаша, это французский сыр с плесенью, его таким сразу делают и кушают потом!

— А вот на прошлой неделе я сыр брала, так там вообще от него ничего не было — одни дыры, точно мыши поели!

— Швейцарский что ли? Мамаша, ну вы прям как с Луны свалились, ей богу… Не нравится швейцарский, берите моцареллу,

или вот, фета есть для греческого салата.

— А костромской?

— Какой-какой?

— Мой любимый сыр, костромской!

— Таких не держим. Ой, да отстаньте вы, ради бога! Что вы мне тычете своим пальцем, словно я холодец! И вообще, не загораживайте мне мужчину. Мужчина, вам чего? Пива?

— Э-э… — замялся Амурин, все ещё думавший про зябнущего мужика на улице. — Да-да, пива, светлого… И батон хлеба.

Амурин жил в двухкомнатной квартирке на пересечении Крестьянской и Пролетарской с женой Маней и двумя детьми, Танечкой и Алёшкой. Пошаркав перед дверью, он позвонил. Раздались шаги, и Маня, в халате и бигуди, открыла ему.

— Привет, — сказал он, поставив сумку, и нежно потёрся о её лицо шершавой щекой. Не успела жена ответить, как из комнаты выбежал Алёшка и бросился отцу на шею.

— Папа, а что ты мне в Москве купил?

Амурин обомлел: про подарки-то он и забыл! Надо было выкручиваться.

— Много-много всего купил. Столько, что пришлось отдельный самолёт просить, чтоб все подарки довёз…

— И где же он?

— Самолёт-то? Улетел… Но обещал вернуться… Вот уже скоро-скоро прилетит. Завтра…

— Зачем же ты его отпустил, с подарками? — недоумённо спросил сын. — Пеняй на себя, папа, если он завтра не прилетит… — И обиженно удалился.

— Я так понимаю, мой подарок в том же самом самолёте летит? — не без ехидства подхватила тему жена.

— Мань, да когда мне было в этой Москве по магазинам-то бегать? Я ж как в Домодедово приземлился, вышел из самолёта, так меня сразу в охапку и на этот, как его… Народный Форум… А потом гостиница, ресторан и снова самолёт. Дай отдышаться-то!

— То есть хочешь сказать, что и по бабам ты там тоже не шлялся?

— Мань, ну какие ещё бабы?!

— Вот что за мужики нынче пошли, даже по бабам им бегать некогда… Ладно, проходи на кухню, я тебе борща с пельменями наварила.

Амурин, раздевшись, виновато поплёлся за женой на кухню…

Вечером из школы вернулась учившаяся во вторую смену пятиклассница Танечка, и вся семья собралась за столом.

— Нас сегодня с уроков сняли с Катькой, — рассказывала дочка. — Мы должны были к Играм оформлять школьный Уголок Стабильности — взамен живого уголка, у нас же последний кролик ещё в прошлом году сдох.

— Да, помню, ты рассказывала, — кивал Амурин и не мог налюбоваться на свою умницу дочку. — А что вы там делали, в этом Уголке-то?

— Как что? — удивилась Танечка. — Я вырезала духовные скрепы, а Катька протирала идеологическую основу и расставляла по полкам моральные ценности. А ещё мы пели гимн Родины, положив руку на сердце, и несли почётную вахту.

— Какая же ты у меня молодец! — восхитился Амурин и, не сдержав нахлынувших чувств, по-отечески поцеловал дочку. — А ты знаешь, что завтра будет делать твой папка? Папка проплывёт по Амуру двадцать километров по течению со священным факелом — отгонять силы зла от Родины и добывать славу нашему Великому Государству! Вот он!..

И Амурин, достав из-под стола дорогой кожаный с золотыми бляшками футляр, бережно извлёк из него красивый серебристо-алый факел, ярко переливавшийся при свете лампы. Плавные линии изделия не лишены были изящества — настоящее произведение искусства. Вся семья благоговейно уставилась на факел в руках Амурина.

— Глядите, как блестит. На производство таких, я слышал, несколько миллиардов из бюджета потратили. Я за него головой отвечаю.

— Как же ты его поджигать-то будешь? — спросила Маня.

— Эх ты, деревня, всему тебя учить надо! Смотри, видишь, тут пимпочка есть. Нажмёшь на неё — и газ пойдёт. Прикуривай от Священной Лампады, а там с ним хоть до Охотского моря плыви. Тише все! — вдруг вскричал он. — Новости начинаются! Нука, может, и меня покажут.

Маня метнулась за пультом и прибавила звук. На Самом Первом канале как раз проиграли заставку и показали лицо дикторши.

— В эфире вечерний выпуск программы «Известия», и с вами я, её ведущая, Мария Правдина, — сказала дикторша ледяным тоном. Амурина всегда очень возбуждал её голос. — Сегодня в выпуске. Главная новость дня. В Москве состоялся Народный Форум факелоносцев…

— Мань, смотри!!! Да не туда, вот сюда смотри! — завопил Амурин, тыча пальцем в экран, где показывали толпу участников Форума, машущих в камеру факелами.

— Да где же, где?

— Да вот, ты что, ослепла что ли?! Видишь, шапка торчит сбоку в кадре?! Это же я! — Амурин радовался как ребёнок.

— Батюшки, и правда ты! — глаза Мани заблестели от восхищения. — Это ж я тебе эту шапку у китайцев брала месяц назад. Бог ты мой! Дети, вашего отца по Самому Первому показывают! На работе рассказать — никто не поверит!

На следующий день посмотреть на заплыв Амурина собралось пол-Евангельска. Под торжественную музыку пламя факела от специально доставленной в город Священной Лампады возжёг сам губермейстер. Правда, получилось это у него не сразу: мешал разгулявшийся ветер. Однако в конце концов факел удалось зажечь, и Амурин в одних только фирменных плавках и шапочке «Боско», переняв факел из рук губермейстера, смело бросился грудью в набежавшую волну.

От ледяной воды у него чуть было не свело судорогой всё тело, но Амурин вспомнил, что на него направлено с десяток

камер, на него смотрят его дети, жена, друзья и начальство, и утонуть на их глазах было бы как-то неправильно. Он не мог их подвести.

— Кришна любит всех нас, — прохрипел Амурин, вспомнив мужика в оранжевой простыне, и ему стало чуть теплее. Мощно заработав ногами и левой рукой (в правой он держал факел), Амурин стремительно понёсся по великой реке, преисполненный гордости за себя и свою встающую с колен страну. Довольно скоро он вообще перестал думать о холоде: сказались годы закалки на морозе. Течение несло его быстро, так что Евангельск вскоре остался позади, а по обоим берегам Амура выстроились ряды сосен и пихт.

В десяти метрах от Амурина наравне с ним мчалась моторная лодка. На её борту были рулевой и оператор, бородатый мужик в шапке-ушанке с кокардой, снимавший на камеру его маленький подвиг. Что-то во внешности оператора показалось Амурину подозрительным, но времени приглядываться не было.

Примерно через час после начала заплыва в месте, отмеченном красными флажками, лодка подобрала Амурина и отвезла обратно в город…

На следующий день имя Амурина звучало на всех языках мира, а репортаж о его заплыве не посмотрели разве что грудные младенцы.

— Ну, брат, не ожидал от тебя такого! — проговорил Илюхин, едва у него прошёл безудержный приступ хохота. — Как это тебе удалось, ума не приложу?!

— Да не было этого, вот и всё! — отмахивался Амурин.

— Как это не было, когда кадры с тобой сейчас по всем телеканалам крутят?

Илюхин ткнул пальцем в телевизор, на котором отчетливо было видно, как Амурин обеими ручищами мощно загребает седые воды Амура, а пылающий факел возвышается над водой, торча у него откуда-то пониже спины.

— Ну ты же сам видел, что я в руке его держал, а не в…

— Не-ет, брат, ты с больной головы на здоровую не перекладывай, ничего я не видел! Ты так далеко уплыл, что только факел и виден был…

— Переключи это! — Амурин злобно выхватил у бригадира пульт и переключил на «Державу 1». Но там тоже показывали его.

— В эфире «Новости» и я, Эрнестус Мецкавичус. Главная новость дня. Нестандартным подходом к возложенной на него миссии поразил всю страну фекало… простите, факелоносец из Евангельска Амурин. Совершая заплыв по реке в ледяной воде, он сумел почти двадцать километров держать факел не в руке, а в том месте, откуда растут ноги. Западные аналитики уже назвали акцию российского спортсмена самым эффектным пиар-ходом за всю историю Игр, Амурин назван Человеком Года по версии журнала «Men's health», а бывший фронтмен группы «The Beatles» Пол Маккартни пообещал посвятить российскому пловцу свой следующий альбом.

Щёлк! Экран телевизора погас.

— Смотреть противно! — скривился Амурин, отбрасывая пульт в сторону. — Выставили меня на посмешище перед всей страной.

— Да какой посмешище, дружище! — замахал руками Илюхин, давясь от смеха. — Ты у нас теперь звезда. О тебе говорит весь мир! Так глядишь, Руленко тебя до бригадира повысит, а губермейстер премию вручит…

— Хорошо бы, конечно, премию, — пробормотал Амурин задумчиво. — Узнать бы только, кто мне такую подлянку подстроил, я бы его…

А в то же самое время в тысяче километров к югу в секретном бункере молодой выпускник Академии внешней разведки КНР сержант Си Цзиньшань отдавал рапорт:

— При проникновении на территорию выполнения задания с помощью нашей агентурной сети были успешно проведены мероприятия по внедрению меня в коллектив работников средств массовой информации в качестве видеооператора.

В строгом соответствии с планом мною была произведена видеосъёмка объекта во время его заплыва вдоль государственной границы Республики, после чего полученная видеозапись с помощью средств секретной спутниковой телекоммуникации была мгновенно отправлена в наш секретный компьютерный центр, где её тут же соответствующим образом обработали с применением специального монтажного программного обеспечения. Копии обработанной таким образом видеозаписи с целью дискредитации в глазах мировой общественности проводимых русскими Летних Февральских Игр были разосланы во все крупнейшие СМИ планеты. Все действия совершались строго по инструкциям. Почему операция вызвала обратный эффект — не могу знать, это нуждается в дополнительном анализе.

— Будем считать, что операцию вы с треском провалили. Со всеми вытекающими последствиями. Пока свободны, сержант, можете идти, — выслушав рапорт, с плохо скрытой угрозой проговорил пожилой генерал разведки Ли Янсунь и устало потёр пальцами морщины под глазами. — Так, что там у нас дальше?.. Капитана Чи Конквана ко мне!

Чеканя шаг, в кабинет вошёл молодой человек, на первый взгляд, как две капли воды похожий на предыдущего.

— Ну что, капитан, — зловеще произнёс генерал, — докладывайте о ходе операции «Яма».

— Слушаюсь, генерал! Внедрение группы наших глубоко законспирированных агентов в коммунальные службы пограничного города с труднопроизносимым названием…

— Евангельск, капитан. Продолжайте…

— …прошло как нельзя гладко. Никто ничего не заподозрил, хотя благодаря самоотверженным усилиям наших доблестных разведчиков городское хозяйство доведено до полной ручки. Теперь операция вступила в завершающую фазу: вчера закончились работы по раскопке гигантского котлована в самом центре города…

— Объясните тогда, — сорвался в крик генерал, — почему, вопреки нашему хитроумному плану, население города

не возмутилось головотяпству своих местных властей, не устроило акций протеста, почему оно словно не замечает всех возникших из-за ямы и раздолбанного асфальта неудобств и проблем? Почему в этой яме оказываемся мы, а не они? На что тогда мы тратим выделяемые нам огромные деньги? Кто за это ответит?..

Из кабинета ещё долго раздавались негодующие возгласы пожилого генерала, так бесславно завершавшего свою прежде блестящую карьеру…

13 января 2014, Москва

УМНИЦЫ И УМНИКИ

Четыре рассказа по горячим следам

СО ЩИТОМ ИЛИ НА ЩИТЕ?

Четвертьфинал

День первый. Прибытие

«До встречи, Благовещенск! — думал я, глядя в иллюминатор. — Когда я вернусь, победа будет лежать у меня в кармане». Самоуверенно, заносчиво. Но я верил в это. Земля стремительно исчезала где-то внизу, растворяясь в густой сметане облаков. На многие сотни километров вправо и влево тянулись голые поля. Хотя это были даже не поля, а просто незанятые пространства, пустота. Где-то виднелись дома, лачуги, спичечные коробки пятиэтажек, окружавшие аэропорт. Но и они вскоре исчезли. Я погрузился в свои мысли.

Златоглавая встретила хмурым взглядом уставшей от посетителей хозяйки. Бровь её лишь раз с усмешкой взметнулась вверх, стоило мне сойти с трапа, тихо сказав: «Здравствуй, Москва, я приехал тебя покорять!» Сколько тут таких «покорителей» и «завоевателей» прилетает, приезжает, приплывает каждый день, лезет на стены, штурмует бастионы, ломает мечи и копья о латы защитников — и гибнет, гибнет, гибнет... У Карла Маркса как-то спросили, что такое счастье. «Сражаться», — не задумываясь ответил он. Жизнь — это счастье, а счастье — сражение, следовательно, жизнь — сражение. У каждого оно своё: кому-то борьба классов, а кому-то и нелёгкий бой с самим собой. Какой противник страшнее? Я не знал.

Люди... Много людей! Огромные толпы, все куда-то спешат, времени катастрофически не хватает. Мальчик с сумкой на колёсиках, неторопливо бредущий по улице, с восхищением взирающий на каждое новое старинное здание, не вписывался в картину так же, как не вписывались бы усы в загадочный образ Моны Лизы. Серое небо без намёка на солнце, метро, забитое читающими детективы людьми, отрешённые взгляды миллионов бес-

цветных глаз. Чувства здесь не нужны, они только мешают. Если у тебя есть хоть капля живой души — спрячь и никому не показывай — соблазны на каждом шагу. Вот Останкинская телебашня. Огромный шпиль, пронзающий густые облака, по вечерам отбрасывающий чудовищную тень на саму небесную твердь. Я видел эту иглу много раз по телевизору, но вблизи она намного красивее и величественнее. Чувствуешь себя ничтожеством рядом с ней. Она — олицетворение души москвичей — серая и заносчивая. Верхушка почти всегда скрыта от взгляда белёсым панцирем — замыслам никогда не стать явными.

Вот и гостиница «Звёздная». Поселили с двумя девушками в двухкомнатном номере. Мне даже повезло — на «моей» половине оказались и телевизор, и холодильник, и куча разной мебели. Девушки оказались «умницами» до мозга костей — эрудированные и начитанные, но робкие и замкнутые. Тоненькая и изящная Оксана из Тульской области ела по одной конфете в день, и даже это считалось для неё перевыполнением суточной нормы. В душе эта кареглазая лань, чем-то похожая на цыганку, была доброй и снисходительной. Глядя на неё, можно было подумать, что она живёт в каком-то своём мире и сюда спускается только удовлетворить естественные надобности. За все семь дней в Москве она почти ни с кем не общалась, большую часть времени проводя в каком-то трансе, с ироничной улыбкой на устах. Отношения со сверстниками в родной школе у неё не складывались, и мне было её немного жаль — быть одному тяжело, особенно если ты к этому не привык. Мы обсуждали с ней создание армий таких, как мы, «умников» для борьбы с деградацией молодёжи. Она смотрела на меня, как на безнадёжного мечтателя. «Это невозможно, нас мало», — говорил её печальный взгляд. Я не стал спорить. Вторая соседка, Рита из Калининграда, показалась мне цветком, выращенным в непроницаемой теплице посреди заснеженной пустоши. Имея привычку острить по любому поводу, я был обескуражен, когда она принимала все мои едкие и двусмысленные словечки за чистую монету. Как сказал Гавриил, сосед по комнате, подселившийся после, «все мы

успеем ещё согрешить в этой жизни». Это, несомненно, так. Но, как уже было сказано, жизнь — это борьба. Рита к такой борьбе была не готова. Первый день прошёл в тяжёлых раздумьях и странной неопределённости. Прошлое забылось, настоящего не было, а будущее пока не решалось переступить невысокий порог нашей двери.

День второй. Собеседование

Собеседование назначили на пять вечера, поэтому весь день я был в собственном распоряжении. Сходил в «Макдональдс», про- ехался на метро, прогулялся по проспекту Мира. Честно говоря, был немного разочарован — на пути встречались только магазины одежды и обуви, продуктовые лавочки и японские ресторанчики. День пролетел незаметно. Телецентр «Останкино» напоминал большой муравейник. Умники и умницы со всех концов России со своими сердобольными мамашами и умудрёнными отцами толпились у входа. Страшновато было смотреть на эту начитанную людскую массу — в ней было легко потерять свою индивидуальность. Собственно это и было главной проблемой: в толпе, где все умные, никто не умён.

— А я тебе говорю, Яо Вэньюань входил в Группу культурной революции!

— Не было его там, он был в числе Банды четырёх.

— А слабо назвать дату битвы при Йорктауне?

— Ну это же просто детский сад! А слабо назвать точное число любовниц Мао Цзэдуна?

— Может, тебе их ещё поимённо перечислить и номера паспортов сказать?

И так весь вечер. С одной стороны я был просто счастлив — наконец-то мне было с кем обсудить политику Большого скачка и подписание Декларации независимости. С другой стороны по спине бежали мурашки: тут было много ребят, знавших темы ничуть не хуже, а порой и лучше меня. Приходилось с этим мириться. Тем было всего три: эпоха Александра III, Мао Цзэдун и четыре американских президента — Вашингтон, Джефферсон,

Линкольн и Ф. Д. Рузвельт. Об этом мне сообщили ещё в августе, и с первых дней сентября я начал усиленную подготовку. Пришлось чем-то пожертвовать — к примеру, я развалил собственную только что собранную рок-группу). Но то, что я получил взамен, оказалось ценнее. Я стал немного разбираться в политике, что-то узнал о менталитете китайцев и американцев, изучил биографии великих людей, их средства достижения успеха, вклад в историю, а также сравнил китайский социализм, американскую демократию и русское самодержавие. Выбор мой на тот момент сложился в пользу последнего — просто очень понравился Александр III.

Большинство «умников» оказались не из робких — не прошло пяти минут, как все разобрались по кучкам, начали смеяться и активно полемизировать. Я познакомился с рыжим великаном из Туркменистана (его рост был 214 см), которого все дружно про- звали Ашхабадом, и долго слушал его истории. Сравнив его образ жизни с моим, я понял, что живу в раю. Хотя об этом я догадался, ещё когда изучал историю Китая 1950-х годов. В разгар интеллектуального веселья появился он — Юрий Павлович Вяземский. Невысокий, в очках с толстыми, ярко блестящими линзами и бежевом пиджаке, он совсем не походил на великого человека. Но он им был. В его романе «Сладкие весенние баккуроты» в об Иисусе Христе слова самого Спасителя выделены большим шрифтом, что создаёт ощущение Божественного слова, всепроникающего и громогласного. Нечто подобное испытал и я сейчас. Какой-то священный трепет, радость, обожание и безграничное уважение. Такая личность, как Юрий Павлович, заслуживала это, как никто другой.

— Ну, здравствуйте, дорогие мои! Волновался я за вас сегодня. Надеюсь, никто не ездил из Москвы в Санкт-Петербург в последнее время? — Произошедший за несколько дней до этого на железной дороге страшный теракт выбил из колеи всю страну. — Небезопасно стало в России жить в последнее время. Ну что ж, главное, все здоровы, а там посмотрим.

И исчез за дверью. Так произошла наша первая встреча с живой легендой. Никто толком не понял, что произошло. Все

были поражены. Потом наваждение прошло, и собеседование началось. В конференц-зал вызывали по пять человек. Нас усаживали в кресла перед длинным столом, за которым сидели сам Юрий Павлович и его супруга Татьяна Александровна Смирнова, шеф-редактор программы. Задавали самые разнообразные вопросы — от «Какая самая длинная река в Китае?» до «Что произошло 4 июля 1776 года?» Было не очень сложно. Не знаю, зачем устраивали это испытание. Может, для того, чтобы определить, кто как знает тему. А может, чтобы познакомиться с личными качествами каждого участника. Ответ знали только сами «экзаменаторы». Вызывали в алфавитном порядке, а так как моя фамилия начинается на «Т», то я вошёл в предпоследнюю пятёрку, и ждать пришлось около четырёх часов. Мы все боялись, что к этому времени Юрий Павлович устанет и будет относиться к нам предвзято и с раздражением, но, к счастью, всё обошлось.

В небольшом зале с красными драпировками за столом сидел Вяземский и Татьяна Александровна. Перед собеседованием я дал Юрию Павловичу его книгу «Странные умники» и попросил подписать. Ему очень не хотелось этого делать: «Примета плохая», — но Татьяна Смирнова настояла, и профессор подарил мне свой автограф. Первый парень в пятёрке ответил блестяще. Второй — тоже, на что Вяземский сказал: «Шай! — и пояснил. — Это по-китайски обозначает „да“». Третьей была девушка из Северной Осетии. Она ответила смазанно, я тут же воспользовался этим и поправил её с разрешения Юрия Павловича. Он посмотрел на меня и сделал пометку в своём журнале. Четвёртый парень — Ашхабад — не ответил на вопрос «Что такое пинг-понговая дипломатия?», и Вяземский дал девушке из Осетии реабилитироваться. Когда она ответила, он опять сказал: «Шай».

— Юрий Павлович, «да» по-китайски будет «ши», а не «шай», — встрял я внезапно. Не знаю, зачем я это сделал. Цепкий взгляд впился в меня.

— Нет, молодой человек, не знаю, что вы там учили, но «ши» — это «песня», — тоном, не терпящим возражений, сказал он.

— Извините, но песня по-китайски будет «гэ». «Чан гэ» — «петь песню», — возразил я.

— Юра, не спорь с ним, он из Благовещенска, там у них китайский — второй язык, — прервала начавшего входить в азарт профессора Татьяна Александровна.

— Главное, чтоб не первый, — буркнул Вяземский, напоследок ещё раз пронзив меня взглядом.

— Благодаря вам — не будет, — сказал я, даже не догадываясь, насколько окажусь прав. Первым языком мне в итоге достался немецкий.

Вяземский задал ещё один вопрос Ашхабаду. Прежде чем рыжеволосый великан начал отвечать, Вяземский попросил у меня свою книгу и начал писать в ней что-то ещё.

— Юра, тебе человек отвечает, а ты не слушаешь! — налетела на него Татьяна Александровна.

— Нет-нет, что ты, я прекрасно всё слышу! — отозвался профессор, но по взгляду было видно, что мысли его заняты подписанием, а не ответом зарубежного гостя.

— Ну что, китайский шпион? Какую тему выбираете? — спросил он меня.

— Александр III, — глядя ему в глаза, ответил я.

— Погоди, вы же так хорошо по Мао отвечали только что?.. — На что я только пожал плечами. — Хорошо. Кто такой Младецкий? Этот вопрос застал меня врасплох. Ответа я не помнил, поэтому честно признался, что не знаю.

— Тю-ю-ю… — протянула Татьяна Смирнова.

— Кто такой Каракозов? — новый вопрос. Я ответил. — Кто такой Березовский? — Я снова ответил верно. — Странно, что вы не знаете Младецкого. Впрочем, это только доказывает, что вы не шпион. Следующая пятёрка!

Позже я узнал, что Младецкий наравне с Каракозовым и Березовским был террористом-народником, совершавшим покушение на высоких лиц во времена Александра III. От Вяземского я вышел в приподнятом настроении. Начало было многообещающим.

День третий. Репетиция

На семь вечера была назначена репетиция, так что весь день я опять был свободен. Посвятил его повторению конспектов. В этот же день к нам в номер подселили четвёртого человека. Его звали Гавриил, это был сероглазый блондин родом из Бурятии. Впервые за три месяца я наговорился вволю и на те темы, которые были интересны мне, а не только моему собеседнику, так как его во многом интересовало то же, что и меня. Мы обсуждали проблемы глобализации, мировых заговоров, роли личности в истории, предопределённости судьбы каждого человека, рассматривали теории Космоса и Хаоса, общественного договора, осмысливали разные точки зрения на существование Бога и что он такое, темы смысла жизни, поиска своей мечты и её достижения. О многом говорили. Обсудили даже Анабазис — процесс преображения мира из Царства человеческого в Царство Божье, описанный в книге Вяземского «Сладкие весенние баккуроты». Мне показалось тогда, что Гавриила мне послал сам бог. У него даже имя было, как у архангела. В нашем знакомстве я увидел что-то мистическое, но затрудняюсь сказать, что именно. Одно я знал точно: наша встреча произошла не просто так и однажды она сыграет большое значение в моей жизни. А может, уже сыграла. Гавриил тогда, во время нашего разговора, изрёк фразу, вычитанную у Коэльо: «Если тебе предначертано сделать что-либо, все силы Вселенной будут помогать тебе в этом». Он пообещал доказать это и, как оказалось позднее, в чём-то был прав. Вечером мы впервые увидели главный корпус «Останкино» изнутри. По пути в студию нам встретилось несколько звёзд телевидения — Вячеслав Зайцев, Оксана Фёдорова, Анфиса Чехова, Сергей Зверев, Таир Мамедов и какой-то победитель «Фабрики звёзд», чьего имени я не помнил, но при чьём виде все девчонки дружно завизжали от восторга.

Студия в полумраке показалась убогой, но это только на первый взгляд. Как только включили освещение, все шероховатости и изъяны исчезли, и мы оказались в том святилище

интеллекта, на которое я взирал последние несколько лет через экран телевизора. Огромное множество ламп и софитов, штук семь камер, причём одна из них на кране, называемом на местном сленге «цаплей», заставляли всё время следить за собой и держаться чуть напряжённо. Около двух часов длилась репетиция, нас учили ходить, поворачиваться, отвечать, называть своё имя и тянуть руки. Вопросы Вяземский задавал из биографий Пушкина, Достоевского, Петра I и Александра Невского. Сидя на трибуне и не зная, где родился Фёдор Михайлович и какое отчество было у Татьяны Лариной, я впервые почувствовал себя неучем. Юрий Павлович успокоил нас, сказав, что нет ничего страшного в нашем незнании. Мы же «не готовились по этой теме». Ответы некоторых «умников» (например, что Пётр I родился в Санкт-Петербурге, а Александр Невский воевал с Карлом XII) вселили уверенность в себе — не один я такой. По какому-то неведомому принципу отобрав двенадцать человек, Вяземский заставил их тянуть карты из колоды, тем самым распределив позиции и места четырёх агонов по Мао Цзэдуну. Сражение началось.

День четвёртый. Великий председатель Мао

Вот долгожданный час настал. Час X, Момент истины, Будущее на пороге и так далее. То, к чему я усиленно готовился три месяца, то, ради чего отдал столько сил, прочитав горы книг, переписав многие листы умных мыслей, фактически вселившись в личности изучаемых мною людей. Первый день Великой Битвы наступил. Тема — Мао Цзэдун, его соратники и враги. Выступил ансамбль «Домисолька», потом ещё раз и ещё — снимали несколько дублей. Сначала мне казалось, что эти бесконечные дубли будут переснимать в течение всех трёх дней олимпиады, но уже со второй передачи съёмочная группа вошла в раж, и дальше снимали практически без остановки. «Умники» выходили на дорожки, соревновались в знании русского языка и в красноречии, отвечали на вопросы, прорывались в полуфинал или, наоборот, с треском проваливались. Особенно не повезло парню

по имени Никита. Красавчик, любимец девчонок, стиляга и дэнди, он выступал самым первым, ему досталась красная дорожка — самая быстрая и самая опасная. Не ответив на первый вопрос, он пошёл ва-банк (поставил на карту своё будущее) и не ответил на блиц-вопрос. Уже через две передачи он снова вернулся на трибуны, но за все двенадцать программ и сто сорок четыре заданных вопроса его спросили всего один раз в эпилоге. Заработав медальку, он сначала радовался, но ближе к концу всё сильнее мрачнел. С девушками он больше не заигрывал и всё чаще сидел в углу, лаская свою пластиковую награду. К моему удивлению, спрашивали не тех, кто первым поднял руку (такое первенство зачастую определить было невозможно), а тех, на кого указывала Татьяна Александровна. Другими словами, просто великолепно знать тему было недостаточно, нужно быть ещё и дьявольски удачливым. За три дня съёмок были такие участники, которые знали ответы почти на все вопросы, но их не спросили ни разу. Даже представить жутко — готовиться три месяца, отказаться от всего на свете ради изучения жизни шести людей, приехать полным сил и надежд — и не получить ни одного ордена! Как после такого не пойти и не повеситься от такой несправедливости? Некоторые, как Ашхабад, готовились только по одной теме, поставили на неё всё. Это тоже было большой ошибкой.

Первые две передачи мне не везло. Просто не спрашивали, хотя я прекрасно знал ответы на большинство вопросов. Я со скрытой завистью смотрел на тех, кто запросто проходит в полуфинал, отвечая на грошовые вопросики только потому, что так сложился Его Величество Случай. Я молился. Я много и неистово молился, посылая в Космос десятки, сотни, тысячи сигналов и импульсов, мечтая только об одном — чтобы меня спросили. Кому-то по- стороннему это может показаться недостойным — подумаешь, игра! Но представьте, что вы три месяца тяжким трудом зарабатывали деньги, и вот вам удалось набить долларами двенадцать больших сундуков. И тут начался пожар, сундуки начали сгорать один за другим. Пытаешься поднять пер-

вый — а он словно прикручен болтами к полу! Второй пытаешься сдвинуть с места — и этот ни в какую. А открывать нельзя — сразу всё сгорит, да ещё и тебя подпалит. И ты со слезами на глазах смотришь, как горят твои деньги, твои знания, твои силы, твоё время. Кто-то за двенадцать передач не спас ни одного сундука. Представляю, как им было тяжело.

Мне было плохо, у меня болела голова, я весь покрылся пятнами, начал глотать таблетки. Потом просто взял себя в руки, успокоился — и в третьем агоне получил долгожданный орден. Вопрос был примерно такой: «В 50-х годах XX века в КНР приехал генеральный секретарь Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт. Какую „модель“ предложил ему Мао Цзэдун?» Сложно только на первый взгляд, но ответить может любой, кто хоть немного имеет представление о Германии и Китае. Ответ был таков — это модель Великой Китайской стены. Мао предложил Ульбрихту отгородиться Берлинской стеной от капиталистов. Правильный ответ! Срочно орден! Подходит миловидная девушка, надевает мне на шею золотистую медальку с буквой «У», камеры направлены на меня, Дмитрий Дибров в жюри благосклонно улыбается. Всё. Начало положено! Это было настоящее облегчение. Приятной неожиданностью стало то, что ордена после программы у тебя не отбирают и позволяют забрать их с собой домой. Греющий сердце сувенир, сверкающий на груди, обещал сопровождать меня до самой старости (я очень люблю собирать памятные предметы, уже набралась небольшая коллекция). Но на тот момент с везением было покончено. Больше о жизни Мао меня не спрашивали. А вот парень, сидевший на трибунах рядом со мной, Даниил Лапач, позже ставший моим другом, оказался удачливым — у него уже был орден, он спрятал его под одеждой, поэтому его спросили ещё раз, думая, что у него ничего нет. В итоге он ответил правильно и вырвался вперёд.

Между съёмками одной передачи нам давали время на отдых — примерно полчаса. За это время можно было подкрепиться в буфете и приобрести что-нибудь в сувенирной лавке.

После съёмок на сцену вызвали всех, кто имел хотя бы один орден. Нам предложили вытянуть карту из колоды. Цифра обозначала номер агона, а масть — порядок выступления. Мне досталась четвёрка бубён — третья позиция четвёртого агона. Расщедрившись, Юрий Павлович сообщил нам названия тем, по которым нам предстоит готовиться. Как оказалось, мне достался Томас Джефферсон.

День пятый. Основание США

Ещё на репетиции нас поджидал сюрприз: Вяземский решил «упростить» нам задачу и убрать из игры Линкольна с Рузвельтом, объединив Вашингтона и Джефферсона в тему «Основание США». Другими словами, месяц, который я изучал деяния Франклина и Авраама, был потрачен фактически впустую. Тема «Основание США» несёт в себе намного больше событий, нежели просто «Вашингтон» и «Джефферсон», поэтому многие схватились за голову в панике. Кое-кто до последнего момента не верил, что двух президентов отменили, что это просто какой-то розыгрыш. Но это было правдой, и делать было нечего — пришлось повторять американскую революцию и войну за независимость. Однако мне это не очень помогло. Я знал на удивление много ответов, но на меня всё равно не обращали внимания. Гавриил был великолепен. Днём ранее, когда выбирали агонистов, он попросил разрешения уйти и не ходить на президентов — эту тему он знал плохо и надеялся отыграться на Александре III. Но потом, по его словам, внутренний голос шепнул идти вперёд смело, и он, махнув рукой, вышел на сцену тянуть карту. И сразу вытянул пикового туза — первая позиция первого агона. Всю ночь неистово готовился, читал и медитировал, молясь своему богу и мешая мне спать. С русским языком и красноречием справился безукоризненно — ему отдали первое место. Выбрал красную дорожку. Весь зал с замиранием сердца следил за его действиями — Гавриил был первым, кто сам сделал такой рискованный шаг (все до него попадали туда волею судеб). Первый вопрос… — не ответил. Пошёл ва-банк: на территории какого современно-

го государства находятся развалины древнего Карфагена? Лично я ответа не знал и вокруг видел округлённые в панике глаза «умников». «Тунис», — прозвучал ответ. «Правильно!» — тут же выкрикнул Вяземский, и Гавриил без малейшего урона прошёл во второй этап.

Из трёх оставшихся позиций ему достался последний вопрос под названием «Птичьи перья». Я в самой дикой фантазии не смог бы представить, о чём может идти речь. А он звучал так: «Что произошло 16 декабря 1773 года, и какую роль в этом со- бытии играли птичьи перья?» Это просто невероятно легко. Это самый лёгкий вопрос, который задавали за весь день. Легче был только вопрос днём ранее: «Как Мао Цзэдуну удалось проплыть 15 километров за 1 час по реке Янцзы?» Немного подумав, Гавриил сказал: «16 декабря 1773 года произошло так называемое Бостонское чаепитие, когда Сэм Адамс с „сынами свободы“ проник на английский корабль и сбросил за борт 342 ящика с чаем. При этом нападающие были одеты в костюмы индейцев, а на голове носили птичьи перья». И он выиграл. Это была самая красивая победа, которую я когда-либо видел на тот момент. Позже я спросил у него: ты это ночью выучил? Он ответил: «Нет, я сегодня перед самым выходом конспекты повторил, и эта запись была в моей тетради самой последней. Только благодаря этому я и вспомнил». Вот так вот. Последняя запись в тетради. Знание географии и невероятное везение. А может, просто судьба? Если тебе предначертано что-нибудь сделать, все силы Вселенной будут помогать тебе в этом. Гавриил доказал это на собственном примере. Честно говоря, я немного завидовал ему, но был искренне рад, что он справился, и ему теперь не надо нервничать, страдать, загружать мозг гигабайтами знаний... Он мог расслабиться и почувствовать себя свободным! Разве это не здорово?

Тем временем Оксана и Рита пребывали в глубокой депрессии. Прошло уже шесть передач, а их так и не спросили. Я прекрасно понимал девчонок — сам был на их месте, правда, недолго. Искренне желал им удачи, но она все никак не шла. Видимо,

они сами мало верили в успех, поэтому он и обходил их стороной. На седьмой передаче, посвящённой Джорджу Вашингтону, Оксане повезло — её спросили целых два раза, причём во второй раз она ответила так хорошо, что ей дали не только орден, но ещё и медаль. Интересно было наблюдать за человеком, на которого внезапно обрушивается столько счастья. Минуту назад он разбитый и мрачный — миг! — и вот он уже сверкает и улыбается, а ещё через пять минут забывает обо всех бедах и ведёт себя так, словно это счастье было с ним всю его жизнь с рождения. Не успел я порадоваться за Оксану, как пришёл мой черёд сражаться за своё будущее — четвёртый агон, тема «Томас Джефферсон». Не то чтобы я великолепно знал его жизнь, но месяц назад я прочитал о нём пару книг, так что чувствовал себя довольно уверенно. Как оказалось после, было бы достаточно и одной книжки — почти все ответы уже были у меня в голове. Все, кроме одного. Против меня играли парень из Дагестана — джигитская внешность и острый, как кинжал, взгляд выдавали опасного противника — и маленькая кудрявая девочка, которую я как угрозу не рассматривал в принципе. «Умники» рассаживаются, мне надевают микрофон, симпатичная гримёрша пудрит нос, в голове эхом звучит заготовленная речь. Администратор уводит нас за сцену, показывает, откуда выходить. Мы остаёмся одни. «Мотор!» — кричит режиссер. За декорациями танцует «Домисолька», аплодируют ребята, Вяземский читает текст. Сердце тяжело бьётся, очень трудно держать себя в руках. Я не собьюсь, я покажу себя достойно. Мне ничего не страшно. Моих противников уже вызвали, я стою и жду. Глубокий вдох, разгонка сознания — вокруг пламя, всё горит, всё пылает! И вдруг огонь гаснет и всё покрывается снегом, дует прохладный ветерок… Всё, я готов. Глаза блестят, сердце бьётся в обычном темпе. Я вижу, слышу, чувствую всё, что происходит вокруг меня. Я пошёл. «…и Ярослав Туров, Амурская область, город Благовещенск!» — гремит из колонок. Аплодисменты, пологая лестница, третья позиция прямо напротив камеры. Объектив направлен на меня. Я знаю, что через этот объектив меня увидят тысячи

людей. Десятки из них, может, даже запомнят моё имя…

Итак, конкурс русского языка. На первый взгляд всё довольно легко, но всё-таки две ошибки я допустил. Это были слова «агентство», где я в первом случае пропустил «т», и «дилетантский», где я не зачеркнул вторую букву «л». Джигит сделал четыре ошибки, девочка три. Конкурс красноречия. Так как в ареопаге сидел чрезвычайный посол, тема звучала следующим образом: «В век глобализации, саммитов и информационных технологий зачем нужны послы?» Высокий гость немного задержался, поэтому дали не пятнадцать минут, как обычно говорит Вяземский в эфире, а все тридцать. За это время я успел переписать свою речь пять раз. Первые три варианта были чем-то довольно посредственным. Мелькнула мысль: «Что это я написал такое?! Все же будут говорить эти сухие общие фразы. Надо быть оригинальнее!» И написал новую речь, потом чуть отшлифовал её — готово. Тридцатисемисекундный спич сверкал эпитетами и сравнениями, но нёс в себе довольно мало смысла. Ну да ладно. Будь что будет! Выступал я третьим. За время выступления оппонентов боялся позабыть собственную речь, но всё обошлось. Как и ожидал, говорили они довольно сухими фразами, хоть и не сбивались ни разу. Затруднюсь описать собственное выступление, но всё же попробую: — Здравствуйте, уважаемый ареопаг! Посол — это звучит гордо! Посол — как Воин на страже спокойствия государства, он — как Слово, произнесённое народом, несущее благо и долгожданный мир. Посол — Перчатка, брошенный вызов, объявление войны. Посол — глаза и уши страны, её велеречивые уста. Послы даже в наш суетный век информационных технологий имеют архиважное значение. Защищая интересы страны, поддерживая её престиж на международной арене, охраняя жизнь и свободу граждан за рубежом, послы вносят свой неоценимый вклад в строительство мира и… — Очень хорошо, но сорок секунд истекли! — прервал меня Вяземский. — Хвала послам! — сказал я громко.

Посовещавшись, ареопаг постановил: раз это конкурс красноречия, то красноречивее всех был Ярослав, поэтому «ему отда-

ём первое место». Джигит занял второе, девочка третье.

— Какую дорожку берём?

— Красную, — ответил я не задумываясь. Ещё вчера я твёрдо для себя решил, что повторю путь Гавриила. Но у каждого из нас свой путь.

— Она самая опасная. Но при этом самая быстрая. Всё равно берём? Отлично!

Джигит выбрал «цвет ислама» — зелёный. Девочке досталась жёлтая дорожка. Первый вопрос: «Почему Джефферсон стал вице-президентом Адамса, если они были противниками?» Я для себя сразу нашёл ответ — потому что в США тот, кто получает второе место на голосовании, становится вице-президентом вне зависимости от партийной принадлежности. Джигит не ответил — штрафное очко. Второй вопрос: однажды Джефферсон с внуком катались на лошадях, мимо проходил негр и поздоровался, сняв шляпу. Джефферсон ответил ему тем же, а внук негра проигнорировал. Что ему сказал Джефферсон? И на этот вопрос я знал ответ — читал в книге В. Согрина, профессора МГИМО. Джеф- ферсон сказал внуку: «Неужели ты позволишь этому негру быть бóльшим джентльменом, чем ты сам?» Девочка дала такой от- вет: «Надо здороваться». Штрафное очко.

— А что выбираете вы, Ярослав? У меня был выбор из пяти вопросов. Названия «Исключение из правил», «Принципиальное решение» и некоторые другие не вызывали у меня доверия, а вот «Аграрный путь» смотрелся очень даже ничего. Я знал об аграрной политике Джефферсона. — Аграрный путь. — А может, что-нибудь другое? — Нет. В Благовещенске развито сельское хозяйство. — Я очень рад за Благовещенск, но мы сейчас говорим о Джеф- ферсоне. Итак, вопрос: как известно, Джефферсон был ярым про- тивником промышленного развития страны и выступал за аграр- ный путь. Как он объяснял такое своё решение? Я решил немного подумать и сформулировать чёткий ответ. — Джефферсон считал, что только в аграрном государстве можно построить общество свободы и справедливости, в отличие от государства промышленного, где всякое производство ведёт

к закабалению народа. По глазам Юрия Павловича я понял, что ответ можно считать правильным процентов на пятьдесят. Никто из теоретиков на трибунах также не дал абсолютно верного ответа. Тогда Вяземский зачитал: «Промышленный путь развития ведёт к сосредоточению всей власти в руках маленькой кучки людей и разрастанию коррупции».

— Я говорил о закабалении народа, — попытался защититься я.

— Ваш ответ был недостаточно точным, поэтому мы склонны не пропустить вас вперёд без штрафного очка, — сказал судья. Вяземский молча посмотрел на меня. Татьяна Смирнова глазами указывала на пачку карточек с блиц-вопросами. Намёк был понятен. — Ва-банк.

— Безумству храбрых поём мы песню, — трагичным голосом сказал Юрий Павлович.

— Безумство храбрых — вот радость жизни, — вторил я ему эхом.

Итак, передо мной штук тридцать белых карточек. Гавриил вы- тащил крайнюю левую. Что-то подсказывало поступить наоборот. Не задумываясь я вытащил крайний правый билет. Вопрос: в Па- риже — Лувр, а в Нью-Йорке какой самый знаменитый музей изо- бразительного искусства? Ответа я не знал. Но паники почему-то не было. Немного подумав, я сказал: «Музей мадам Тюссо». Как оказалось, музей Тюссо находится в Лондоне, и выставляют там не картины, а восковые фигуры. Вот так вот.

— Это неправильный ответ. Правильный ответ — Метрополитен. Ярослав, вы нас покидаете на две передачи. Хотя нет, я буду по вас скучать, приходите через одну! — Вяземский подмигнул мне, я поклонился и ушёл. Не чувствовал в себе ни паники, ни разочарования, ни злости, ни досады. Почему-то теперь я был абсолютно уверен, что выиграю. Слишком удачно сначала всё складывалось. До конца передачи я сидел в студии за кадром и слушал вопросы. Мысленно ответил почти на все, причём ответил правильно. Вопросы с названиями «Принципиальное решение» и «Исключение из правил» оказались настолько лёгкими,

что я даже беззвучно рассмеялся. Кто бы мог подумать… Вот она, судьба. Она сама направила мой выбор, сама вручила мне этот вопрос, сама же ответила на него, сама не пропустила меня дальше. Значит, так было нужно. После передачи меня к себе подозвала Татьяна Александровна.

— Ты не расстроился?

— Нет, спасибо за ваше беспокойство. Я верю в справедливость.

— Правильно делаешь. У тебя всё будет хорошо. Я это знаю. — После этого диалога я окончательно успокоился. Будущее было предопределено.

День шестой. Александр III и его эпоха

Оксана, как «умница» с двумя орденами и одной медалью, прошла на дорожку во второй агон, поэтому усиленно готовилась всю ночь. Я тоже готовился, но не так интенсивно — был уверен в победе, хотя поводов для этого не было — на груди болтался всего один орден, под конец олимпиады уже не смотревшийся так круто, как в начале. С собой у меня было несколько тетрадей, в них я делал записи, когда читал литературу по теме. В числе прочего я прочитал в конспекте такую запись: «На коронации А. III сам надел на себя корону, т. к. ни один церковн. иерарх не сочет. в себе всех благодет., кот. воплощ. в себе царск. власть». Я тогда ещё поду- мал, что эта запись очень странная, — я не помнил, чтобы делал её. Не придал значения, но запомнил. Оксана сражалась во втором агоне, против неё бился Ашхабад. Странно вдвоём смотрелись эти двое. Миниатюрная хрупкая девочка и огромный рыжий детинушка. Давид и Голиаф. Игра сложилась интересно, но предсказуемо. Ашхабад занял первое место, встал на жёлтую дорожку и вылетел после двух вопросов, прогудев: «Я только про Мао Цзэдуна читал». Эх, бедняга, зачем он поставил всё состояние на одну лошадь? Мне было немного жаль его. Туркменистан — очень закрытое государство с тоталитарным уклоном, где дети в школе изучают идеологическое учение своего духовного вождя «Рухнама» — «Книгу о душе».

По мнению оного правителя, все нации на земле произошли от туркменов, Туркменистан является одним из восьми самых развитых в мире государств, при этом на всю столицу имеется лишь один государственный интернет-клуб, а что такое «идеологический плюрализм» — там и слыхом не слыхивали. Ещё в самом начале нашего знакомства Ашхабад сказал мне, что «Умницы и умники» — его последний шанс вырваться из страны, и если этот шанс провалится, он поступит в МГИМО — Марийский государственный институт межплеменных отношений. Очень грустная шутка, особенно при тех огромных знаниях точных наук, которые имел этот добродушный гигант.

Оксана попала на зелёную дорожку и тоже вылетела, но лишь потому, что «не попала» в те книги, по которым составлял вопросы сам Вяземский. Так как она жила в Тульской области, особой жалости тогда я к ней не испытал — до Москвы три часа езды на электричке, прорвётся. Это вам не шесть тысяч километров из Благовещенска лететь. Жалко было мою вторую соседку, Риту. Это бедное дитя спрашивали всего три раза. Первый раз она заработала орден, второй раз не ответила, а в третий ответила не до конца. Этот крах, очевидно, стал первым в её лишённой острых углов жизни, но, я думаю, ей он пойдёт на пользу.

Перед третьей передачей я столкнулся в коридоре с Ильёй Резником. Блокнота у меня с собой не было, зато были ручка и бумажник. Не раздумывая сунул ему сто рублей и попросил дать автограф. Он написал на купюре: «Ярославу любви и удачи! Илья Резник, 2009 год». Всё складывалось как нельзя лучше. Меня спросили три раза, и все три я зарабатывал орден. Последний вопрос, заданный мне, звучал так: «Кто и почему надел корону на Александра III на коронации 15 мая 1883 года?» Это было не просто везение. Это была судьба. В конце третьей передачи Илья Резник почитал нам свои стихи и сказал, что подарит пять своих недавно вышедших книг тем, кто ему больше всего понравился. Меня к себе он вызвал последним. Мне было очень приятно. В итоге у меня на шее висели четыре золотистых ордена, столько же было ещё у одного парня, Даниила Лапача.

Из двенадцати передач были две, на которых не выиграл никто. Вакантные места победителей, прошедших в полуфинал, заняли мы двое. Мы стояли перед камерами в момент нашей славы и нашего триумфа. Было приятно и немного грустно. Вяземский поздравлял нас, жал нам руки и говорил в объективы тёплые слова прощания. Когда он стоял рядом, я шепнул ему: — Спасибо вам.

— За что?! — удивился он. А действительно, за что?

— За вашу книгу, — нашёлся я.

— Мы об этом ещё поговорим, — сказал он и ушёл. Позже я вручил ему книгу об Амурской области и сфотографировался с ним. Больше в «Останкино» мне делать было нечего.

День седьмой. Прощание

Расставаться всегда нелегко. Особенно если успел привязаться к людям. Самыми счастливыми моментами в моей жизни были дни, когда я попадал в родную среду — семинар молодых писателей, лагерь одарённых детей «Амурчата», областные олимпиады. Теперь этот список пополнила программа «Умницы и умники». Одним из ценнейших качеств на свете я считаю понимание. Трудно жить, когда тебя не понимают. Всегда приходится подстраиваться под других, делаться понятным, лицемерить — так проще другим. Но не тебе. Когда ты такой, какой есть, ты счастлив, тебе легко и свободно дышится, любое дело в руках спорится — потому что вокруг родные люди. Пусть не по крови, но по духу. Как бы ни сложилась моя судьба дальше, я в любом случае буду счастлив, что в моей жизни случилось такое яркое и запоминающееся событие. А ещё я обрёл нового друга. Пусть Гавриил для меня пока что всего лишь личность, которая пришла и ушла, не оставив особенно глубокого следа, но если мы вдвоём поступим в МГИМО, это будет союз силы и разума, сокрушить который не будет способно даже время. Оксана прошла в полуфинал по количеству орденов, как теоретик. Рита, к сожалению, осталась не у дел. Дай бог ей сил справиться со всеми препятствиями, что встанут у неё на пути. Мой учитель Александр Васильевич

Урманов как-то сказал: «Желаю тебе удачи. Посмотрим, каким ты вернёшься сюда, со щитом или на щите».

Как оказалось, бог услышал мою мольбу и подсказал мне верный ответ. И я вернулся со щитом. И пусть я не прошёл в полуфинал сразу, мой путь был красив и извилист. Я очень доволен собственным результатом. Впереди меня ждёт полуфинал, месяц зубрёжки и… надеюсь, очередная победа.

Декабрь 2009, Благовещенск

ПУТЬ НАВЕРХ

Полуфинал

День первый. Москва

Люди, люди, люди… Много людей! С прошлой поездки я так и не привык к ним, а может, успел отвыкнуть. И немудрено. Почитайте месяц Льва Толстого безвылазно, как я, отвыкнете не только от людей, но и от самого себя. На месяц ваше сознание полностью сливается с сознанием другого человека, с его мыслями, чувствами, страданиями, сомнениями. Сложно не растерять здесь себя. Учитывая, что для меня таким человеком стал Лев Николаевич, моя личность была просто раздавлена, а в голове крутилась только одна мысль — не сойти бы с ума

Вокруг — занесённая снегом столица. Пушистые хлопья падают волшебно, как на новогодних открытках, крепкий морозец щипает за нос. Я ничего не чувствую. Просто тащу тяжёлый чемодан по сугробам и стараюсь не попасть под машину. Ощущение такое, будто мир — грубо нарисованная на заборе абстракция, какой-то бред сумасшедшего ёжика, заблудившегося в тумане. Только у ёжика перед глазами чёртики, а у меня — Чертковы. Иногда мелькают ещё Болконские, Ростовы, Каренины, Вронские… Катюша Маслова скалит мне зубы за рулём «Мерседеса»… Чемодан тяжёлый, сугробы глубокие. За мальчиком в дурацкой меховой шапке вьётся вереница следов и синяя борозда. Вспоминается Толстой с плугом. Смеюсь. Ругаюсь. Умоляю себя пройти ещё хотя бы сто метров. Потом ещё двести. Потом ещё «чуть-чуть». Вот и Башня. «Здравствуй, надменная дура!» — кричу. Молчит. Не слышит. Видно, ей по фигу.

День второй. Снова здесь

Подготовка началась с четырёх утра. Гавриил, с которым нас снова поселили вместе, имел привычку, пошутив, заразительно

засмеяться и прямо во время смеха резко делать серьёзное лицо. Повторить этот фокус я не мог, и в итоге, давясь смехом, корчился под его пристальным скорбным взглядом. Несколько раз он пытался научить меня владеть лицом, но быстро разочаровался — ученик из меня был никакой. «Ты слишком искренний», — сказал раз Гавриил после долгого молчания. Кем-кем, а искренним я себя никогда не считал. Однако я чувствовал, что эти тяжёлые серые глаза видят меня насквозь. Это раздражало, я чувствовал себя голым. Прекрасно видя моё раздражение, Гавриил становился очень вежливым, извинялся по поводу и без повода, причём делал это так, что невозможно было понять, кривляется он или говорит правду. За это я злился на него ещё больше. Помните момент в «Войне и мире», когда Пьер Безухов приехал к Андрею Болконскому в Богучарово после своего южного путешествия? Долгая беседа о смысле жизни захватила их, заставляя по-новому глядеть на окружающий мир. Так и мы с Гавриилом тёмным вечером в свете фонарей прогуливались по Москве, чувствуя приближение чего-то великого и таинственного. Я представлял себя князем Андреем, надменным и самоуверенным, с каким-то незаслуженным презрением к мелочам вслушивался в речи Гавриила-Пьера, толкующего о том, что жизнь наша — это беспрерывное и бесконечное развитие от низших форм мира материального к высшим формам мира духовного или даже божественного.

— Развиваясь во Вселенной, человек проходит все стадии эволюции, начиная от камней, минералов, простейших грибов и бактерий, продолжая растениями, животными, бесконечно перерождаясь в новом воплощении.

— А каким животным был я в прошлой жизни?

— Скорее всего, одной из высших обезьян, — пожал плечами Гавриил. Такой ответ меня немного разочаровал. Хотелось услышать название животного, наиболее подходящего мне по характеру — на обезьяну я мало похож. Видя это, Гавриил разъяснил:

— Пойми, что от характера тут ничего не зависит. Высшие обезьяны стоят на наиболее близкой к нам ступени развития.

Далее ты, скорее всего, был охотником в первобытной общине, потом крестьянином в каком-нибудь феодальном государстве…

— Мне кажется, я не был рабочим, я был воином. Наёмником, — сказал я.

— Что ж, вполне вероятно. Но важно то, что, пройдя весь этот путь, мы оказались именно здесь, в России. Что-то страшное грядёт. Мир, такой, какой он есть сейчас, подходит к концу, очень скоро всё изменится.

— Опять разговоры про конец света?

— Вовсе нет. Это будет не конец, это будет начало. И очень показательно то, что мы родились именно в 1992 году, чтобы именно к этому началу успеть вырасти, развиться, набраться сил и разума. Мы должны будем сыграть во всём этом какую-то роль. Всё это неспроста.

— Знаешь, одно время меня тоже посещали мистические прозрения, что будущее грядёт, — поморщился я. — Но если рассудить логически и проследить отечественную историю, то мы с тобой не найдём там ни одного светлого пятна, когда что-то действительно кардинально менялось. Пётр, дворцовые перевороты, Екатерина II, Николай, Александр, снова Николай, Ленин, Сталин… Все были тираны, все лили кровь, все раз-два да расшатывали столпы, на которых держится наш народ, ставили его на край гибели. Сотни, тысячи, миллионы жертв истории канули в Лету, а Россия всё живёт и даже кое-где процветает. Как жили, так и будем жить.

— Смотри, в начале 2009 года в мире проживало примерно 6 миллиардов 600 миллионов человек. На начало 2010 года их стало 6 миллиардов 800 миллионов. К 2012 году нас станет уже 9 миллиардов, к 2015-му — 11 миллиардов. Ну а дальше там пойдёт чистая геометрическая прогрессия, сам высчитывай. Мир просто физически не сможет остаться таким, какой он есть сейчас. Он просто вынужден будет измениться, причём изменение это будет кардинальным и произойдёт в течение одного года или даже нескольких месяцев. В самом лучшем случае изменения произойдут только в геополитической сфере, в худшем…

О худшем я даже подумать боюсь.

Гавриил говорил что-то ещё, но я не слышал его, мне сделалось страшно. Страшно от того, как я мал и ничтожен и какая волна зарождается там, вдали, во всём. Она сокрушит всё на своём пути, перевернёт, смешает и создаст новый мир. Каким он будет? Найдётся ли мне в нём место с моими примитивными суждениями, знаниями и представлениями о законах Вселенной?

— Осталось очень мало времени, — каким-то совершенно особым, утробным голосом говорил Гавриил. Мне казалось, что это уже не он сам, что это какое-то высшее существо, снизошедшее до диалога со мной, выбрав оболочку этого сероглазого смертного. Существо переваливалось с ноги на ногу и сверлило меня буркалами, улавливая малейшие дуновения ветерка и колебания травы на бедных полях моей мелкой душонки. Оно видело все мои пороки и недостатки, но не осуждало их, так как было несоизмеримо выше — мы же не осуждаем муравьёв за их пороки. — Осталось очень мало времени. Тебе даны большие способности, Ярослав. Ты можешь повлиять на ход событий, если возьмёшься за серьёзное дело прямо сейчас. Это во времена Толстого, когда время текло, как кисель, можно было преодолевать этап за этапом, перерастая «Детство», «Отрочество», «Юность», «Севастопольские рассказы», и только потом браться за «Войну и мир», ведя при этом самый развратный образ жизни. Сейчас нет на это времени. Тебе нужно браться за «Войну и мир» прямо сейчас. В твоей голове уже есть всё необходимое, чтобы начать. — Сказав это, существо снова стало Гавриилом. Наваждение пропало.

— Я уже начал повесть и не могу бросить её на полпути, — промямлил было я в ответ, но потом растерянно уставился на Гавриила. Тот усиленно чесал нос. — Постой… Гаврила, это ты сейчас сказал?..

— Что именно? — удивился Гуляевский (такая у него была фамилия) и тут же чихнул. — Слышь, Яр, пойдём в номер, я что-то подмерзать стал…

Тем же вечером мы втроём — Гавриил, Оксана и я — отправились в «Останкино» на репетицию. Шли молча, глядя под

ноги — снег начал подтаивать, тротуар хоть и не превратился в одну сплошную лужу, но был весьма близок к этому. Я был бы не прочь поплавать, но в другой компании и при других обстоятельствах, а пока просто молился и посылал в космос сигналы положительной энергии, настраиваясь на победу. «Умники» - регионалы встретили нас радушно. Перед игрой, когда все были равны, на лицах светились улыбки, все желали друг другу удачи, внутри же искренне желая удачи лишь себе. После короткой беседы стало понятно, что по биографии Толстого все читали одну и ту же книгу — Виктора Шкловского из серии «ЖЗЛ». Особо старательные, отыскав более позднюю версию оного труда под авторством Зверева и Туманова, прочитали и её. Итого, вся борьба наша скатывалась к тому, кто внимательнее читал, потому что три романа — «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение» — были прочитаны каждым. Как оказалось после, это помогло далеко не всем. Пока в кругу «умников» царили мир, дружба и жвачка. Общаться было легко и приятно, все шутки были исключительно про Льва Толстого (другого юмора здесь не понимали), я нравственно отдыхал.

Зашли в студию. Боже, какая ностальгия! Как я, оказывается, соскучился за месяц по этим жёстким фанерам, натирающим зад, по этой «цапле», неустанно порхающей по залу, по этому ареопагу, который, кстати, сделали ниже метра на полтора. Уйдя в добровольное заточение в свою комфортабельную келью с компьютером, телевизором и кроватью, я весь месяц душою жил именно здесь, сидел именно здесь и тянул руку. Некоторые думают, что поднятая рука — признак пятёрочника, чистюли, «ботаника», не способного ни к чему другому, кроме как к поглощению знаний. Они ошибаются. Поднятая рука — это боевое знамя победы, оно поднимается в момент, когда чувствуешь в себе силу ответить, показать свою подготовку. Поднимая руку, человек становится выше, он довлеет над собеседником. Поднятая рука — символ сильного и уверенного человека, именно такими и являются «умники» в программе. Они — живое воплощение успеха, победы, удачливости и психической выносливости: такие нагруз-

ки, которые выдерживают они, способен выдержать не каждый культурист. Месяц без остановки изучать Льва Толстого — всё равно что месяц без остановки поднимать штангу. Нет, это даже тяжелее — штанга не подавляет тебя своей волей, не заставляет чувствовать себя муравьём, никчёмной амёбой.

Вяземского увидели далеко не сразу — он, слегка шаркая ногами, заложив руки за спину, прохаживался в тени. С прошлого раза он показался мне сильно похудевшим — видимо, для него Лев Николаевич в объединении с десятью веками истории Древней Японии тоже не прошёл даром. После краткой инструкции нам огласили рейтинг, сформировавшийся после четвертьфинала. Я в нем стоял на 12-й позиции из 23 существующих. Другими словами, из двенадцати агонистов, которым было даровано право выступать на дорожках, я был последним. Как оказалось, именно это сыграло важную роль. Вызывали четвёрками. Гавриил, стоявший в рейтинге на четвёртом месте, оказался последним в первой четвёрке и карту не тянул. Судьба в лице Юрия Павловича протянула ему билет в четвёртый агон. Затем распределились ещё две четвёрки, и настала моя очередь. Карту я не тянул. Скорее, карта тянула меня. Даниил Лапач, заработавший в четвертьфинале, как и я, четыре ордена, был на одиннадцатом месте и тянул карту передо мной. Так как карты с цифрами «1» и «3» уже были вытянуты, нетрудно было догадаться, что остались «2» и «4». Сражаться с Гуляевским мне не хотелось, поэтому я решил немного «подкорректировать» судьбу. Но та оказалась хитрее.

— Вытяни второй, — шепнул я — и тут же спохватился: ведь если бы Даниил вытянул второй агон, мне достался бы четвёртый. Но было уже поздно. Лапач вытянул карту — и на ней, словно издёвка фортуны, алела цифра «два». Губы мои скривила ухмылка. Это будет даже интересно… На своё место я сел, сверля глазами Гавриила, словно пытаясь его загипнотизировать. Весь зал внимательно наблюдал за нами. Улыбки у всех исчезли. Борьба началась.

День третий. Сомнение

Когда Одиссей возвращался домой в Итаку, его путь пролегал мимо острых скал, на которых жили сирены. Они заманивали моряков на рифы своим прекрасным пением, а потом пожирали их трупы. Одиссею очень хотелось и остаться в живых, и сирен послушать, поэтому он залепил гребцам уши воском, а сам приказал привязать себя к мачте, чтобы, обезумев, не броситься в море. Чем-то эту легенду напоминала моя подготовка к игре. Гавриил, живший со мной в одном номере, был одним из самых интересных собеседников, которых я когда-либо встречал. Стоило ему раскрыть рот, как я забывал всё на свете и пускался с ним в бесконечные и увлекательные споры обо всём на свете — был ли Николай Второй безвольным, по чьей вине началась Первая мировая война, ради чего нам следует жить, как жить, во что верить и согласно своей вере какие средства в жизни выбирать. Много было тем, всех не упомнишь. Так вот, я, как тот Одиссей, очень хотел и поговорить всласть — ещё бы, целый месяц молча над книгами просидеть! — и к игре подготовиться. Последнее в компании Гуляевского было совершенно невозможно. Несколько раз я думал, что из него вышел бы пастор какой-нибудь новомодной церкви или, скажем, адвокат. Безупречно владея лицом, умея находить слабые точки в позиции оппонента, Гавриил мог в два счёта разрушить самую прочную теорию, что, впрочем, и делал. У меня тут же рождалась другая, он опровергал и эту, и так до бесконечности. Готовиться в такой обстановке было всё равно, что Сизифу катить свой камень на вершину горы. Уговоры заткнуться не помогали, и я в конце концов нашёл способ — заткнул уши берушами, которыми мама меня снабдила для самолёта. Средство оказалось действенным, но и тут Гавриил находил способы меня отвлекать, делая во время чтения совершенно уморительные рожи или копируя все мои движения. Он был как печальный клоун, скорбный арлекин, со смертной тоской в глазах заставлявший меня кататься по полу от смеха. Досаднее всего было то, что я никак не мог этому противиться. Вечером мы опять, как перипатетики, прогуливались, без конца обсуждая

законы, по которым живёт Вселенная. Помню жуткий страх, нахлынувший на меня тогда. Причиной его была растерянность — я просто не знал, во что мне верить, какую стратегию избрать. В душе, как кошка с собакой, не уживались два мира — фатализм и антифатализм, вера в судьбу и вера в то, что ты сам являешься причиной того, что происходит вокруг тебя. Объяснения Толстого: что жизнь, мол, есть смешение этих двух миров, что я, к примеру, могу в любой момент поднять и опустить руку, и тут я совершенно свободен, но когда бегу в атаку со своим полком, я не могу повернуть назад, потому что это выше моих сил, — эти слова не утешали меня, потому что они не учили меня, как следует поступать. Фатализм звал расслабиться и положиться на волю случая — если мне суждено будет выиграть, то это случится в любом случае, если же я проиграю, значит, это будет своеобразный урок, который преподал мне бог. Сразу вспоминается Печорин, бросавшийся под пули, веря в неизбежность предначертанного. Вера в рок звала меня рискнуть всем и ступить на красную дорожку, полностью отдав себя во власть этих невидимых волн, то качавших меня плавно и тихо, то швырявших, как при штормовом ветре, из стороны в сторону. Вера же в собственные силы вселяла страх и неуверенность в себе — слишком много вокруг умных и достойных, слишком много тех, кто прочитал больше и внимательнее, чем я. Этот путь советовал мне выбрать золотую середину — хорошую, но трусливую жёлтую дорожку, путь неудачника, потому что его обычно выбирали те, кто становился вторым. За всё время просмотра передачи «Умницы и умники» я помню всего несколько раз, когда выигрывали на жёлтой дорожке. Победы людям даются в основном на красной, где ты реально показываешь свои знания и силу, либо на зелёной, где ты выигрываешь автоматически, когда твои противники, согнувшись под тяжестью непомерного бремени вопросов, треща раздавленными костями, плетутся на трибуну. Всё, как в жизни.

Тогда я решился. Лучше пусть я проиграю на красной, но все будут видеть, что я сильный и не боюсь рисковать. Пусть все зна-

ют, что я играю со своей судьбой и не страдаю малодушием. Лучше пусть думают, что я излишне самоуверен, чем будут лицезреть мои сомнения. Слабость и неуверенность отступили, и я почувствовал себя почти счастливым. Мой бог, моя судьба, мои родные и близкие — все они со мной. За спиной — целая область, болеющая за своего земляка. Я не имею права их подвести. Пусть знает Россия, что в Амурской области не боятся глядеть в лицо своей судьбе!

День четвёртый. Лев Толстой

Утро прошло в спешных приготовлениях. Пятнадцать минут суматошной беготни по номеру с мокрой головой и в одном носке — и я причёсанный, напомаженный и красивый, как торт с молочной глазурью, сверкаю улыбкой перед зеркалом. Страхи, сомнения, усталость — всё в прошлом. Только сила и уверенность в победе. Больше ничего. В «Останкине» пахло духом противоречия. Все были смущены и взволнованы. Кто-то причитал, что обязательно «запорет» речь на конкурсе красноречия, кто-то сетовал, что не перечитал в третий раз конспект, а кто-то самодовольно поглядывал из-под прищуренных век на «всех этих плебеев и пролетариев», собравшихся здесь. Услышав имена победителей полуфинала для москвичей (или москаликов, как их тут окрестили), я нисколько не удивился. Это были лучшие из лучших. Мысль, что лучшие прошли в финал, а середнячки остались с нами, успокаивала — я знал, на что способны мои будущие противники, и, следовательно, не ожидал неприятных сюрпризов. На трибуне сел в самый центр, чтобы меня было лучше видно. Заранее приготовил светящееся улыбкой лицо. Улыбка — мощный человеческий магнит, при умелом обращении он способен творить чудеса. Съёмка началась. Юрий Павлович, как всегда, не давал нам скучать, то изображая воинственного самурая, то вступая в шуточную пляску с камерой-«цаплей».

Несколько слов хочется сказать о победителе первого агона Григории Фёдорове из Калининграда, которого все за его привычку коверкать слова на иностранный манер прозвали

Кёнигсберг. Если представить себе Колосс Родосский, уместившийся в теле невысокого, обаятельного и при этом очень наглого паренька, можно получить приблизительное понятие о Кёнигсберге. В сложнейшем конкурсе русского языка сделав всего две ошибки, на конкурсе красноречия с расстановкой прочитав речь, поразившую самого Вяземского, Кёнигсберг выбрал красную дорожку и ответил на два вопроса по «Войне и миру», на которых прогорел бы любой другой «умник». Гриша даже попытался процитировать слова одной из героинь на французском, но разволновался и ответил-таки на русском. Ленин говорил о Толстом, что он «глыба» и «матёрый человечище». Мне со своего невеликого пока что роста одиннадцатиклассник Фёдоров показался именно такой глыбой, которая, при желании, вполне способна подмять под себя всех этих мальчиков и девочек, нервно трясущих хилыми ручками перед высоким ареопагом. В хитрых глазах Кёнигсберга я видел что-то бесовское, чем-то он напоминал мне Наполеона, злого гения, в котором только просыпаются силы. Что-то мне подсказало тогда, что мы ещё встретимся на дорожках — не игровых, но жизненных, и как там повернётся судьба, вместе ли будем мы или супротив друг друга — время покажет.

Вторая и третья передачи прошли без особых случаев — всё уже было привычно. Не могу сказать, что мне нравились вопросы, которые задавал Юрий Павлович, и многие «умники» были со мной солидарны. За месяц прожив 82 года вместе с Львом Толстым, 7 лет вместе с Ростовыми, Болконскими и Безуховыми, два года вместе с Карениными и Вронскими, год с Нехлюдовым и Масловой — итого 92 года, — я узнал столько всего интересного, что это просто не передать словами. Вопросы же, как мне показалось, касались каких-то совершенно незначительных мелочей, не нужных ни «умнику», ни зрителю. По роману «Воскресение» вопросов не было вовсе, только по истории создания, а вопросы по «Войне и миру» не выходили за пределы второго тома, и о войне, о размышлениях Толстого о роли личности в истории в них не было ни слова. Часто после вопроса у меня

возникал другой вопрос: «Зачем?» Зачем был задан этот вопрос, если он совершенно ничему не учит? Просто для того, чтобы «умник» покрасовался своей идеальной механической памятью и получил орден? Либо я чего-то не понимаю, либо… Либо. Впрочем, не все вопросы были таковыми, попадались и очень любопытные, например: что такое деизм?

Итак, за три передачи я заработал два ордена второй степени — серебряные кругляши с буквой «У» сразу делали меня несоизмеримо счастливее тех, у кого их не было. Удивительно: простые куски пластмассы, а столько удовольствия! Это можно сравнить с получением почётного диплома, удостоверяющего тебя в том, что ты лучше, чем твой сосед. Это несправедливо, совершенно недоказуемо, ибо «люди как реки», нет хороших и плохих, а есть обычные, но какой-то бесёнок эгоизма в душе всё-таки не даёт тебе признать, что ты такой же. Есть у тебя орден — значит, ты лучше. Если тот, другой, такой же хороший, умный и сильный, как и ты, почему у него нет ордена? Странная логика, но с ней не смог бы поспорить никто, оказавшийся на моём месте.

Но вот подошёл и мой черёд показать свои знания, покрасоваться и победить, как «я того заслуживаю». Перед передачей я полностью отключил все свои благородные порывы, дал волю самоуверенности, чтобы ничто человеческое не мешало мне на пути к моей цели. На удивление, я совсем не волновался — даже во рту у меня не пересыхало, как бывает всегда перед важным выступлением на сцене. Я был совершенно спокоен, расслаблен и даже весело мурлыкал под нос какой-то задорный мотивчик, в то время как мои «братья по разуму» бродили вокруг с красными от злобы и растерянности ушами. Я понимал их отлично — вспоминались самые первые две передачи, когда меня не спрашивали и я чувствовал себя каким-то недочеловеком. Это ужасное ощущение, я даже не хочу его описывать, настолько оно противно. В ареопаге сидел Игорь Александрович Логинов, главный врач поликлиники МГИМО и проректор по воспитательной работе. Посему тема для конкурса красно-

речия была «Если хочешь быть здоров...» Пулей метнувшись в самый дальний и тихий угол, я уселся сочинять. Надо сказать, что ещё месяц тому назад, когда только начинал готовиться к игре, я долго ломал голову, как же мне отличиться на конкурсе красноречия: ведь правильно вызванное впечатление — половина успеха. Тогда, во время чтения «Войны и мира» (кажется, в момент, когда Наташа Ростова пела своим ангельским голосом), меня осенило — я же когда-то писал стихи! Почему бы не воспользоваться этим? Проблема состояла в том, что, если ты хочешь составить грамотную речь с рифмой в стихотворном размере на сорок секунд, нужно сложить два четверостишия, при этом избегая банальностей в стиле «пальто-полупальто» или «кровь-любовь-морковь». Лично мне сделать это за пятнадцать минут довольно проблематично — всё зависит от вдохновения. Если бы я застрял на первой же рифме (а чтобы её найти, как известно, надо извести тысячи тонн словесной руды), вся затея с речью прогорела бы — я бы просто не уложился в срок. Значит, надо было придумать что- нибудь более эффектное. И я начал писать белым стихом. Главная трудность тут — избежать «закольцованности» фразы, прямой дорогой ведущей тебя к рифме. К примеру, начало было такое: «Здоровый человек не тот, кто силой мышцы подковы гнёт и горы воротит...» Это закольцованная фраза, это неверно. Если продолжать развивать эту мысль пришлось бы: а) высчитывать слоги — в третьей строчке должно было быть шесть ударных слогов, а в четвёртой — пять, причём первая должна была бы заканчиваться на «женскую» рифму, а вторая на «мужскую»; б) искать рифмы к словам «мышцы» и «воротит». Так как с первого раза это сделать не получалось — пришлось бы тратить слишком много сил и времени, которого у меня не было — я начал ломать шаблонный ямб и пытаться вырваться из формы. И тут, выражаясь словами Гавриила, мне «открылся информационный канал». Проще говоря, речь попёрла. Перекрестившись, помолившись, потеребив все свои талисманчики (их при мне было штук пять), я ринулся в бой.

Против меня стояли Гавриил Гуляевский, мой товарищ

из Бурятии, и Анна Енина, жутко симпатичная девушка с обворожительными, но холодными, как лёд, глазами. Вообще противников как таковых у меня не было. Был только я, и всё. Это была моя битва с самим собой, и если бы я её проиграл, то проиграл бы только самому себе. В конкурсе русского языка сделал четыре ошибки. Тогда я не знал, что бакенбарды, манжеты и туфли в единственном числе имеют женский род. Плохо, Ярослав, очень плохо. Но богатый опыт наблюдений показал, что буковки на листке ничего не решают: всё определяет другой язык — тот, который хорошо подвешен. Гавриил произнёс очень медленную, смазанную и некрасивую речь. От человека, за кадром способного убедить кого угодно в чём угодно, я такого не ожидал. Гавриил сбивался, часто делал длинные паузы там, где их быть не должно, и вообще совершил все мыслимые и немыслимые ошибки. Енина сказала намного лучше, но слова её были просты, как философия школьника средних классов. До сих пор не перестаю удивляться, как такие умные и талантливые парни и девушки не могут понять элементарной истины: важно не то, что ты говоришь, но как ты это говоришь. Ты вообще можешь отвечать на совершенно другой вопрос, а не на тот, который тебе задали, лишь косвенно касаясь темы, если ты сделаешь это как надо. Художественные средства, эмоциональный посыл, тон голоса — вот что главное, а вовсе не смысл. Ежу понятно, что если хочешь быть здоров, надо делать по утрам зарядку, закаляться, не курить, не пить и есть только здоровую пищу. Искусство же состоит в том, чтобы эти банальные истины преподнести как нечто совершенно новое.

— Итак, Ярослав… — сказал Юрий Павлович, приготовив секундомер.

— Здравствуйте, уважаемый ареопаг! Здоров, по-моему, не тот, кто силой мышцы… — начал я восторженным голосом, но тут же подумал, что неплохо бы было добавить в свою речь немного невербалики — и стал размахивать руками, как Цицерон перед сенатом. Это была большая ошибка — я тренировал речь, голос, обороты, но не жесты. Это отняло слишком много

сил, я запнулся и решил начать сначала. — Здоров, по-моему не тот, кто силой мышцы... — Этот второй раз был больше похож на комариный писк. Поняв, что запорол всё, что только можно, я почувствовал вспышку страшного гнева и, не в силах совладать с собой, громко хлопнул руками по бокам. Впрочем, я тут же одумался, поняв, что на меня нацелено шесть камер.

— Так, стоп, стоп, стоп! Давайте договоримся с вами так: это был фальстарт, а настоящая речь прозвучит сейчас. Но второго шанса не будет, — проговорил Вяземский с лёгким осуждением. «Великий человек», — подумал я, вздохнул глубоко и начал: — Здоров, по-моему, не тот, кто силой мышцы пуды железа воротит и рушит могучих цитаделей шпили, что стремятся в небо. Здоровый человек до старости хранит рассудок слезою чистой, горным хрусталём и совестью кристальной! Кого бог хочет погубить, он разума лишает. Так береги же разум свой, здоровый человек! — В последнюю фразу я попытался вложить все силы, всё страдание за то, что разум человека всё больше деградирует со временем, обращается к злу и пороку. В зале повисла звенящая тишина. Все обдумывали услышанное. Нарушил её уважаемый ведущий.

— Чьи это стихи? — спросил он, тяжело глядя на меня из-под линз очков.

— Это не стихи, это просто мои мысли, облачённые в слог, — развёл я руками.

— Но это стихи. Белые, но стихи, — проговорил Юрий Павлович. Я снова слегка развёл руками. Всё и так было понятно.

И. А. Логинов безоговорочно даровал мне первое место, сказав, что в моих словах «есть смысл». Я усмехнулся про себя: смысла там как такового не было. Всего только четыре коротеньких предложения, первые два из которых перегружены пафосными эпитетами, третье — перевод одного из латинских изречений, которые я вычитал у Толстого, и четвёртое — простой совет, вытекающий из всего сказанного. Но! — первое место. Спасибо, Игорь Александрович!

— Какую дорожку выбираем? — был вопрос. Ну, Ярослав,

от твоих слов зависит дальнейший ход событий. Что выберешь — зелёную бронзу, жёлтое золото или красную медь? Поздно думать. Надо решаться!

— Я рискну ещё раз и возьму красную, — осторожно сказал я.

— Красная ваша!

И тут я словно шагнул в огонь. Всё. Я пленён, я загнан, дальнейшее от меня не зависит. Два квадрата с арабскими цифрами алого цвета превратились для меня в клетку — из них я не имел права сделать даже шага. Даже мотнуть головой, даже рукой взмахнуть отныне я был не в силах. Я словно окаменел, словно античная статуя, замер в одной позе. Енина выбрала жёлтую дорожку, а Гавриилу досталась зелёная. Забавно будет, если он повторит путь джигита, обошедшего меня в прошлый раз. Тема передачи — роман Толстого «Анна Каренина». Книга о женщине, которую я ненавидел всеми фибрами души: мало того что она изменила честному мужу, который ей дал даже не один, а несколько шансов исправиться, так она ещё и любовника довела до изнеможения, испортила жизнь ему и своим детям, за всю жизнь не совершила ни одного полезного поступка. Кроме того, тогда мне показалось, что роман был написан на редкость скучно и водянисто, больше половины деталей, по моему мнению, можно было с успехом выкинуть, и произведение от этого только выиграло бы.

Список вопросов вызывал смущение. «Любовь», «По-французски», «Развлечения», «Признание» и «Атеист». Я примерно представлял, о чём будут вопросы «Признание» и «Любовь», но их, как назло, взяли Гуляевский и Енина (которая, как и Каренина, была Анной). Ответы я действительно знал, но вот оппоненты мои подкачали. За Гавриила стало даже стыдно. Ведь простой же вопрос: в чём признался Константин Лёвин Кити Щербатской перед женитьбой? Но Гаврила оплошал. Итак, два промаха, у меня все шансы. Очень меня манил вопрос под названием «Атеист», он даже немного «светился» в моём воображении, что означало, что брать необходимо было именно его. Сам я не атеист — я верю в бога, в своего собственного, который все-

гда помогал мне, когда я его об этом просил. Еретик, язычник, агностик. Взять вопрос «Атеист» для меня означало бы обидеть моего бога, и я не стал этого делать. Самым последним появился вопрос «Москвичи», в моём воображении отчётливо сверкавший фиолетовым цветом. С одной стороны, фиолетовый — цвет тьмы, а с другой — мудрости. То есть, взяв его, я поступлю мудро. К тому же я вспомнил, как в конспекте прочитал слова графини Лидии Ивановны о том, что москвичи — самый равнодушный к религии народ. Не такой ли будет вопрос?

— Итак, «Москвичи». На платформе Московского вокзала, ожидая прибытия поезда, граф Вронский сказал Стиве Облонскому: «Какие-то москвичи...» — прочитал с листочка ведущий. — Продолжите цитату.

Всё. Тупик. Приехали. Ответа я не знал. Абсолютная сплошная толстая непроницаемая стена незнания и непонимания того, как на это вообще можно ответить. В прошлый раз, отвечая на блиц-вопрос про музей в Нью-Йорке, я хотя бы мог выдвинуть версию, но здесь даже о мало-мальски правдоподобном предположении не могло быть и речи. Сердце так бешено заколотилось, что мне показалось, я сейчас умру. Наверное, если бы я сейчас смотрел на себя со стороны, то удивился бы тому, как широко раскрыты мои испуганные глаза и как часто я моргаю. Но что же мне делать? ЧТО ДЕЛАТЬ??!

— К сожалению, у меня нет ответа на этот вопрос, — промямлил я, поражаясь сам себе. Неужели ради этого жалкого лепета я целый месяц читал Льва Толстого и преодолевал все мыслимые и немыслимые барьеры собственной воли??! А, будь что будет! — Но я помню слова Лидии Ивановны о том, что...

— Нас не интересует Лидия Ивановна, нас интересует граф Алексей Кириллович Вронский. ЧТО сказал Вронский? — настаивал Юрий Павлович. — Я верю, вы сможете, Ярослав, ведь у вас есть перстень и у вас есть длинные волосы, которые вам обязательно помогут. Ну же, версия!

Он смотрел прямо на меня. В тяжёлом взгляде его, вместившем в себе мудрость тысячелетий, я видел терпеливое ожида-

ние и даже некоторую снисходительность. Но он не сомневался во мне, и я был ему за это благодарен.

— Ну… может быть… он сказал, что москвичи… склонны к разврату? — предположил я. Разочарование. Грусть. Сразу же, без промедления, даже цвет глаз его изменился на миг. Это неправильный ответ.

— Нет, Ярослав, всё было не так. Слишком жёстко. Москвичи вам этого не простят. Вы пока думаете, будем ли мы играть ва-банк, а я пошёл на трибуны.

— Давайте, — пискнул я, но мой голос потонул в шуме кипящей крови у меня в ушах. И ЭТО ВСЁ??! Вот так позорно слететь второй раз с красной дорожки! Да это же уму непостижимо!!! Что скажут родители, друзья, учителя, одноклассники? Неужели я вернусь с позором домой и до конца школы меня будут преследовать злорадные, насмешливые и сочувственные взгляды? Нет, не бывать этому! Нет, нет, НЕТ!!!

«Вронский сказал: что-то эти москвичи какие-то резкие! Всё время на дыбы встают!» — послышалось сзади, и Вяземский даро- вал «умнику», которого звали Урмас, серебряный кругляш. Я, как оглушённый падением конь, тряс головой и изо всех сил пытался что-нибудь сделать. Всё, что мне оставалось, — посылать в космос сигналы SOS и молить бога о помощи. Бог был рядом.

— Ну что, идём ва-банк? Учтите, если вы неправильно ответите, то покинете нас до подведения итогов.

— А… а как же «Шанс»? — собственный голос казался мне жалким и неуверенным. Неужели это я?

— Ну, мой дорогой, — улыбнулся Юрий Павлович. — «Шанс» — это уже совсем другая история, туда приглашаются все без исключения, кто не победил на дорожках в полуфинале. Идём ва-банк?

— Идём. Через секунду передо мной возник небольшой веер белых бумажек с блиц-вопросами. Надо сказать, что я предвидел подобную ситуацию и основательно подучил географию, мифологию и древних философов — по этим темам чаще всего попадаются вопросы. Выучил все столицы мира, высочайшие горы,

вулканы, крупнейшие реки, озёра, моря, острова, полуострова, архипелаги, заливы, проливы, течения и так далее. Также повторил пантеон греческих и скандинавских богов — кто кому приходится братом, сестрой, мужем, женой, отцом, сыном, дедом, деверем, золовкой, тёщей, свёкром, шурином или свояком. Как оказалось, это мне очень помогло. Красная дорожка подо мной горела огнём — ноги жгло, как йогу на углях. Эта дорожка — путь пота и крови, она не любит слабаков и сомневающихся, она любит отважных, только им она помогает. Я знал это и изо всех сил пытался подавить терзающий меня страх перед неизвестностью. Сердце бешено колотилось, глаза видели с трудом, так что приходилось часто моргать. Какой же из листочков вытянуть? В прошлый раз я тянул листок прямо противоположный листку Гавриила — крайний слева. Это был неверный путь. Нужно всегда доверять своей интуиции. Я прислушался к ней и вдруг увидел, что один из листочков чуть заметно светится мягким золотистым светом. Не медля ни секунды, я вытянул его. «Какой самый крупный остров в Азии?» — был вопрос. Дорожка из раскалённой сразу же стала самой что ни на есть обычной. «Калимантан, это остров Калимантан», — слышал я в голове настойчивый шёпот. Но я решил подумать лишних десять секунд. Сразу вспомнились все крупные острова Азии: Сахалин, Суматра, Калимантан, Сулавеси, Новая Гвинея, Хонсю, Хоккайдо. Ну конечно же, это Калимантан! «Калимантан, Калимантан...» — звучал шёпот в голове.

— Я думаю, что это остров Калимантан.

— Что вы говорите! А не Борнео?

— Думаю, что нет, — растерялся я.

— Калимантан — это правильный ответ! Ярослав Туров без малейшего урона проходит во второй этап! Умница! — закричал Вяземский так, что мне от волнения заложило уши. — Дело в том, что Калимантан и Борнео — это одно и то же, поэтому ответ правильный.

Подо мной белела цифра «2», и этот символ, в другой ситуации вызвавший бы у меня лишь досаду, был мне милее всего на свете сейчас. Борьба ещё не окончена. Я ещё жив, я буду сра-

жаться!!! «Молодец», — услышал я тихий голос Татьяны Александровны и от этой простой похвалы не мог не зардеться густым румянцем, как смущённый мальчуган, которого незаслуженно хвалит учитель. На второй свой вопрос Гавриил опять не ответил, хотя он тоже был довольно прост. Енина со своим вопросом справилась, но о чём её спросили, я уже не помню.

— Ярослав, что выбираем? — Передо мной был выбор из пяти позиций, две последние звучали как «Вольнодумцы» и «Эпиграф». Ещё до начала передачи я пообещал себе брать только те вопросы, названия которых несут в себе положительную окраску или каким-то образом связаны с моей личностью. В какой-то степени я был вольнодумцем, поэтому больше склонялся взять этот вопрос. В воображении моём он светился бежевым цветом, а «Эпиграф» — тёмно-голубым. Я вообще очень часто открываю в себе способность видеть звуки. «Эпиграф» «Анны Карениной» я знал, но испугался вопроса, так как подумал, что Юрий Павлович специально изобретёт что-нибудь эдакое, что завяжет меня в бараний рог окончательно. Поэтому я сказал:

— Давайте возьмём «Вольнодумцев».

— А как же «Эпиграф»? — спросил великий человек, глядя на меня своим знаменитым тяжёлым взглядом.

— «Мне отмщение, и Аз воздам»? — сам себя спросил я вслух, словно пробуя на вкус эту странную для простого смертного фразу. В глазах Юрия Павловича мелькнуло замешательство. Что-то пошло не по плану. — Нет, давайте всё-таки «Вольнодумцев» выберем.

— Вы уверены? — ещё раз спросил великий человек. В глазах его я читал: «Ты будешь самым последним идиотом, если скажешь «да». Я понял намёк. Это в программе «Кто хочет стать миллионером?» в обязанности ведущего входит путать игроков сомнениями. «Моё желание, — вспомнил я слова Вяземского из интервью, — помочь человеку показать всё, на что он способен, и добиться успеха в жизни». Вечный Юрий Павлович делал мне сейчас великое одолжение своим взглядом — это я понял

уже после передачи, и огромная волна благодарности захлестнула меня с головой.

— Нет, я передумал, я хочу взять «Эпиграф», — сказал я.

— Так что вы выбираете, вы можете чётко сказать? — во взгляде Юрия Павловича светилось торжество искренней радости.

— Я выбираю «Эпиграф», — повторил я.

— А вот эту фразу, которую вы перед этим сказали, ещё раз произнести можете?

— «Мне отмщение, и Аз воздам».

— Ну что ж, вынужден сообщить, что Ярослав Туров из города Благовещенска Амурской области выходит в финал телеолимпиады «Умницы и умники», потому что это был ответ на вопрос «Процитируйте эпиграф «Анны Карениной»! Быстро отсюда, скорее туда, в финал!!! — зарокотал могучий глас с небес. Это говорил уже не Юрий Павлович, это его устами глаголал сам Господь. Всё тело моё сотрясла мощная судорога, но я пересилил её и на ватных ногах зашагал вверх по ступеням. Весь прошлый месяц каждый вечер я представлял себе этот миг, я мечтал и молил о нём, и вот наконец он настал, такой простой и торжественный для меня, что даже не верилось. Лесенка в десяток ступеней казалась бесконечной, впрочем, как и бушующая во мне радость. Я не слышал аплодисментов и других звуков, я слышал только, как шумит океан крови у меня в ушах. «Не потерять бы сознание», — мелькнула мысль. Вот и вершина греческого амфитеатра, место триумфа, помеченное железным крестом. Железный крест — это Георгий Победоносец, высшая военная награда Российской Империи. Я учтиво поклонился, чувствуя, что на меня смотрит великий человек, высокий ареопаг и Россия. Плавный взмах руки Татьяны Александровны, и я уже в тени, скрытый кулисами. Два оператора провожали меня равнодушными взглядами. Огромных усилий мне стоило не подпрыгнуть на месте, не завопить не своим голосом «ДА!!! Я ВЫИГРАЛ!!!», не засмеяться безумным смехом. Я закрыл глаза, облокотившись на какой-то пыльный ящик, и несколько секунд слушал, как шумит кровь

в висках, как бешено колотится сердце, желая вырваться из тесной груди и пуститься вместе со мной в дикий пляс. Далее был длинный тёмный коридор за декорациями. Там царила абсолютная темень, но перед глазами моими взрывались яркие вспышки света, так что чёрный обратился в белый, и казалось, что я иду по солнечному лучу. У выхода ждал Даниил Лапач, победивший на жёлтой дорожке двумя агонами ранее. «Ну ты понторез», — сказал он довольно, и это было для меня лучшей похвалой за все мои труды. Всё было кончено. Можно было расслабиться.

После небольшого интервью с великим человеком, посоветовавшим мне остричь волосы и снять украшения на финале, я выпросил у него несколько минут для фотографии.

— На обороте я сделаю надпись: «Фото с классиком», — сказал я ему.

— Ну вы и хам! — сказал мне Юрий Павлович и быстро отвёл взгляд, чтобы скрыть блеснувшую в глазах усмешку.

— Ну что вы. Всего лишь неуклюжий льстец, — развёл я руками.

— Я рад, что вы в финале, — произнёс великий человек и ушёл. Слова эти ещё долго звучали в моих ушах сладчайшей музыкой.

Гавриил совсем расклеился. Я увидел это с первого взгляда, брошенного на него. Теперь передо мной был совершенно другой человек — несчастный, ничего не вызывающий, кроме сочувствия. Хотя он набрасывал на себя маску безразличия, я видел, как ему больно. Домой шли вместе. Гуляевский всю дорогу сокрушался, что он, очевидно, недостоин быть студентом МГИМО, что выше головы не прыгнешь, что он удивлён, как вообще посмел замахнуться на такую высокую цель. Я не узнавал своего соседа. Как сильно может изменить человека простая неудача. Утешал его, как мог. Говорил, что он обязательно отыграется в «Шансе», Господь милостив, всё будет хорошо, и завтра он наколотит целый ворох орденов. Гавриил не слушал меня — он упивался своим поражением, как упивается жаждущий горячим вином.

— Если бы у меня, как у тебя, была бы парочка орденов, я бы не сомневался в этом, а теперь… Что говорить теперь! — стонал он. Я снова и снова утешал его, хотя понимал, что у мрачного и разбитого Гуляевского, не ответившего ни на один вопрос на зелёной дорожке, привлечь к себе внимание шансов немного. В конце концов я предложил ему свою помощь в подготовке к «Шансу» — третьему полуфиналу для «неудачников» (этот термин ввёл не я, а сам Юрий Павлович). Гавриил сразу же принял моё предложение, даже не став для приличия ломаться. За эту прямоту я был ему благодарен — видеть настоящее, пускай и несчастное, лицо человека без маски гораздо приятнее, чем его лживую вежливость и кривляния. Сам я чувствовал себя довольно паршиво. Во-первых, была некоторая вина перед Гавриилом, но её я быстро отмёл — в этой игре победителем должен был быть только один из нас. Во-вторых, я был абсолютно пуст. Выжат, как лимон, опустошён, как ржавая бочка для дождевой воды в жаркий день. За месяц подготовки к передаче я собрал все силы — интеллектуальные, эмоциональные, физические. Держать в себе такую прорву энергии — всё равно что Гераклу поддерживать небесный свод: некоторое время это возможно, но на всю жизнь явно не хватит. И вот теперь, когда эта энергия стала не нужна, я высвободил её, разжал кулак… и тут же превратился в беспомощный кусок мяса. Все мои знания о Толстом выветрились моментально, остались лишь жалкие крохи. Если бы в тот момент передо мной извинились и сказали, что произошла какая-то ошибка и надо сыграть на дорожке ещё раз, я бы махнул рукой и послал всё к чертям, так как не был бы способен даже составить грамотную речь. Ну и, в-третьих, передо мной не было цели. До этого цель была одна — победить. А сейчас я попросту не знал, что мне делать. Не хотелось НИЧЕГО. Полнейшая апатия, амёбное состояние. Всё на свете — и моя победа, и Гавриил, и то, что меня ждёт дома, — всё представилось мне таким мелким и ничтожным, что я просто не стал противиться этому и растворил своё сознание в космосе, лишь иногда позволяя себе вяло отвечать на длинные жаркие тирады Гавриила. Прослушав философ-

ские речи Гуляевского о превратностях судьбы до полуночи, я уснул в неудобной позе мёртвым сном без видений и эмоций.

День пятый. «Шанс»

Всё утро лениво готовил Гавриила к предстоящему сражению. С каждой его новой фразой Гуляевский всё больше раздражал: он постоянно перебивал меня и тут же извинялся, становясь до тошноты вежливым, за что я был готов его удавить. В одном из наших разговоров перед съёмками он неистово ругал тех, кто плохо прочитал «Мёртвые души» в прошлом году и не мог ответить на «простейшие вопросы, с которыми справился бы любой дурак». Сейчас мне как никогда вспоминался эпиграф к роману «Воскресение»: Матф. Гл. VII. Ст. 3. «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» Если вдуматься, то я почти не помогал ему чтением своего конспекта — по сути, я лишь вычитывал интересные факты для собственного развлечения, прекрасно понимая, что вопросов по ним Юрий Павлович уж точно не задаст. Дух «Останкина» был совершенно непереносим. Паника, неуверенность, страх, смущение — вот что я чувствовал во взглядах, мыслях, движениях «умников». Завистливые и недоброжелательные взгляды отталкивали, и очень скоро я перестал подходить к старым знакомым, оставив себе в собеседники одного Даниила Лапача — двум победителям легче найти общий язык. «Шансов» было четыре. Они представляли собой агоны со смешанными вопросами по темам «Основание США», «Александр III», «Мао Цзэдун», «Древняя Япония», «Лев Толстой» и «Виктор Гюго». Количество вопросов для регионалов и для москвичей было в соотношении «три к одному». Все четыре агона мы с Даниилом, как короли, просидели в студии за кадром, отвечая на вопросы для собственного развлечения. Ответов в первых двух передачах я практически не знал, а вот во вторых двух знал практически все. В одном из агонов выступал осетин Русланбек — о нём Гавриил отозвался, что он «матёрый». Это был высокий и очень внушительный юноша с большими амбициями и плохим чувством юмора. Попав на красную

дорожку, он великолепно ответил на первый вопрос о Мао Цзэдуне, а вот на второй — каков был псевдоним Мао Цзэдуна в студенчестве — ответа не знал. В панике вращая головой, джигит впился в меня взглядом. «Студент из 28 черт»! — громко прошептал я, старательно выводя каждое слово губами. Русланбек быстро заморгал и нерешительно повторил мою подсказку. Это был правильный ответ, и джигит вышел в финал, как теоретик. Русланбек сказал потом, что он мой должник, и долго жал руку. Правильно ли я поступил, подсобив этому парню? Время покажет.

Оксане не повезло. Она выбрала зелёную дорожку, но, даже оставшись совсем одна под конец передачи, не смогла победить саму себя. Девушка просто читала не те книги (я о таких даже не слышал), поэтому нечего было и думать о победе с такой подготовкой. Мне совсем не хотелось её утешать — я не видел в ней искры, какая была в Гаврииле. Кроме того, она, как я уже говорил, жила в Туле, всего в трёх часах езды от Москвы, так что шансы выбиться в люди у неё были и без победы. Оксана просто не хотела этой победы так, как хотел её я. Ясная Поляна находилась в десяти минутах езды на электричке от её дома, и за месяц подготовки она даже не нашла лишней минутки съездить туда, расспросить о Льве Толстом. Очень странный человек. На следующий день она бесследно исчезла — ушла, не попрощавшись и не сказав спасибо за номер, который я ей уступил при заселении. От неё у меня остался тульский пряник и открытка «Поздравляю с 23 февраля!». Очень мило.

Гавриилу тоже сильно не везло поначалу. Иногда он сам был неуверен и мрачен — рука его то вздымалась, то опускалась, создавая впечатление, что он гадает на кофейной гуще. А на те вопросы, на которые он точно знал ответ, за него отвечал кто-нибудь другой. Лишь в самом конце четвёртой передачи каким-то чудом Гавриил отвоевал себе серебряный орден и медаль. После съёмок он вернулся в номер совсем другим человеком. Это был прежний Гавриил с горящими серыми глазами, уверенный и сильный. Правда, немного расстроенный и уставший, но от него

уже не слышно было сетований на судьбу. Он уверовал, что это поражение — своеобразный знак не возгордиться, наказание за малодушие, и, приложив старание в следующий раз, он обязательно добьётся успеха. «Я не опущу руки, я буду бороться!» — сказал мне Гавриил. Я искренне рад был такому его решению.

Выходя из «Останкина» я видел проигравших. Их пригласили на финал в качестве «зрителей» — игроков, которых, если те поднимают руку, спрашивают последними. Некоторые были холодны, как мороженая треска, многие плакали. Одна девушка, ещё недавно лучившаяся обворожительной улыбкой, теперь со злобной гримасой дрожащим голосом говорила, что у её семьи нет столько денег, «чтобы кататься туда-сюда по двадцать раз». Я прекрасно её понимал, билеты до Москвы не так уж и дёшевы. Другая девушка, сильная в математике, каким-то образом высчитала, что её шанс на успех в финале в качестве зрителя равен 13%. На мои слова, что «13» — счастливое число, она лишь горько ухмыльнулась и предложила поделиться орденами. Третья девочка жаловалась, что её подруга в позапрошлом году не победила в финале «зрительницей», усиленно готовилась к экзаменам, сдала английский язык на 85 баллов, и всё равно её не взяли. «В МГИМО на конкурсе идёт борьба за места между теми, кто набрал 100 баллов и даже выше». На вопрос, как можно набрать выше 100 баллов там, где их всего 100, она разводила руками. Слова эти сильно напугали меня, так как мой английский для уровня провинциального городка был неплох, но до Москвы явно не дотягивал. 85 баллов… Да о таком результате я могу только мечтать! Пока что.

Бредя в номер, я размышлял о том, что теория естественного отбора Дарвина распространяется не только на животных, но и на людей. Сильные выживают, слабые отсеиваются. Различие заключается только в том, что людям — и сильным, и слабым — вопреки всем законам иногда везёт. Вот этот-то фактор удачи, случая и есть главный интерес нашей жизни. Вся жизнь человеческая — русская рулетка, но у кого-то в барабане револьвера гнёзд всего шесть, а у кого-то — несколько тысяч.

Последние дни в Москве. Две дорожки

Все уехали, я остался один. Ждать самолёта ещё два дня, и я решил осмотреть достопримечательности. Первой в моём списке была Третьяковская галерея. На удивление, она оказалась вовсе не такой большой, как о ней говорили. Впрочем, скорее всего, половина залов были просто закрыты для зрителей, но и того, что мне показали, было более чем достаточно. Воочию узрел два самых известных портрета Льва Толстого, знаменитые портреты Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Некрасова, Островского, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, картины Ге, Крамского, Верещагина, Айвазовского, Васнецова, Репина, Шишкина и других. Более всего меня поразили два полотна. Первое — «Христос в пустыне» Крамского — надолго задержало меня, вызвав в душе самые светлые переживания. Для себя я решил, что непременно повешу в своём кабинете (который у меня, конечно, будет) копию этой картины, чтобы лик Спасителя, мучимый сомнением и духовным поиском, призывал меня к действию и прогонял главный человеческий порок — лень. Второе полотно — «Явление Христа народу» Иванова — шокировало, заставило в удивлении раскрыть рот. Сколько труда, сколько величия, сколько «простоты, добра и правды»! Сразу вспомнился гоголевский «Портрет»: «Всё тут, казалось, соединилось вместе: изучение Рафаэля, отражённое в высоком благородстве положений, изучение Корреджия, дышавшее в окончательном совершенстве кисти. Но властительней всего видна была сила создания, уже заключённая в душе самого художника». К великолепному полотну прилагался живой и интересный рассказ экскурсовода, что вызывало вдвое больше чувств. Из Третьяковской галереи я ушёл с мыслью, что одна из целей жизни моей только что была достигнута — я видел величие и бессмертие во плоти.

Вслед за Третьяковкой я посетил музей Маяковского на Лубянке, оформленный в авангардистском стиле. Некогда в этом здании снимал комнатку и творил знаменитый поэт. Комнатка осталась, остальное разворотили, перекорёжили, заверну-

ли спиралью, прибили к потолку стулья, стены облепили кричащими плакатами РОСТА, намалевали зачем-то портрет великого Гоголя и надругались над ним. Этот авангардизм остался для меня непонятным. Страшно было бродить одному среди этих бесчисленных грозных голов и горбатых носов непримиримого красного бунтаря. Ужасное, мерзкое было время! Боже, спасибо тебе, что я познаю его суть из книг и картинок, а не из личного опыта!

Завершающей точкой в моем путешествии стал храм Христа Спасителя, восстановленный на народные деньги в 90-х годах. Здание производило впечатление переродившегося титана — оно было красиво и величественно, но я не чувствовал в нём того, что в нём должно было быть — духа древности. Храм был совсем новым, как модная гостиница в центре Благовещенска, он не вызывал благоговейного трепета, — мол, на этом самом месте молились императоры и первые лица империи. В середине 30-х годов XX века храм был взорван, а на его месте планировалось возвести грандиозный Дворец Советов. Но у большевиков кишка оказалась тонка, поэтому ограничились плавательным бассейном. Ироды! Разрушить такую красоту, чтобы построить бассейн! Ладно бы ещё Дворец Советов — он бы был символом величия Советского государства. Но рушить прекрасное, не давая ничего взамен, — варварство! На входе меня долго осматривали металлоискателем — так, как не осматривали даже в аэропорту в зоне досмотра. Видимо, мальчик в меховой шапке с полным пакетом книг вызывал слишком много подозрений. А вдруг террорист? Среди мощей святых в храме я увидел кусочек ткани. Охранник с рацией, дубинкой и толстой шеей объяснил, что это лоскуток с плаща самого Иисуса Христа. Во взгляде его и сотен прихожан, прикладывавшихся к лоскутку, было столько веры, что я подумал: «Этот лоскуток, поди, уже сам уверовал, что когда-то был частью Спасителя!»

Среди людей, встреченных мной в Москве, хочется выделить двоих — это моя хорошая знакомая Наташа и пока ещё не очень хороший знакомый Борис. Наташа — очень сильная и незави-

симая девушка. Проучившись год в Благовещенске, перевелась на первый курс в Московский пединститут. Она уже нашла себе работу, подыскивала квартиру и всерьёз подумывала о создании семьи. Она жила, как выходило, радовалась каждому мигу, стараясь просто быть счастливой, не загружая голову лишними переживаниями. «Я свободна, — говорила Наташа. — Учусь, где хотела, у меня любимая работа и любимый молодой человек. Я молода и здорова. У меня всё есть». И действительно, чего ещё нужно для жизни? Заниматься любимым делом, не наживать проблем, не страдать от зависти, угрызений совести и болезней и стараться жить счастливо. И не нужны никакие богатства, бессмертия, славы, власти и все те бесполезные и довольно абстрактные по природе вещи, к которым так стремится большинство людей. Если я поступлю в МГИМО и успешно закончу его (выберем наилучший вариант), передо мной откроются все пути. Я могу избрать такой — найти себе хорошую девушку, подходящую мне по всем параметрам, взять её в жены, снять квартиру, устроиться на престижную работу, заниматься творчеством и наукой, растить детей и жить счастливо… Умом я понимаю, что это правильно. Сердце отказывается верить. Любить всех и жить счастливо… К такому пути пришёл в конце своего духовного пути Пьер Безухов. Но дошёл он до этого, лишь познав все страсти и пороки — масонство, филантропию, несчастную любовь, богатство и разврат, муки войны и плена. Ничего из этого списка мне неизвестно. Я стою лишь на самом начале пути. Я, как князь Болконский перед Аустерлицким сражением, всё отдал бы за краткий миг славы. Не дешёвой, но доброй славы, настоящей и живой. Как Наполеон. Как победитель Наполеона. Меня ещё не ранило осколком бомбы, я ещё не понял сердцем этой христианской любви, этого всепрощения и самопожертвования. Я жаждущий в пустыне. Дайте же, дайте мне напиться, люди! Не судите, да не судимы будете, ибо каждый из нас не без греха! Мой грех — тщеславие и жажда власти. Они помогут мне, они же меня и погубят.

Борис… Борис — это Диавол, демон в человеческом обличье.

Познакомились мы совершенно случайно, и так же случайно я узнал, что это бывший молодой человек Наташи. Как интересно судьба-то закручивается! Покруче любого романа или детектива. Сидя в дорогом кафе, где Борис меня угощал, мы беседовали. Невысокий юноша, неброско, но опрятно одетый, с короткими аккуратными ручками аристократа, через длинную трубочку посасывал жёлтый коктейль с каким-то изысканным названием, время от времени заедая его мороженым с шоколадной крошкой. Пару лет назад выиграв всероссийскую олимпиаду по истории, Борис поступил на истфак МГУ, но через год не выдержал и перепоступил на юридический. Почти как Лев Толстой. Разница была в том, что Лев Толстой, поступив в Казанский институт, воспылал страстью к наукам, а Борис, наоборот, усердно учившийся до вуза, в МГУ совершенно «забил» на учёбу. Вспоминая наш разговор, я грустно улыбаюсь. Передо мной, скрестив аккуратные пальчики, сидел господин Чичиков наших дней, воплощённый телесно закон силы этого мира, закон выживания. Борис быстро понял: учась на юриста, максимум, чего он добьётся, — это станет хорошим адвокатом (о посте судьи или прокурора он иллюзий не питал), да и то при условии, что будет дни и ночи проводить на работе. Живой дух русского предпринимателя тут же подсказал ему иной выход — и спустя какое-то время деньги потекли рекой. Будь у меня хотя бы половина той суммы, которую он заработал с первой же своей сделки, и общага в придачу, я мог бы безбедно жить и заниматься творчеством в Москве целый год. «В чём твоя цель?» — спросил я его. «Ну, пока что деньги, деньги и только деньги! Миллионы, миллиарды, — мягко ответил он и скромно улыбнулся, потупив ясные глазки с огромными ресницами. — Тут, в Москве, столько всего, так много соблазнов, и всё хочется попробовать… С девушкой встречаться — деньги, не ездить на метро — деньги, жить по-человечески — много денег! Когда в МГУ тебя окружают одни мажоры, запросто позволяющие себе всё, что душе угодно, поневоле просыпается чувство зависти, которое и толкает тебя на заработки». — «А как же душа? Ты заботишься о душе?» — «Душа?! А что душа? Душу свою

я довольно потешил в школе. Теперь тело берет своё. Я молодой мужчина, мне нужны дорогие машины, красивые женщины, роскошная одежда и изысканные развлечения, а не поездки в метро со всякими злыми пролетариями. Возможно, под старость я вспомню о душе...» Борис рассказал, как он много раз пробовал начать курить и пить алкоголь. На вопрос: зачем? — он ответил, что многие люди получают от этого большое удовольствие, и он не хочет отказываться от такого простого способа его получить, он должен попробовать всё. Но курить ему было «больно и неприятно», пить «невкусно и паршиво», поэтому этих удовольствий он был лишён. Сейчас он пьёт «всякую каку, вроде разноцветных коктейлей за тысячу рублей». — Ну хорошо, будет у тебя много денег, будут у тебя все блага мира, а дальше что? Ты же не думаешь, что будешь жить вечно? — спросил я его. — Почему ты так решил? — улыбнулся Борис. — Я узнавал: сейчас полным ходом идут исследования по преодолению старения, уже добились того, что мыши после операции живут в полтора раза дольше. Поднакоплю денег, продлю свою жизнь лет на пятьдесят, а там, глядишь, ещё чего-нибудь изобретут. В крайнем случае, заморожу себя, чтобы лет через двести меня воскресили, переселили в новое тело и я продолжил бы жить. Интересная трактовка бессмертия, — подумалось мне. Но... оставаться на Земле? Жить на Земле вечно? Но это же глупо. Зачем, если почти наверняка есть куда развиваться дальше. Как сказал мессир Воланд, «каждому будет дано по его вере». Я не хочу вечно быть россиянином Ярославом Туровым. Я хочу туда, вслед за Пушкиным, Достоевским, Толстым... Не сейчас, но когда-нибудь, после того как я выполню свою миссию здесь. А он хочет до бесконечности вкушать радости мира и упиваться своим богатством, которое, кроме скуки и презрения к людям, ему ничего не даст. Он уже пренебрежительно относится ко всем, кто ездит в метро, называя их «злыми пролетариями». А мне метро показалось транспортом совершенным. Поезда прибывают каждые три минуты, не заставляя часами ждать себя, и покрывают огромные расстояния в короткий миг. Люди тоже самые обычные. Разве что много их

слишком и чересчур безразличные лица у них, но это не даёт никому права презирать их. Но что бы Борис ни думал о своей жизни, он по-своему прав. У каждого своя дорога. Борис создал о себе впечатление человека очень начитанного и, в общем-то, доброго. Пускай стремится к своей цели, если считает её необходимой. Он прав, пока не совершает зла, пока не становится причиной горя людей. Я не осуждаю его. Счастья тебе, Борис, наши пути ещё встретятся!

За стеклом иллюминатора чернело небо и медленно падал снег. Впереди меня ждал заслуженный отдых, дорогие родители, любимая девушка. Битва моя ещё не окончена. Скоро дадут новую тему, и, облачившись в доспех веры, взяв в руки щит улыбки и копьё интеллекта, я с новыми силами ринусь вперёд. Самолёт взлетел. Выход в финал — это ещё не окончательная, но всё же победа, думал я. Почему же мне удалось добиться её? Может быть, оттого что верю в то, что снабжённая отчаянным желанием мысль становится реальностью? Или оттого что я хорошо молился и бог услышал меня? Или просто усидчивость, упорство и удача сыграли свою роль? Всё это так, но не только. Я добился успеха, потому что ощущал на себе огромную ответственность. Ответственность за тех, кто верил в меня, кто надеялся на меня, кто думал обо мне хорошо в этот нелёгкий для меня момент. А таких было много — это и друзья, и родные, и учителя, и просто хорошие люди, словом и делом оказавшие мне огромную поддержку. Всем им от души говорю спасибо. Мой успех в каком-то смысле показателен. Люди вполне могут извлечь из него урок. Потребительское общество, в которое нас пытаются превратить «рабы истории», духовно разобщено, в нём каждый сам за себя. Это не наше. Такая модель имела бы успех в Европе или Америке, но мы, русские, в чьих жилах течёт и восточная кровь, сильны своим единством. Своеобразная круговая порука держала меня в ежовых рукавицах, не давая ни на секунду опускать руки. Сколько было моментов, когда хотелось всё бросить, махнуть рукой, застонать: «Я больше не могу, нет сил!» Но мысли о том, что за моей спиной стоят родители,

друзья, знакомые — жители Амурской области, — открывали во мне всё новые и новые резервы энергии. Так и страна моя, великая когда-то Россия, ставши одной семьёй, страной «муравейных братьев», а не сборищем отдельно взятых личностей, сумеет выстоять, не распадется и заблистает в лучах обновлённого величия. Но только как это сделать?

УЧИТЕЛЬ

Финал

Подготовка

Что для вас — слово «учитель»? Кто — учитель? Каков он? Чему он учит? Писать «жи» и «ши» через «и»? Малышей не обижать? А может быть, просто жить и мыслить определённым образом? Только спустя две недели томительного ничегонеделания получив от Юрия Павловича тему «Знаменитые учителя от Кон- фуция до Сухомлинского», я понял, насколько же ёмкое это слово — учитель. Учителя разные бывают. Гитлер вон — для скинхедов учитель. Сталина тоже великим учителем называют. Моцарт — для музыкантов учитель, Микеланджело — для художников, Лев Толстой — для писателей (а ведь он ещё и школу открыл для крестьянских детей!). По существу своему учителя — все. Каждый человек, шагая по жизни, хоть чему-нибудь да научит если не человечество, то хотя бы отдельных его представителей. Сколько в моей жизни людей, совсем незначительными словами и поступками влиявших на моё мировоззрение! Каждый, покопавшись в памяти, отыщет таких людей добрый десяток.

Изучить всех учителей — невозможно. Именно для этого в формулировке темы присутствуют маленькие «подсказки». Слово «знаменитые» уже отсекает несколько миллиардов человек. Для себя я объяснил его так — знаменит только тот, про которого я хоть раз да слышал. Остальные — нет. Это правило, разумеется, не касалось области педагогики. Про Ушинского и Песталоцци я никогда не слышал, но это не делает их менее известными. Немного подумав, я решил, что самый знаменитый учитель всех времен и народов — стальные качели ранним январским утром. Не знаю таких людей, кому бы в детстве не приходилось хоть раз попробовать на язык их незабываемый вкус... Слова «От Конфу-

ция до Сухомлинского» давали представление о временных рамках заданной темы — от 551 г. до н. э. до 1970 г. н. э. Две с половиной тысячи лет человеческой истории, полной взлётов и падений, войн и революций, великих рассветов и кровавых закатов… Я не испугался, но даже обрадовался — наконец-то представился шанс серьёзно повысить уровень своей эрудиции! А то всё как-то лень… Также в названии темы проскальзывал намёк, что будут вопросы про Конфуция и Сухомлинского. Почтенный учитель Кун впоследствии предстал перед нами трижды, Василий Александрович — ни разу.

Осмотрев поле битвы, я бросил легионы душевных сил в атаку. От школы на месяц отказался. Читал с 8 утра до 12 ночи с перерывом на обед и сон. В общей сложности мною было задействовано около шестидесяти книг и журналов, а также целый ворох файлов из Интернета. Вот далеко не полный список изученных мною учителей: Конфуций, Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Демокрит, Диоген, Эпикур, Иисус Христос, Будда, пророк Мухаммед, Моисей, Архимед, Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал, Сенека, Ян Коменский, Коперник, Галилей, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Ньютон, Ломоносов, Песталоцци, Локк, Руссо, Су- воров, Петр I, Наполеон I, Александр II, Моцарт, Чайковский, Ван Гог, Пикассо, Бисмарк, Шекспир, Кирилл и Мефодий, Ушинский, Белинский, Пушкин, Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, Менделеев, Циолковский, Пирогов, Фрейд, Павлов, Дарвин, Эйнштейн, Маркс, Корчак, Макаренко, Шацкий, Ленин, Сталин, Ганди, Солженицын, Сухомлинский. «Попал» процентов на семьдесят. Были вопросы по таким совершенно не известным мне личностям, как Цицерон, Шарль де Голль, Билл Гейтс… Последний, кстати, жил после Сухомлинского, поэтому предсказать, что он будет, было совершенно невозможно.

Параллельно я испытывал на себе некий опыт, который называется Секрет. Смысл его состоял в том, что любая верно направленная мысль со временем материализуется, если её не перебивает другая, «враждебная» мысль. Если проще, то стоит только сильно и правильно чего-либо хотеть, желание обязательно сбы-

вается, причём при наилучших и наиболее выгодных для тебя условиях. Всю свою комнату я обклеил маленькими бумажками с надписями типа «Пришёл, увидел, победил», «Я победитель», «Я обязательно выиграю», «Мне всегда везёт», «У меня всё хорошо» и так далее. На компьютер и телефон поставил заставку «Я покоритель Москвы!». На каждой тетради крупным шрифтом написал слово «Победа» и повсюду в конспектах рисовал пять заветных ключейорденов. На листе бумаги написал небольшую, но внушительную победоносную речь, которую повторял каждое утро и каждый ве- чер перед сном. Также я написал небольшой рассказ на две страницы о том, как пройдёт моя поездка, в котором «предсказал», что одержу блистательную победу, получив пять орденов, и что при этом буду чувствовать. Рассказ сбылся на 60 процентов — я получил три ордена, а не пять. Глобальный опыт мой удался на славу. Считаю, что своим примером я смог подтвердить, что Секрет — не эзотерическая чушь, а некий невероятно глобальный психофизи- ческий процесс, пока теоретически не обоснованный наукой (или обоснованный, но не растиражированный). Исследованием его ещё в начале двадцатого столетия занимался великий русский учёный Владимир Михайлович Бехтерев. О чём человек думает, когда не занят мыслительной работой напрямую? Например, когда моется в ванной или идёт на работу? Практически ни о чём. Кто-то слушает музыку, кто-то глазеет по сторонам, читает рекламные плакаты, у кого-то в голове носятся беспорядочные стайки несвязных мыслеобразов. Максимум — человек думает о своей жене или любовнице, о последнем свидании, о недавней премьере нового сериала или счетах за квартиру и услуги ЖКХ. По большей части всё это — напрасная трата мыслеобразов. Мы же не ходим по улице, каждую секунду выбрасывая из кошелька на землю по десять рублей? Мы идём в магазин и покупаем на эти деньги ту вещь, о которой давно мечтали. Так почему с мыслями иначе? Может, потому что они слишком легко даются и для многих из нас не имеют цены? Если бы люди осознали, что каждая верно направленная мысль много ценнее огранённого алмаза, жизнь

на планете была бы совершенно иной.

Так вот, следуя такой логике, каждую свою «лишнюю» мысль я тратил на пожелание победы и удачи. «Удача и победа!» — отныне гласил мой девиз. Надо предполагать, Кое-Кому там, наверху, я сильно надоел теми водопадами энергии, мыслеобразов, «духовных эсэмэсок», которыми я штурмовал Его кабинет. Прямо таки закрываю глаза и чуть не наяву вижу — огромная старческая рука хватается за телефон, могучий голос произносит: «Алло! Архангел Гавриил! Пошли ты кого-нибудь из младших сотрудников к Туро- ву, пусть подсобят, а то он Меня уже достал!» И ведь послали!

Надо ли говорить, что целый месяц находиться в таком умствен- ном и психологическом напряжении довольно сложно. Но расслабляться я не имел права, и мне воздалось с лихвой.

Совпадения

Очень поддержали меня Дальневосточная распределительная сетевая компания и её директор Ю. А. Андреенко. Хочется сказать этому замечательному человеку большое спасибо за помощь, причём уже не в первый раз. Пару лет назад, когда я с товарищем публиковал свою первую книжку («Игра с огнём»), этот человек чуть ли не единственный откликнулся на просьбу — нашу и директора фонда «Талантливая молодёжь Амура» М. В. Нудьга, которая нам помогала. Теперь эта книга отмечена премией Российской книжной палаты, как одно из лучших изданий 2009 года. Подробностей об этом награждении я так и не узнал, но сам факт наполняет сердце гордостью. Не устаю повторять, как же здорово, когда на свете есть добрые люди, склонные к благотворительности. На них, пожалуй, и держится весь прогресс, всё процветание науки, искусства, культуры, образования, здравоохранения и всего-всего, что только у нас есть хорошего. Умение поверить в способности никому не известного человека с улицы, помочь ему, дать ему возможность реализовать себя, послужить на благо людям — это очень дорогого стоит. Без таких людей не было бы ни Леонардо и Микеланджело, ни

Пушкина с Гоголем, ни Чай- ковского с Шостаковичем.

Теперь непосредственно про игру. Поездка моя началась, как в детской страшилке. В чёрном-чёрном городе в гостиницу «Звёздная» на тринадцатый этаж в номер «1313» заселился мальчик, чтобы 13 апреля в 13.00 принять участие в финале олимпиады «Умницы и умники»... Мороз по коже, не правда ли? На бумаге, может быть, и так, но на деле всё было как нельзя лучше. Во-первых, «13» — моё счастливое число, а, помноженное на пять, оно обещало мне счастье в пятикратном размере. Во-вторых, с погодой очень повезло. Стоило мне покинуть родную область, как на неё обрушился циклон, заперший самолёты на пару дней на прочный ледяной замок. Но я был уже далеко. В то время как в Благовещенске бушевал снежный вихрь, в Москве светило ласковое солнышко, зеленела травка, и было ну ОЧЕНЬ много людей, и все были совершенно разные! До сих пор не устаю этому удивляться!

Выйдя из аэровокзала и сев в маршрутку, я первым делом узнал, что часом ранее под Смоленском разбился самолёт президента Польши. Это грозное известие показало мне, что даже сильные мира сего суть рабы истории, пешки в чьей-то шахматной игре, что никто из нас не вечен и бессмертное «Memento mori» не должно остывать в памяти ни одного из живых. Подобные мысли вернулись ко мне неделей позже, уже после игры, когда я побывал на станции метро Лубянка. Здесь в самый канун праздника Пасхи произошёл страшный теракт — женщина-шахидка взорвала себя при помощи пояса смертника прямо в толпе едущих на работу людей. Погибло более тридцати человек. Кровь текла рекой, развороченные человеческие тела наполнили станцию в тот жуткий день. «Видишь эти маленькие белые точки на мраморной стене? — спросил сопровождавший меня Борис. — Это следы от разлетевшихся повсюду осколков: бомба была начинена мелким металлическим мусором вроде гаек и болтов — для увеличения поражающего эффекта». Не сказать, что щербинки были глубоки, но силы их удара было вполне достаточно, чтобы разорвать одежду и пронзить податли-

вую плоть… Я смотрел на чёрные рельсы, ещё недавно покрытые запёкшейся кровью. С рельсов на меня глядели люди, десятки людей. Их зыбкие тени с молчаливым упрёком вопрошали меня и других пассажиров: «Почему жизнь так несправедлива? Почему вы живы, а мы нет? Почему вы смеете жить и радоваться жизни, когда наши близкие сходят с ума от горя? Как у вас хватает наглости строить какие- то планы, не зная даже наших имён?» Подъехавший в этот миг поезд рассеял жутковатое видение. Я поспешил удалиться. Уже метрах в двадцати от места взрыва дышалось намного свободнее, и смертельная тоска отступала.

Но это было потом, а пока, спустившись в метро и зайдя в вагон, я встретил… Наташу. О ней я писал в предыдущем рассказе. Поразительная случайность! Чтобы усилить эффект удивления, скажу, что в Москве проживает более десяти миллионов человек; метро состоит из десятка разных линий, протянувшихся с севера на юг и с запада на восток более чем на сотню километров. Каждые три минуты по этим линиям ходят поезда из десяти (или около того) вагонов, то есть всего этих вагонов целая тьма. В сутках, как известно, двадцать четыре часа, в каждом часе шестьдесят минут, то есть ровно двадцать раз по три минуты. Я не математик, поэтому не могу представить вам точных вычислений и формул теории вероятности, скажу лишь, что шанс того, что мы с Наташей, не договариваясь заранее, в одно и то же время будем ехать в одном и том же вагоне одной и той же ветки в городе с таким чудовищным населением, ничтожно мал. Нет, даже меньше, просто возьмите это моё «ничтожно мал» и поделите на десять миллионов — вот настолько он мал. Следовательно, это была не случайность, это был добрый знак. Для человека, который везде ищет знаки, оных порою становится слишком много…

Итак, номер «1313»… Просто, уютно и слегка одиноко… было, пока в соседний «1312» не подселился Даниил Лапач, добродушный парень, по утрам и вечерам в наушниках совершающий пробежки по округе. Приехал он с мамой, невысокой, очень живой (это свойство в матерях «умников» я наблюдал с завидным

постоянством) женщиной, которая тут же напоила меня чаем, что было очень мило с её стороны. Вообще, Лапачам я несказанно обрадовался, так как до их приезда целых два дня просидел совершенно один — приехал раньше всех (а уехал, как ни странно, позже всех). На третий день подготовки в номере у меня начали сдавать нервы. Хотелось бросить всё, наплевать, махнуть рукой — будь что будет, иначе это педагогическое сумасшествие убьёт меня. За какой-то месяц я прошёл курс античной философии и истории педагогики, которые студенты в пединститутах изучают чуть ли не целый год. От такого поневоле свихнёшься…

Репетиция

Репетицию, назначенную на двенадцатое число, ждал с нетерпением. Я увижу «умников», я увижу Вяземского, я снова буду вдохновлён и полон сил!

Главный корпус «Останкина» ждал с распростёртыми дверьми (нет, это было не гостеприимство, просто фотоэлемент был в отпуске). К моему удивлению, приехали практически все, кто «пролетел» на полуфинале, за исключением нескольких чрезвычайно эмоциональных девочек. Несказанно рад был увидеть знакомые лица, пожать руки, перекинуться шуткой про Диогена Синопского… Москвичи и «россияне», как мы себя назвали, поделились на два равных по численности кружка, время от времени кидая друг другу многозначительные ухмылки. Атмосфера была довольно разряжённая. Не было тяжёлых угрюмых взглядов, нервных движений головы, трясущихся рук. Впрочем, пред- стояла только репетиция, но что будет потом… «Останкино» не изменилось ничуть, словно я уехал отсюда только вчера. И Юрий Павлович, и Татьяна Александровна уже виделись такими близкими, почти родными людьми. В самых простых выражениях, чтобы не насиловать наш воспалённый учителями мозг, Вяземский с безграничным терпением и обстоятельностью объяснил нам «how it will be».

На словах всё было довольно просто. Три агона (передачи), девять агонистов, три жёлтых дорожки, на каждой один раз мож-

но ошибиться. Кто ошибается два раза, на один агон попадает в «карцер» — парковую скамеечку вроде тех, что стоят на Патриарших прудах. Юрий Павлович нам даже Воланда на ней изобразил. Очень похоже, кстати… На центральной трибуне сидят теоретики, выигравшие в «Шансе», и ещё не выступавшие или уже выступившие агонисты. Они имеют право отвечать первыми. Если они не отвечают трижды или никто из них просто не поднимает руку, право ответа переходит на левую и правую трибуну, где сидят москвичи и «россияне» — зрители, сиречь проигравшие. За правильные ответы им даётся только медаль, а не орден-ключ от МГИМО, как «центровым» «умникам», но и эта скромная лепта сильно поднимает их в рейтинге. Затем прошла жеребьёвка — опять тянули карты.

С полуфинала я сильно поднялся в рейтинге — с двенадцатого на второе место. Круче был только несокрушимый колосс кёнигсбергский Григорий Фёдоров. Из первой гимназии! В начале четвертьфинала его по недоразумению называли Астаной, потом «повысили» до Кёнигсберга, теперь же, кроме как «Аааааааа, это он, тот самый!!!», я про него вспоминать не могу. Ему опять повезло больше всех, он попал в третий агон — вопросы, как всем потом показалось, там были самые лёгкие, а на первом и втором можно было подзаработать дополнительных орденов без риска угодить «за решётку». Я вытянул двойку пик — вторая позиция второго агона. Не так плохо, а впрочем, посмотрим. По очередной иронии судьбы мне снова выпало играть бок о бок с соседом по номеру — на этот раз им стал Даниил Лапач, легкоатлет с открытой душой — третий по рейтингу. Так как в финале ни о какой конкурентной борьбе на дорожках речь не шла, я не боялся сильного противника и был рад, что мой товарищ будет отстаивать свою честь рядом со мной. Ещё нас с Фёдоровым Вяземский между делом назвал «тяжеловесными людьми» — мол, мы много орденов нагребём, потом еле ноги передвигать будем. Не знаю, как насчёт меня, но вот Фёдоров… Впрочем, обо всем по порядку.

Чтобы мы не мучились в ожидании неизвестности, Юрий

Павлович прочитал нам список товарищей, о которых он пожелал нас спросить. Ими стали Конфуций, Сократ, Пифагор, Аристотель, Цицерон, Иисус Христос, Кирилл и Мефодий, Леонардо, Микеланджело, Ушинский, Толстой, Пирогов, Песталоцци, Шарль де Голль, Билл Гейтс (???), Петр I, Сталин, а также несколько вопросов на эрудицию про древнегреческих героев, византийскую систему образования и что-то ещё. С одной стороны, знание вопросов меня успокоило — я «угадал» почти всех учителей, а с другой — немного напугало, так как до игры оставались считанные часы, и хоть сколько-нибудь углубить свои знания не представлялось возможным. Впрочем, такой расклад запросто отметал половину могучих конспектов, написанных мной, несказанно облегчая мне работу — зачем мне читать о Коменском и Ломоносове, если про них не спросят? Энергичная мама Даниила — святая женщина! — сразу после репетиции отправилась в магазин и купила целую кучу книжек, за которые мы сразу и засели. Я зачитал товарищу кое-что из своих конспектов об Ушинском и Песталоцци, он рассказал мне про Микеланджело. Мама Даниила приобрела для меня пару брошюр про Сталина и Буонарроти, которые я мигом проглотил. На душе было совсем не так, как на полуфинале. Я, безусловно, волновался, но чувства отчаяния, что я вишу на волоске, уже не было — слишком велики мои шансы. Я снова молился, всеми «мышцами души» желая победы, и чи- тал, читал, читал без конца… Господи, поскорей бы эта педагогическая гонка закончилась! Да пребудет воля Твоя на земле и на небе! Смиренно приму любое Твоё повеление.

То, ради чего я страдал

Как-то всё в этот раз было спокойненько, без лишних эмоций. Я медленно собрался, медленно и вальяжно добрался до «Останкина», не опоздал и не пришёл слишком рано — ровно тогда, когда и следовало прийти. Два кружка — московский и российский — постепенно пополнялись вновь прибывшими. Тут я увидел и Гавриила Гуляевского. В прошлый раз он дал себе

слово бороться до конца, попытать счастья ещё и на финале, иначе он «никогда себе этого не простит». Мы молча пожали руки и больше не удостоили друг друга взглядами. Дело в том, что, прочитав мой предыдущий рассказ о поездке на полуфинал, Гавриил очень обиделся. Даже сообщение прислал о том, что я — подлец (!), и он всю свою жизнь теперь положит на борьбу с такими негодяями. В чём дело — объяснить отказался. Мне оставалось только развести руками. Российский наш кружок стоял молча. Все почитали минутой молчания этот славный крестовый поход на Москву, откуда не каждому суждено было вернуться «со щитом». Я снова посылал в космос потоки энергии — со стороны могло показаться, что парень просто уснул. Вошли в студию, включили освещение и начали работать.

Несмотря на то, что все девчонки были в бальных платьях (при одном взгляде на них я от восхищения чуть не растерял все свои знания), а парни в выпускных костюмах, атмосфера была более чем будничная. Песня «Домисольки», сдержанное приветствие ректора, ваш покорный слуга с улыбкой в самом центре... Ректор заветного МГИМО Анатолий Васильевич Торкунов произвёл на меня впечатление строгого и монументального в своей воле третейского судьи, который все мысли и дела знает наперёд. Под его тяжёлым взором «умники» мгновенно забывали, что такое хандра и сколиоз. Мне хотелось, схватив знамя, вскочить на коня и в порыве дикого энтузиазма с отрядом польских улан форсировать Неман. Даже Юрий Павлович, изображая то ли сенсея киокусинкай карате, то ли японского журавля, то и дело бросал на верховного архонта осторожные взгляды. Как жалко, что великий человек отменил конкурс красноречия — мне так хотелось бы прочитать перед ректором одну из заготовленных заранее речей! Так выйти и звонким мальчишеским голосом с запалом радости в груди и азартным блеском в глазах проговорить:

— Бесценный опыт, дух познанья! Чего нам тут ещё желать? В учении приложив старанье Мы сможем Ломоносовыми стать! Науки юношей питают, Отраду старым подают! С наукой смысл жизни знаю! С наукой мне везде уют! Стране на пользу и во благо

Почтенным дедам и отцам Науку знать, лелеять надо, И всем тогда воздастся нам!

Стишок мой. Простенький, легковесный и непритязательный. При умелом прочтении — неплохое средство воздействия на аудиторию. Даже более неплохое, пожалуй, чем белый стих — в тот ещё вникать надо, а здесь всё настолько просто и неоспоримо, что можно только подивиться. «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды». Лев Толстой. Увы! Конкурса красноречия ни на русском, ни на английском, ни на французском, ни даже на китайском не было. Рассчитывать приходилось только на свои знания. Первыми играли Урмас Ояберь, Сергей Лебеденко и Залина Тетцоева. Все наши, русские, российскоутробные. Каждый из них — интересный и колоритный персонаж — хоть сейчас на страницы романов и повестей! Первым отвечал Урмас (это в переводе с эстонского означает «сильный мужчина»). На полуфинале он был лучшим из лучших, но из-за небольшой промашки спустился на седьмое место. Очень скромный и тихий молодой человек, обладающий огромным внутренним потенциалом и невероятной трудоспособностью. По его словам, когда он готовился ко Льву Толстому, то совершенно не делал конспектов и практически запомнил всю «Войну и мир» наизусть. Не знаю, насколько это соответствует истине, но бесспорно то, что он знал ответы на такие вопросы, на которые не смог бы ответить ни один из «умников», кроме, пожалуй, колосса Фёдорова (про этого я вообще подозреваю, что он не человек). Выбрав вопрос о Конфуции, Урмас открыл агон. Вопрос был такой: «Конфуций учил: чтобы стать цзюнь цзы — благородным мужем, нужно сперва начать с того, что всегда лежит под рукой. А с чего именно нужно начинать?» При всём уважении к Юрию Павловичу рискну заметить, что сформулирован он был довольно некорректно (вы это поймёте, когда узнаете ответ). Урмас сказал: «Нужно начинать с себя» — и получил первый замок. Такая вот символика у этой передачи. Если ключ, то непременно отпирает двери в МГИМО, если замок — то отдаляет заветную цель. Причём забавная деталь — ключ огромный, а скважина у замка малень-

кая-маленькая. Для меня это означало, что данные предметы не равноценны — ключ несоизмеримо выше. Как оказалось, я был прав.

Так как я для себя решил отвечать первое, что в голову взбредёт — такая вот логика, — то, конечно, сидел с вытянутой, как знамя победы, рукой. Меня и спросили. Вот что я произнёс:

— Чтобы стать цзюнь цзы, человеку необходимо начинать с человечности. Это китайское первоначало жэнь, в книге «Лунь юй» — «Беседы и суждения» — оно обозначено так: где бы вы ни находились, человечность всегда будет находиться у вас под рукой. — И в ожидании замолк. Даже самому законченному «ботанику» такой бред и в книжном угаре не привидится.

— Друг мой, небольшая вам подсказка: не с чего, а с кого? — сказал Юрий Павлович, хотя до этого, несомненно, употребил слово «чего». Это был намёк, и я понял его правильно — надо срочно предложить другую версию. Что бы такого сказать? Время стремительно истекало, какой-то тихий голосок нашёптывал мне: «с ближнего, с ближнего, с ближнего»... Ну я и сказал...

— С ближнего своего? — Вообще, ответ мне крайне не нравился. Слишком уж он христианский. Какой на фиг «ближний» в Древнем Китае? О добром самаритянине человечество узнает только лет через пятьсот. Я читал, что в Поднебесной были цзюнь цзы (читай выше, кто это) и сяо жэнь (мелкие людишки). Про ближнего ни слова в книгах. Каково же было мое удивление, когда ректор сказал, как отрезал: «Правильно!»

Вот это счастье! Вот так повезло! Попал пальцем в небо! Или небо попало в мой палец? Тут ещё большой вопрос, кто в кого попал. Юрий Павлович с некоторой неохотой зачитал:

— Чтобы стать благородным мужем, первым делом необходимо начинать со служения ближнему своему, а, прежде всего, с родителей. А вот про родителей вы ничего не сказали. Но раз наш глубокоуважаемый верховный архонт так желает, значит, это орден!

И вот на шее моей болтается первый ключик. Золотистый такой, на цепочке, пластмассовый. Я его даже поцеловал (инте-

ресно: камера это запечатлела?). Он для меня в тот момент был ценнее, чем весь золотой и алмазный фонды России вместе взятые. Залина Тетцоева играла второй и тоже ошиблась. Девушка красивая, но неприметная. «Заметил» я её только под конец полуфинала, когда она на Льве Толстом наколотила столько орденов, что все диву давались. Сколько в мире таких неприметных людей, которые семимильными шагами движутся к успеху! Не успеешь оглянуться, а них уже и богатство, и власть, и счастье, и всё, чего только можно желать, кроме известности — она в их понимании есть первейшее зло. В чём-то они даже правы. Сергей Лебеденко был ярок, но молчалив. Настоящий дипломат! Говорил редко, но метко и только то, что нужно сказать. Тоже, кстати, молодой писатель — книгу свою Вяземскому подписал после игры. Я так удивился. Как? Почему?! На «Умниках» есть ещё один пишущий человек, а я об этом ничего не знаю! Это позор! Истины подкрадываются незаметно. Уже на следующем этапе Ояберь и Лебеденко угодили в карцер, на хлеб, на воду. Там, где их настиг рок, зловещими чёрными минами покоились четыре замка. Вопросы действительно были очень сложные. Хвала Богу, что я не вытащил первый агон. Залина же спокойненько ответила на два вопроса и элегантно уселась на трибуну. Ей можно было не волноваться — победа была в кармане.

Настал наш черёд. Ваш покорный слуга, Бычий Сын, Славящий Солнце (так дословно переводится моё имя), Даниил Лапач и ещё одна миловидная девочка по имени Оля. Спускаясь по лесенке с трибуны и выходя на дорожку, чем-то я себе напомнил героя педагогики Януша Корчака, обречённо вступающего в газовую камеру Треблинки со своими детьми: тоже шаг влево, шаг вправо — расстрел на месте. Все смотрят. Камеры смотрят, ректор смотрит, Вяземский смотрит, Татьяна Александровна и Аэлита смотрят, «умники», смотрят, в конце концов… Куда деваться? Несколько раз моя больная фантазия выдавала такие перлы: а что если я вдруг нечаянно скажу неприличное слово? Или ещё что-нибудь совершу нелицеприятное? Нет, не подумайте, я совершенно вменяемый и нормальный человек, просто

фантазёр и исследователь, которого донимает дурацкий вопрос: «А что если?..». Ведь существуют же магия Вуду, нейролингвистическое программирование, эриксоновский гипноз и прочие способы манипулирования сознанием. Одно неверное и несвоевременное действие — и всё разрушено, летит ко всем чертям Родосский памятник архитектуры — репутация, которую с таким трепетом возводил целый год... А дальше? Выгонят из студии, на место позовут следующего по рейтингу (кто там у нас десятый?), энд Ярик гоу хоум... Мрачные фантазии — оставим их! У меня была булавка от сглазов, и потом, я в Москву не за этим приезжал.

Лапача спросили первым. Он выбрал вопрос о Сократе. Надо сказать, что про оного чудаковатого старика я прочитал если не всё, то ОЧЕНЬ многое, но великий человек специально подобрал такую цитату, о которой, пожалуй, не знал никто, кроме самого Сократа. Естественно, Даниил, знавший об античном мудреце не меньше моего, не ответил. Совместными усилиями, «умники» родили ответ, а за Даниилом замаячил дамоклов меч амбарного замка. «Удача и победа, удача и победа, удача и победа...»

— Ну-с, Ярослав, посмотрим, что у нас здесь, — проговорил Юрий Павлович, разглядывая свои листочки. Видеостены на этот раз не было, поэтому приходилось воспринимать его на слух, а тут моё «цветное зрение» было бессильно. — Конфуций, Песталоцци и «Кто?» Что ж, мудрый Кун-цзы, ты подарил мне удачу один раз, подари и другой!

— Конфуций.

— Отлично. Вопрос такой: «Кто, по мнению Конфуция, ошибается по-настоящему?» Вопрос довольно сложный, тут необходимы точные знания цитат из «Лунь юй» но, к счастью, они у меня были. На всякий случай раскопал целых две.

— У меня две версии. Первая — ошибается по-настоящему тот, кто не исправляет своих прошлых ошибок. — Тут Анатолий Васильевич развёл руки в стороны, и я понял, что попал в точку. Но надо же повыделываться! Дурацкая черта, с ней надо бороть-

ся.

— А вторая?

— А вторая — тот, кто не учится у благородных мужей, когда у него есть такая возможность. — Если честно, эту цитату я целиком выдумал, но был уверен, если бы у Конфуция спросили об её истинности, он проголосовал бы «за» обеими руками.

— Какую выбираем? — улыбнулся Юрий Павлович иронично — он всегда так улыбается.

— Первую, — вздохнул я. «Понт» «не проканал». Кучерявый дурачок. Ответ был верный и, более того, точный. Вот у меня и второй ключик. В принципе, сейчас уже можно было расслабиться — с двумя ключами победа была бы мне обеспечена. Но впереди ещё две клетки — угодить в карцер, где сейчас прохлаждались Урмас и Лебеденко, проще простого. Рыжеволосая девочка-москвичка Оля, игравшая третьей, дала прекрасный, но, к несчастью, неправильный ответ и получила замок. В полуфинале для москвичей, посвящённому Древней Японии, она на конкурсе красноречия толкнула прекрасную речь о красоте страны Восходящего солнца. Следующий за ней парень со внешностью чистокровного эллина долго плутал в своих ораторских исканиях (наверное, он просто импровизировал), а потом поставил жирную точку в своей речи, сказав нечто похожее на «я полностью согласен с Олей». Я катался по полу минут двадцать. Цицерон глотает слюни от зависти! Теперь эта фраза прочно вошла в «инопланетный» лексикон моих родителей. Они на нём общаются, когда хотят выразить чувства, которые не передать обычными словами.

— Папа, ты согласен с Олей? — спрашивает мама.

— Мама, я ПОЛНОСТЬЮ согласен с Олей! — отвечает папа, и всем всё сразу становится понятно. Я со временем словарик составлю из их высказываний — для потомков.

Очередь ответа снова перешла к Даниилу. На этот раз он выбрал швейцарца именем Иоганн Генрих Песталоцци — был такой великий педагог конца эпохи Просвещения. Его фамилия теперь стала моим любимым ругательством. Вот идёшь ты ночью

по квартире, не заметил в темноте собаку, наступил, получил вопли и болезненный укус и орёшь на весь коридор: «ПЕСТАЛОЦЦИ!!!» И вроде легче на душе становится. Надо сказать, что Даниил в наших с ним разговорах частенько упоминал могилу великого учителя и надпись на ней: «Всё для других, ничего для себя!». Ему и достался вопрос: «Какая надпись выбита на надгробии Песталоцци? Ключевые слова «Всё..., ничего...«». Секунд десять Лапач думал — боялся изречь «Все для себя, ничего для других». Наконец, сформулировав правильный ответ, с честью заработал свой первый орден. Для меня это было не меньшей радостью, чем для него самого. Я даже немного расслабился, и это сыграло со мной злую шутку.

— Кирилл и Мефодий, «Кто?» и Толстой, — предоставил мне выбор Вяземский. «Только не Толстого!!!» — возопила моя интуиция, но гордость заткнула её. Как так?! Ведь я столько про него читал! Неужто не вытащу?

— Толстой.

— Вопрос: «Откуда, по мнению Льва Николаевича Толстого, в России должен происходить прогресс?» Отмечу, что произнёс он эту фразу в 1860 году.

— Из народа, — чуть подумав, сказал я. А что тут ещё скажешь? В 1860 году Толстой совершал поездку по Западной Европе, посещая иностранные школы, но остался ими недоволен. Тогда, вернувшись в Ясную Поляну, он создал собственную школу для крестьянских детей, которая и поныне остаётся самым оригинальным педагогическим экспериментом всех времён и народов. Так как для меня из этого ничего не вытекало, ответом я сделал то, что для Толстого было дороже всего — простой русский народ. Оказалось, чуть-чуть не дотянул. За меня это сделал вещий Григорий Фёдоров.

— Прогресс в России должен происходить из народных школ, — сказал он и получил орден. Четвёртый. Тут я понял, что мне его не догнать.

— «Из народа» — это слишком мало, Ярослав! — тихо проговорил Вяземский. — Вообще, у меня просыпается желание заса-

дить вас на скамеечку отдохнуть! Брр! Мороз по коже от этих слов. Оля выбрала «Кирилла и Мефодия». Честно, я думал, вопрос будет в стиле «как на старославянском называется буква „п“?», или что-нибудь из этой оперы, как на олимпиаде по русскому, но всё оказалось ещё проще. «С какой фразы начал Кирилл перевод священных писаний на славянский язык?» Любой, хоть немного знакомый с основами христианской культуры, без труда справится с этим вопросом. Оля не справилась. Вначале было Слово, Слово было у Бога, и Слово было Бог. Или вы знаете какую-нибудь другую фразу, с которой мог начаться перевод Евангелия от Иоанна? Чего только Оля не предложила! И создал Бог небо и землю, и отделил свет от тьмы, и начал внедрять науки… Следуя этой логике Московский государственный университет имени Ломоносова возник как минимум дня на три раньше Адама и Евы. Это был второй замок, и к пленным узникам подселилась новенькая арестанточка. Если принять время передачи за целую жизнь, то её посадили пожизненно и оправдали лишь посмертно.

Вопрос Лапачу: «Какое революционное нововведение в преподавании географии, физики и словесности принял Константин Дмитриевич Ушинский, когда работал инспектором в Смольном институте благородных девиц?» Тоже ничего сложного. Даниил сперва ответил нечто невразумительное о введении новой методики преподавания, и когда Вяземский уже собирался уходить на трибуну за правильным ответом, закричал ему вслед, хватаясь за соломинку: «На русском языке!!!». Началось долгое и утомительное вытягивание правильного ответа из моего быстроногого со- седа. Участие в нём принимали Анатолий Васильевич, Татьяна Александровна и Юрий Павлович. В Смольном институте вышеуказанные дисциплины преподавались исключительно на латыни, а истинный патриот Ушинский велел преподавать их на родном для девушек русском. Объявили новый дубль, Даниил Лапач с честью ответил и с двумя орденами, довольный, как кот, уселся на трибуну. «Ура! Ещё один достойный человек поступил!» — мелькнула в голове мысль, но её тут же заглушили

просьбы к Богу о помощи — мне всё еще грозил карцер «пожизненно».

Выбор был небогат. Билл Гейтс и «Кто?» «Кто, кто, кто, кто, кто, кто...» — заладил мой рассудок. Я буквально наяву увидел, как на одной из декораций, свесив одну ножку и другую согнув в колене, сидел светловолосый кудрявый парень в белоснежном трико — мой ангел-хранитель. Лицо у него было моё, улыбка как у арлекина, а на руках серебряные кольца. Улыбающиеся губы шептали одно слово.

— Кто! — рискнул я.

— Ну, Ярослав, это настолько простой вопрос, что если вы на него не ответите, я никогда и ни за что в жизни не приеду в Благовещенск, потому что мне будет стыдно, что в нём живёт парень, совершивший такую досадную ошибку! — сделал небольшое вступление Юрий Павлович. — В шестом веке до нашей эры в Греции жил человек, несколько раз становившийся чемпионом Олимпийских игр. Теперь, когда этого человека упоминают, в основном, говорят про какие-то штаны... Кто это был? Вот так так! Никогда бы не подумал, что мою судьбу решит геометрическая теорема. Вяземский ещё не закончил читать вопрос, как я уже ответил.

— Пифагор. Пифагоровы штаны на все стороны равны. — Умница, — сказала Татьяна Александровна своё любимое слово, которое мечтает услышать любой в студии (даже сам Юрий Павлович), которое в переводе означает: «Ты ответил правильно и будешь награждён за это».

— Это что — «а» в квадрате плюс «бэ» в квадрате равно «цэ» в квадрате?

— Да, сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.

— В прямоугольном треугольнике, — многозначительно произнёс великий человек, поучительно поднимая палец к небу. Это означало, что для меня игра окончена полной и безоговорочной викторией.

Последний агон можно было с полной уверенностью назвать если не битвой, то прогулкой титанов. «Прогуливались»

по дорожкам ультрамегагипертитан в супертяжёлом весе Григорий aka Кёнигсберг Фёдоров и два титана поменьше — Алексей Романов и Дмитрий Карапоткин, оба из Москвы. Повезло парням несказанно — на третьем агоне они могли не бояться угодить в «карцер» — сидеть пришлось бы недолго. Да и вопросы, как многим показалось, были намного легче, чем в первом и втором агонах, — из девяти я точно знал семь ответов, но — увы! — не спросили. На Григория Фёдорова внимание я обратил ещё на собеседовании перед четвертьфиналом. Пока все «умники» приглядывались друг к другу, смущённо знакомились и хвастались знаниями, Григорий «клеил» останкинских девчонок из школы молодых ведущих, театрального кружка или чего-то в этом роде. Гляжу, стоит такой невысокий паренёк с лисьим взглядом, улыбается хитро, будто задумал чего-то, шутит, а вокруг толпятся изящные нимфы и во весь голос смеются. Даже немного завидно стало. Когда «раздавали» клички, на него по недоразумению был наклеен ярлык «Астана» — он там родился (меня прозвали «китайским шпионом»). Заработав пару орденов, товарищ Фёдоров «подрос» до Кёнигсберга за свою привычку коверкать слова на английский манер. Только на полуфинале я, когда услышал, как его робко назвали «Гриша», подумал: «Вот и признание к парню пришло при жизни». Григорий — человек со всех сторон удивительный. Он единственный на передаче острил больше самого Вяземского, слегка дерзил ему и «выжил» после этого. Он первым начал употреблять в приветствии фразу «из гимназии №1» (об этом я писал выше), ему эту шалость простили, в отличие от других подражателей, которых сразу пресекали и зашикивали. На четвертьфинале Григорий выиграл на красной дорожке, не зная ни одного правильного ответа, а на полуфинале выиграл на красной дорожке, дав уже такие ответы, которых не смог бы повторить почти никто в студии (чуть ли не на французском Толстого процитировал!). Одолев Льва Николаевича, Кёнигсберг сразу махнул «с бала на корабль» — уехал, Вяземский даже не успел взять у него интервью. Показателем успешности Григория может служить

фраза, которой его приветствовали умники перед репетицией: «А мы уж надеялись, что ты не придёшь!» На передаче собрались люди далеко не робкого десятка, все, как один, самовлюблённые и амбициозные, так что внушить им уважение и, тем паче, страх — дело нелёгкое. Я подсчитал все шаги Григория и понял, что эта интеллектуальная машина, не считая ошибок на трибуне, промахнулась на дорожках только один раз — самый первый вопрос про Александра III Александровича. ОДИН!!! Я, нашедший 80% всех ответов, промахнулся трижды — на Джефферсоне, Анне Каренине и Тол- стом. Невероятно… На финале Фёдоров был хорош. Когда его вызывали на дорожку из-за кулис, надо было видеть этот мягкий пружинистый «дежурный» шаг и «походные» движения локтями. Так юные пионеры во времена «застоя» выходили с граблями на субботник — мол, сейчас здесь разгребём и дальше пойдём. Никто больше так на трибуну не выходил, только он. Все шли, как робкие и вежливые гости, приглашённые за стол, а он, как хозяин дома, по пути оглядывая владения — не завалялся ли где предательский дырявый носок? И как на дорожке он стоял, я тоже обратил внимание. Когда человек стоит прямо, я могу мысленно изобразить график его души — как она умещается в заданную оболочку. У Фёдорова душа в его невеликое тело не умещалась — это отражалось на позе. Так могла бы стоять огромная горгулья, если бы за спиной её развевались могучие паруса-крылья, а ноги бороздили пол острыми когтями. Ноги были прямы, и вместе с тем несколько изогнуты, широко расставлены, и вместе с тем будто бы сведены вместе. Руки были сжаты в кулаки, напряжённо свисали, немного отстав от торса. Грудь была колесом, из неё ввысь рвался поток энергии, окружая всё тело словно щитом, голова опущена. И что самое интересное, ни одного лишнего движения! Даниил, например, когда играл, покачивался с пятки на носок, заложив руки за спину, сверлил грустным взглядом потолок. Я переминался с ноги на ногу, чесал подбородок, метался глазами, оглядывался. Григорий на дорожке сделал только три скупых движения — шаг (тюк!), ещё шаг (тюк!), и коронный шаг на вершину Олимпа (ТЮК!).

Вылитый робокоп! А как он отвечал? Нет слов, одни эмоции! Японский поэт Басё про острова и залив Мацусима писал: «О, Мацусима! Мацусима, о!» — всего четыре «О». У меня больше. ОООООО!!! В переводе на русский означает: орден! орден! блин, ещё один орден! и опять орден (да куда тебе столько орденов?!), и снова орден — где мой револьвер??! Может, хоть сейчас… Ну??! Нет! — шестой — ШЕСТОЙ!!! — орден!

Последний вопрос у Фёдорова был такой: кто, по мнению Конфуция, достоин называться настоящим учителем? Я знал ответ, и сказал бы примерно следующее: тот, кто, сохраняя старое, способен увидеть в нём новое. Казалось, Григорий молчал секунд тридцать. Я уже хотел подбросить монетку — если орёл, то он не знает ответа, если решка, значит, DSL-Интернет, встроенный в его мозг, закончил скачивание «Лунь юя» только сейчас. Щёлкнул секундомер, и Кёнигсберг мёртвым голосом, словно поддерживая мысленную связь с древним Китаем, будто преодолевая страшное препятствие, сказал: «Конфуций говорил… тот… кто, сохраняя тепло древности… способен… узреть в нём новое… может называться… истинным наставником». Вяземский обомлел. Указанная фраза есть ни что иное, как перевод с древнекитайского, а переводов, как известно, столько же, сколько и переводчиков. Следовательно, в магазинах и библиотеках мы при старании можем обнаружить около двадцати совершенно разных по форме, но одинаковых по содержанию книг «Беседы и суждения». Вероятность того, что Юрий Павлович и Григорий Фёдоров воспользуются одним и тем же переводом, равнялась примерно одному к двадцати. Великий человек зачитал ответ — он слово в слово совпал с ответом Фёдорова. В этот самый миг я вдруг понял страшную тайну… Григорий — НЕ ЧЕЛОВЕК! Это он только с виду невысокий паренёк в лакированных туфлях. На самом деле он — терминатор из жидкого металла, посланный в наше время из будущего, чтобы выиграть передачу «Умницы и умники», стать юристом и разрушить правовое равновесие России! Интересно, что из этого больший бред — терминатор или правовое равновесие?

Григорий, ты молодец! Из всех моих сверстников ты один, пожалуй, достоин быть примером для подражания. При условии, что я не буду знать, что творится у тебя в душе. Но ты ведь не писатель и «скромняга» по жизни, так что оное знание мне не грозит. Хвала тебе! Пусть твой безумный бес удачи не покинет тебя!

Будничный конец

Что было потом? Даже сложно вспомнить… Это на экране сразу все лишние кадры отрезают, ведущий читает трогательную речь о том, что российские телезрители — самые умные, играет торжественная музыка, возникает праздничное чувство… В студии же при полной тишине балом правит рутина. Игра окончилась. Нас — золотоносных мальчиков и девочек, как цыплят по осени, пересчитали, и в ареопаге началась полемика по поводу количества призовых мест. Тем временем мы с «тяжеловесными» парнями на центральной трибуне уже живо обсуждали, кто куда поступит, ловя завистливые взгляды призёров. Девчонки в бальных платьях (особенно мне понравилось платье одной москвички в стиле древнегреческой жрицы — явно шито на заказ), усевшись рядком, тихо сплетничали, кидая на ректора кокетливые взгляды. Оставшиеся не у дел зрители растерянно оглядывались, Гуляевский стеклянным взглядом гипнотизировал пол. Сделали несколько дублей первого выхода Юрия Павловича, заранее попросив нас убрать ордена, как это было в начале передачи. Радость окончательно улетучилась, и появилось нетерпение, которое, впрочем, скоро было удовлетворено.

— Победителями восемнадцатого сезона Всероссийской гуманитарной телеолимпиады «Умницы и умники» в 2010 году становятся, — торжественно зачитал Анатолий Васильевич. — Григорий Фёдоров, город Калининград! Ярослав Туров — город Благовещенск! Даниил Лапач — город Россошь Воронежской области! Дмитрий Карапоткин — Москва… — ну и так далее. Среди победителей, ко всеобщему удивлению, оказался Сергей Болотин из Комсомольска-на-Амуре — прыткий юноша, сотню раз висев-

ший на волоске от падения. Каждый раз в самый последний момент какая-то «неведомая» непреодолимая сила подхватывала его и возвращала «во круг первый» — круг лучших. Помешать этому не смогли ни большое количество ошибок, ни несуразность отве- тов. Чудеса, да и только! Минут через пять мы стояли в рядок перед камерами, как сборная России по футболу перед штрафным. Правда, нас было всего восемь, но мозгов хватило бы и на двадцать футболистов! Анатолий Васильевич поздравил нас, Юрий Павлович сказал в объектив такие замечательные слова: «После любой трудной работы нужен хороший отдых!» и ещё много того, что вызвало глуповатую улыбку довольства.

Потом ректор как-то быстренько подписал приказ о нашем зачислении и ушёл. Я даже понять ничего не успел, как вдруг мне сообщили, что я уже студент. А ещё через четыре минуты свет в студии погас, пространство вокруг резко наполнилось разного рода режиссёрами, монтажёрами, операторами, звуковиками, слесарями, техниками и механиками — они разбирали декорации по винтикам. Высокий Ареопаг превратился в кучу фанерных досок с какой-то мазнёй в греческом стиле, в полу зазияли огромные дыры, с потолка ядовитыми лианами поползли чёрные провода толщиной в руку. Зрителей быстренько выгнали, победители и призёры ещё двадцать минут в полумраке слушали отзывы великого человека о различных факультетах, после чего были выдворены в коридор. Началась фотосессия.

Ещё до приезда на финал меня мучил неразрешимый вопрос — кем быть? Что выбрать: международные отношения — и стать преуспевающим дипломатом со знанием китайского языка, или остановиться на международной журналистике — и продолжить реализовывать свои писательские способности? После короткой беседы с Юрием Павловичем вопрос отпал сам собой — аргументы против дипломатии были настолько вески, что от сомнений не осталось и следа. Журналистика, я лечу к тебе!

Потом были триумф победителей, слёзы побеждённых, отъезд семьи Лапачей, три дня одиночества в пустой комнате,

недолгое отвращение к книгам, повторное посещение Третьяковской галереи, покупка новой гитары, встреча с Наташей и Борисом, утомительное возвращение домой, неудачное интервью в аэропорту, телевидение, пресса, минуты «славы», новое полотно Иванова «Явление Ярослава в школу» и нелёгкое решение готовиться к выпускным экзаменам, в том числе и к дополнительным. В принципе, достаточно было сдать русский и математику на тройки, но моё тщеславие не позволило бы сделать этого. Решил вдогонку сдать ещё и английский с литературой.

Кстати, с перелётом мне вновь крупно повезло. Как раз в тот день, когда я играл на дорожках, в Исландии произошло крупное извержение вулкана с непроизносимым названием, так что в течение трёх дней огромное облако пепла накрыло всю Европу, полностью парализовав авиаперелёты. Пепел, взвешенный в воздухе, способен забивать турбины самолётов и провоцировать многочисленные поломки и даже крушения, поэтому целую неделю раздражённые туристы не могли вернуться домой. Стоило мне сесть на самолёт и улететь, как страшное облако добралось и до Москвы. На следующий день я узнал, что знаменитый певец Тото Кутуньо, предпринявший довольно странный гастрольный тур (Европа — Москва — Благовещенск), не может вылететь в столицу Амурской области и вынужден добираться до нашего городка через Америку. Отчаянный парень! Итого, мой путь напоминал приключения Ко- лобка: «От циклона я ушёл, и от облака ушёл!..»

Итоги

Участие в передаче «Умницы и умники» очень многому меня научило. Помимо немалого объёма знаний, бесценного жизненного опыта, водопада доселе незнакомых чувств и эмоций, целой галереи новых видов, вкусов, запахов, звуков и ощущений, серии значимых знакомств, я понял несколько важных вещей. Четвертьфинал научил меня не бояться книг, где, как говорят в Интернете, «многа букаф». Какой бы объёмной и сложной ни была книга, теперь я знаю, что при желании способен её прочи-

тать и понять, и к тому же буду знать примерный срок, за который я сделаю это.

Я научился обнаруживать нужную мне информацию, пользуясь всеми доступными источниками — библиотеками, Интернетом, книжными магазинами, услугами преподавателей вузов, школьных учителей и собственных родителей. Обнаружил в себе полезную способность на некоторое время превращаться в настоящую машину и работать сутками без остановки, а также приобрёл много других полезных умений и качеств. Знакомство со Львом Толстым на полуфинале стало целой вехой на пути моего творческого роста. Вдохновлённый примером великого писателя, я узнал, из чего вырастает величие, на чём оно покоится и какими путями можно заманить его в свои сети. Роман «Воскресение» произвёл в моей душе настоящую революцию — на долгих три дня ангелы порядочности и демоны цинизма сделали мою душу полем своих разборок. Нравственный выбор мой сложился весьма непросто — я решил попытаться удовлетворить свои амбиции и насытить пороки, главным из которых является тщеславие, но по возможности пользоваться «добрыми» средства- ми, не причиняя никому зла. Ну а финал… Финал заставил меня задуматься о роли учителя в жизни людей. Роль эта — горькая шекспировская трагедия. Всю жизнь травят, как влюблённого Ромео, гонят прочь, как бедного Лира, не понимают, как непримиримого Гамлета, и душат, как не- повинную Дездемону. Великие учителя, какую горькую чашу при- шлось вам испить! Сократа казнили законопослушные демократы, которым слишком больно было слышать о себе правду. Принадлежащего к протестантам Яна Амоса Коменского преследовали католики во главе с Папой Римским, так что ему пришлось десяток лет прятаться в лесах, как дикому зверю. Иоганна Генриха Песталоцци с его революционными идеями в области педагогики не воспринимали всерьёз, ведь мысль его намного опередила своё время. Константина Дмитриевича Ушинского преследовала царская реакция и погрязшие в собственном невежестве попы, в любом отступлении от догмы видевшие «вольнодумство». У Льва Николаевича

Толстого, пока он лечился от чахотки в Самарской губернии, в Яснополянской школе жандармы провели обыск, пытаясь найти нелегальную подпольную типографию — это так возмутило писателя, что у него отпало всякое желание заниматься педагогической практикой. Антона Семёновича Макаренко клеймили «прожектёром», «несоветским» и «мелкобуржуазным» педагогом и даже довели до разрыва сердца, хотя его колония имени Горького воспитала прекрасных и преданных Родине людей, а завод фотоаппаратов «ФЭД» (Ф. Э. Дзержинский) на базе коммуны имени оного то- варища поставлял в копилку Союза до нескольких миллионов рублей чистой прибыли в год. Василию Александровичу Сухомлинскому, у которого в сердце было три осколка фашистского снаряда, приходилось лебезить перед разными начальниками, возомнившими себя знающими педагогами, уверяя, что его идеи нисколько не противоречат коммунистической идеологии, а он всего-навсего писал для детей сказки (но и туда приходилось вставлять цитаты из полного собрания сочинения Ильича)! Всех их после смерти обожествили, признали великими и гениальными, «единственными в своём роде», всем воздвигли памятники — рукотворные и не очень. Где, ГДЕ вы были при жизни тех, кому не достойны даже вылизывать сапоги, ничтожества?! Вы презирали их, травили, как плешивых собак, обвиняли в разврате, ереси, богохульстве, вольнодумстве, оппортунизме, ревизионизме и прочей хрени! Вы убили их! И где вы сейчас? Имена ваши помнят разве что узкоспециализированные историки да чересчур усердные студенты исторических факультетов! Вы пыль, грязь и перегной, а слава Великих переживёт века. Как сказал Ян Амос Коменский, учитель есть самая почётная в мире должность. Но она и самая сложная. Тот, кто с честью взвалит на себя сей непомерный груз, не согнётся под тяжестью бремени, будет щедро вознаграждён за труды свои. А кто не сдюжит — наказан страшнейшей карой — забвением. К сожалению или к счастью, я не чувствую в себе призвания учить людей непосредственно, напрямую. Моё дело — писать. Хотя не исключена возможность того, что в какой-то отрезок жизни я пойду

по стопам своего отца — стану преподавателем... Изучая чужих учителей, я одновременно вспоминал своих. Их много, начиная от дворовых хулиганов и одноклассников и заканчивая мудрыми профессорами и бессмертными личностями. Нет смысла перечислять — имена их значимы только для меня. Глав- ное, я помню и ценю их вклад в мой характер, познания и взгляды. Спасибо всем вам, мои дорогие учителя! Особую благодарность хотел бы выразить некоторым людям:

Спасибо Галине Павловне Коноплёвой, или просто моей милой Гале, самой лучшей бабушке на земле. Без того светлого, чистого, доброго фундамента любви к познанию, что она мне дала, я не смог бы ступить и шагу в потёмках запутавшегося в самом себе мира. Она рано покинула меня, это был тяжёлый удар, но я склонен считать, что так было нужно Богу, чтобы дальше я шагал уже сам, оберегаемый её ласковой невидимой рукой. Спасибо моим милым родителям Регине Игоревне и Александру Ивановичу Туровым. Любое моё безумное начинание они всегда с готовностью поддерживали как морально, так и материально. Спасибо папе за его сдержанность, спокойствие, мудрость и терпение. Спасибо маме за её неудержимое рвение, бешеный энтузиазм и неисчерпаемые идеи. Спасибо Александру Васильевичу Урманову, профессору литературы Благовещенского педагогического университета. Он научил меня искусству, которое, пожалуй, важнее всего для будущего писателя — читать книги. После первого занятия с этим мудрейшим человеком я несколько недель просто боялся читать — а вдруг упу- щу нечто важное, вдруг не пойму, вдруг в памяти отложится только сюжет? На примере А. И. Солженицына Урманов учил меня писать «кратко и глубоко», обуславливая это особенностями времени, которое ускоряется с каждым днём. Многочисленные беседы с ним — творческие, политические, нравственные — оказали огромное влияние на моё мировоззрение, за что низкий вам поклон, Александр Васильевич! Спасибо Александру Семёновичу Бобошко, замечательному амурскому поэту и барду, за то, что внёс существенный вклад в моё нравственное воспитание. Глубоко в душу

мне запала его фраза: «Главное моё достижение в жизни — это то, что я всегда жил по совести». Какие мудрые и пронизанные чувством собственного достоинства слова! Меткого слова вам, Александр Семёнович! Спасибо Владиславу Григорьевичу Лецику, корифею амурской прозы и издательского дела, за то что научил меня критически от- носиться к себе и с юмором отмечать собственные ошибки. Писатель с нелёгкой судьбой, он в свои немалые годы остаётся наживейшим, интереснейшим и нужнейшим области человеком, и это заслуживает глубочайшего уважения и высочайших похвал.

Ну и, наконец, большое спасибо Юрию Павловичу Вяземскому, который научил меня... да много чему научил, хотя даже сам об этом не догадывается. Его гениальная повесть «Шут» потрясла меня высотой слога, стилистикой, языком, композиционным решением и выводами, которые сделал автор в итоге. Фактически эта повесть является моей мечтой, осуществлённой другим человеком. Я тоже хотел написать почти что так же, но, увы, Юрий Павлович опередил меня на тридцать лет. Вяземский является для меня примером безграничных возможностей человеческого интеллекта (в гуманитарной сфере). Передача «Умницы и умники» выходит в эфир вот уже восемнадцать лет, и каждый год этот великий человек читает книг по заданным нам темам ничуть не меньше, чем сами «умники», вникая в самые незначительные тонкости. Представить, какой это объём литературы, не хватит никакой фантазии. Конечно, со временем кое-что в памяти сглаживается и стирается, но ведь человеку вовсе не обязательно быть компьютером или ходячей библиотекой. Человек приобретает знания, чтобы делиться ими с окружающими. Юрий Павлович делится. Суперэрудит, или «заумник», как он себя называет, Вяземский владеет пятью языками (и учит шестой!), преподаёт на кафедре зарубежной литературы и культуры в одном из самых престижных университетов России, пишет книги и ведёт передачу, не имеющую аналогов во всём мире. Благодаря его олимпиаде уже сотни юношей и девушек — как из Москвы, так и из маленьких городов и посёлков — поступили в МГИМО, полу-

чили прекрасное образование и обрели своё место в мире. И всё это — заслуга Юрия Павловича, ведь сама передача придумана им от начала и до конца, в отличие от многих других интеллектуальных шоу, «содранных» с западного эфира. Радость моя в том, что Юрий Павлович будет учить меня ещё долгие годы, а уж я постараюсь извлечь из его уроков как можно пользы для себя и моих близких.

Ну вот, пожалуй, и всё, друзья мои! Так закончилась моя трёхэтапная эпопея. Так закончился ещё один, очень важный, этап моей жизни. Не зря Даниил Лапач когда-то сравнивал игру с кроссом: неожиданный низкий старт, волнительное и напряжённое продолжение, и наконец финишная прямая — красивый завершающий штрих, жирная точка в конце первого предложения из жизни мечтательного юноши, который в неполные восемнадцать сумел добиться всего, о чём только мог мечтать. Много было в жизни забегов — везло всегда, сколько себя помню. Так пусть же удача моя пребудет со мной и дальше, пусть книга моя не заканчивается! Пусть за строчкой следует новая, отлитая золотом, не менее захватывающая и поучительная! Пусть за главой наступит новая глава, на горизонте замаячат новые Эльбрусы и Джомолунгмы! Нет на свете ничего прекраснее, чем видеть перед собой достойную благородного мужа цель и стремиться к ней, смакуя по пути крупинки счастья, порою целыми горстями рассыпанные у тебя на дороге! Умение видеть счастье даже там, где, казалось бы, нет места и лучику света, — не это ли величайшее искусство? «Учиться и время от времени повторять изученное, это ли не приятно?» Так говорил Конфуций.

17 — 22 апреля 2010 г. Благовещенск.

ЗРИТЕЛЬ
Эпилог

> Я — зритель, а жизнь — это пьеса, которую я смотрю

Бывало ли у вас когда-нибудь желание, прочитав интересный роман, вернуться к нему спустя некоторое время и узнать, что же случилось с героями дальше? У меня бывало, и не раз. Странное желание, не правда ли? Оно противоречит логике вещей. Интересная история в жизни героя привела его к развязке и оборвалась — чего ещё, казалось бы? Нам ведь совершенно не интересно, как развернулась жизнь у Пьера Безухова и Наташи Ростовой после того, как Николеньке Болконскому приснился донельзя странный сон. Нас ведь совершенно не заботит, чем начал заниматься Нехлюдов, когда Катюша Маслова распрощалась с ним и уехала вместе с Симонсоном на каторгу. Так в чём же дело? Может быть, в уверенности, что жизнь литературных персонажей, как и жизнь людей, не оканчивается с окончанием некоего одного конкретного сюжета? Персонажи живые, они тоже дышат, смеются и плачут — даже в тот момент, когда мы закрываем книгу и кладём её на полку. А раз так, почему бы не встретиться с ними вновь, когда мы столько пережили вместе? Я ведь тоже в какой-то степени литературный персонаж. Создавая эти строки, я не просто мараю бумагу, я оттискиваю свою душу на белом листе. И даже когда меня не станет, эти строки, даст Бог, будут жить и будут хранить крупицы, по которым читатель сможет составить мой достоверный портрет. Посему на правах литературного персонажа я тоже имею право жить, имею право на продолжение. Оказывается, в формате «Умниц и умников» возможно и такое.

Вы, конечно, уже догадались: я стал зрителем. Но до того как я вновь оказался на трибуне, мне довелось прожить целую жизнь, сжатую в семь или восемь месяцев. О ней и расскажу.

Долгая счастливая жизнь

> Отныне долгая счастливая жизнь каждому из нас…
>
> *Егор Летов*

Итак, я поступил в Московский государственный институт международных отношений (Университет) при Министерстве иностранных дел России, сокращённо МГИМО (У) МИД России. Аккуратным росчерком пера в приказе о зачислении ректор Анатолий Васильевич Торкунов определил мою дальнейшую судьбу. Можно было расслабиться и почивать на лаврах. Но римляне, или, как их называет Григорий Фёдоров, «древние латыши» говорили:

«Пока растёт — дерево. Перестало расти — древесина». И я начал готовиться к выпускным экзаменам в школе. ЕГЭ показался мне детской забавой по сравнению с «Умниками». Я откровенно скучал за учебниками — настолько всё было легко и оторвано от жизни. Одна лишь математика не хотела поддаваться мне. Сдал неплохо, особенно порадовала литература — мою работу оценили в 100 баллов. Я был очень доволен, так как литература — едва ли не единственный предмет в школе, достойный самого пристального внимания каждого.

Размышляя о Едином государственном экзамене, могу сказать, что это полная ерунда во всех смыслах этого слова. Он не заслуживает и сотой доли того внимания, которое ему уделяется сейчас в школе. По сути, от старого советского обучения не осталось и заусенца на мизинце левой ноги — дети ныне в школу ходят не для того, чтобы хоть чему-то научиться, а чтобы подготовиться к экзамену. И это ужасно. Дорогой читатель, если ты в одиннадцатом классе и над тобой навис ЕГЭ, забудь о нём и вспомни только за месяц до сдачи — этого времени вполне

достаточно, чтобы научиться решать те примитивные задания, что тебе предлагают. Не трать свою юность, время и силы на то, что призвано отупить тебя, принизить твой интеллектуальный уровень и уничтожить в тебе личность. Читай умные книги, занимайся спортом, живи полной жизнью, развивайся, — в общем, делай всё то, что так не хотят, чтобы ты делал, те, кто придумал ЕГЭ! Иначе пролетишь. Но вот экзамены позади, наступило лето — настоящее, пахнущее свободой, пухом и нагретой на солнце пылью. Я засел за творчество, но ни повесть, ни рассказы совершенно не шли. Месяц провёл я в блаженном ничегонеделании, пока не наступила пора снова ехать в Москву — на этот раз подавать документы. Это было как раз то благодатное время, когда ещё не начались страшные лесные пожары, когда тяжкий смог не затянул ещё небо над сто- лицей, а люди ещё не нацепили фильтры и маски. Круглые сутки над Москвой сияло ласковое солнышко, а небо было такой чистоты, что в него хотелось смотреться как в зеркало.

Прямо из аэропорта я поехал в универ. На станции метро Проспект Вернадского меня встретили мои дорогие друзья-«умники» Григорий Фёдоров и Даниил Лапач. Всё это время мы периодически созванивались, и теперь очень радостно было встретиться вновь. Громко смеясь и болтая по дороге, мы втроём, или, как говорит Гриша, «vtroiom», отправились к нашей будущей Alma mater. Когда здание университета выплыло из-за поворота, сердце забилось чаще.

Каким показался мне МГИМО на первый взгляд? Трудно подобрать точное слово. Наверное, таинственным. До этого момента я был здесь всего один раз — в День открытых дверей, и взгляд мой не проник далее конференц-зала. Теперь же я мог увидеть вуз изнутри. Бесконечные длинные коридоры, тысячи дверей с табличками на нескольких языках, повороты, закутки, тупики, лестницы — это был какой-то лабиринт Минотавра! Я просто заблудился бы, если б не друзья. Весело подали документы, весело записались на отработку и заселились в общежитие с ласковым названием «Черёмушки». Здесь я впервые испы-

тал прелесть общажной жизни. Сладостнее первых её мгновений трудно себе представить. Когда ты с чемоданом вваливаешься в пыльную комнату и, не разуваясь, с блаженным видом растягиваешься на незастеленной кровати — это надо испытать! Когда ты веником выгребаешь из-под койки горы мусора, вдыхая облака пыли и громко чихая. Когда ты выбрасываешь на помойку последний покрытый плесенью ботинок и любуешься своим шедевром — чистой комнатой. Когда ты мечтательно смотришь на голые стены, представляя, какими рисунками и плакатами ты их украсишь… Перечислять можно до бесконечности.

Здесь же, в «Черёмушках», в первый же день родился наш кулинарный шедевр — Яргридан (сокр. от Ярослав-Григорий-Даниил). Что есть Яргридан? Всё очень просто. Это разделенный на три равные части эмблемой «Мерседес» десяток зажаренных на сковородке яиц с ветчиной и помидорами черри, плюс все приправы, которые ты найдёшь в холодильнике, плюс секретный ингредиент. Какой? А ты пообещаешь, что никому не расскажешь? Ладно, так и быть, уболтал, скажу: никакого секретного ингредиента нет. Но при этом он «есть». И в этом вся соль. Без ингредиента наш Яргридан обернулся бы банальной яичницей с ветчиной, а мы не привыкли ассоциировать себя с мейнстримом. То, как мы с Гришей и Даниилом готовили Яргридан, — отдельная история. Первым испытанием стала газовая плита — её ведь нужно зажечь! Спичек не было, зато была зажигалка, которую мы «стрельнули» у одного курильщика. Вы когда-нибудь пробовали поджигать газ при помощи зажигалки? Для тех, кто не пробовал, скажу: это довольно проблематично. Тогда мы подо- жгли тетрадный лист и запалили им горелку. Сам лист вспыхнул, обжигая руки, — пришлось бросить на пол и долго прыгать на нём, чтобы потушить. Естественно, всё это сопровождалось дымовой завесой, под прикрытием которой можно было бы провести пару-тройку военных операций. Но мы, как новоиспеченная абитура, терпели неудобства — нас ждал вкусный и сытный обед. По крайней мере, мы так считали. Но когда Яргридан был готов, Григорий решил продемонстрировать свою

ловкость и начал подбрасывать блюдо на сковороде, как заправский шеф-повар. Одно неверное движение — и предмет наших мечтаний и надежд эпично плюхнулся на пол, сражён безжалостной рукой. Как тут не вспомнить знаменитое: «Убит!.. К чему теперь рыданья, пустых похвал ненужный хор и жалкий лепет оправданья? Судьбы свершился приговор!» Увы, даже в календаре победителей бывают печальные страницы.

В солнечной июльской Москве я пробыл неделю. За это время успел пройти студенческую отработку — этому виду экзекуции подвергаются все «поступившие на халяву» — то есть олимпиадники. Так как Совок канул в Лету, нас отнюдь не погнали в колхоз копать картошку, но заставили разгребать накопившиеся за год бумаги, ставить на приказах о зачислении печати и подписи. Рутина. Поработав три дня вместо положенных десяти, я собрал вещички и «смазал лыжи» в родной Благовещенск. Август могу назвать месяцем упущенных возможностей. Это время, когда я начал заниматься самопознанием, увлекся хатха-йогой. Мысли мои витали над Москвой, я уже был не я, а студент МГИМО. Всё вокруг меня, казалось мне зыбкой иллюзией, и это сильно повредило отношениям с моей девушкой Дашей. В душе я всё ещё оставался циничным, расчётливым и пошлым мальчиком, который ко всему относится потребительски. На наши с ней отношения я тоже смотрел так: «Довстречаюсь до конца августа, уеду в Москву, а там меня ждут тучи классных девочек». Поэтому я жил не в полную силу, моим девизом стала поговорка «Бережёного Бог бережёт». Минуты и часы, которые можно было провести рядом с Дашей, я проводил за компьютером или сидя в позе лотоса. Я не смел высунуть носа на улицу поздно вечером — не дай Боже, что случится, и я не увижу Москвы! — и вообще вёл себя крайне благоразумно, о чём жалею до сих пор — чему быть, того не миновать, так какой смысл бояться и жаться по углам, как премудрый пискарь, который «жил — дрожал, и умирал — дрожал»? Это глупо, ужасно глупо. Свет мой Даша вызывала в моей душе чуть ли не ненависть. Я просто плевал на наши отношения, вытирал о них ноги, а Даша, ангел во плоти,

терпела моё отвратительное хамство, дарила мне всю любовь и нежность, на которую только была способна. Но я, свинья, этого не оценил, мы расстались, и только когда приехал в Москву, понял, какое бесценное сокровище потерял. В Даше никогда не было притворства, лукавства, она не была той, кого англичане зовут «sophisticated». И она меня любила. Чёрненького, со всеми моими пороками, вывихами и язвами. Я вдруг очень отчётливо понял цену любви. Может быть, скажу большую пошлость, но любовь — величайшее сокровище, какое нам может подарить жизнь. И у меня это сокровище было, а потом я его потерял. Тысячи, миллионы, миллиарды людей живут без любви, многие из них даже не знают, что это такое, а я знаю. Многие не могут найти себе достойную пару, создать семью, потому что их никто не любит и они никого не хотят любить. А меня хотели любить и любили так, как мало кого любят. И я всем этим пренебрёг. Хотя мог бы — казалось бы, чего проще?! — полюбить в ответ, не боясь, что это как-то повредит моей будущей жизни, учёбе, карьере. Учёба, карьера — ха! Пшик! Иллюзия, миф, навязанный нам. Всё это пылинки не стоит, если у тебя нет любви. Зачем тебе знания, деньги, если тебе некого любить, если тебе не для кого стараться каждый день? Когда я так подумал, сдохла в душе моей самая моя мерзкая и страшная химера, отравлявшая жизнь лет с пятнадцати: «Девушек много, я — один!» Это оказалось не так. «Я не один, а она — ЕДИНСТВЕННАЯ» — вот как надо. Когда я это понял, всё в моей жизни сразу встало на свои места. Я стал сильнее в тысячу раз. Никакой стресс, никакая беда не согнёт тебя в бараний рог, пока в душе твоей неколебимо стоит железный стержень любви к человеку. Но ко всем этим выводам я пришёл далеко не сразу. Сперва я совершил множество «идиотостей», о которых, впрочем, не жалею, потому что если бы не совершал их, то так и не понял бы, насколько я ещё глуп и неопытен.

Улетал я с противоречивым чувством — мучила неизвестность. Что ждёт меня за этой завесой? В груди гнездились сомнение, страх… и робкая надежда на то, что Москва изменит меня, подарит мне новую жизнь, новых друзей и непознанное доселе

новое счастье.

МГИМО и иже с ним

В Лондоне на улице один прохожий спрашивает у другого:
— How much watch?
— Six watch.
— Such much?
— To whom how…
— Who you?
— Who я?!
— Too MGIMO finished?
— A-a-a-ask!..

Популярный мгимовский мем

Не хочу вспоминать первый день в Москве — это был ад. Восемь часов простоять в раздражённой и тесной очереди за доку- ментами на заселение в общежитие, так и не получить их, остаться без крыши над головой ночью в большой и страшной столице, метаться в сомнениях… Впечатлений хватило надолго. Я ещё не знал, что моя полная увлекательных поворотов жизнь только начинается… Поселили меня в общежитии квартирного типа в спальном районе с уютным названием «Тёплый стан». Теперь я живу в трёхкомнатной квартире, делю большую комнату с двумя соседями, один из которых — великий и ужасный Григорий Фёдоров. Да-да, тот самый! Я очень благодарен судьбе, что нас поселили вместе, — общение с Григорием способно облагородить даже самую чёрствую душу. Первое время мы пытались перетащить к нам в квартиру ещё и Даниила Лапача, которого поселили в «Черёмушки», но на- толкнулись на непреодолимые препятствия. Что ж, как-нибудь в другой раз.

Как-то на занятиях наш декан Ярослав Львович Скворцов произнёс сакраментальную фразу: «Настоящий журналист должен делать три вещи: эксплуатировать старые стереотипы, создавать новые стереотипы и разрушать стереотипы». Всем этим мне

хотелось бы заняться прямо сейчас.

Что такое МГИМО? Во-первых, это третий по престижу в списке вуз России прямо за МГУ и СПГУ. МГИМО славится тем, что здесь преподаются 53 иностранных языка (мировой рекорд!), а также тем, что он — основной поставщик дипломатов в наше Министерство иностранных дел. МГИМО в своё время закончили многие выдающиеся личности: Сергей Лавров, Владимир Потанин, Анатолий Торкунов, Юрий Вяземский, Андрей Зубов, Артём Боровик, Алексей Пушков, Владимир Легойда, Владимир Мединский, Ксения Собчак.

Во-вторых, МГИМО — это здание, а если быть точнее, целый город. По высоте он незначителен — самый высокий корпус насчитывает шесть этажей. Зато в длину МГИМО растянулся почти на километр и с годами продолжает обрастать пристройками. За это его гордо величают «лежачим небоскрёбом». Здание МГИМО — эдакая Turbis Eburnea, башня из слоновой кости посреди сотрясаемой бедами и катаклизмами России. Где-то взрываются бомбы и кричат «Слава Руси!» разъярённые ура-патриоты, а в МГИМО идиллия, тишь и благодать. Это своеобразный ковчег, который не тронет даже вселенский потоп. Тот, кто скажет, что в МГИМО есть всё, будет абсолютно прав. Любая пришедшая вам в голову фантазия может быть претворена в жизнь на территории университета и подвластных ему четырёх общежитий. Одних кафе, ресторанов и столовых здесь можно насчитать больше десятка. О прочих прелестях, таких как мультимедийные аудитории, Интернет-зал, спортивные площадки, тренажёрный зал, магазины, бассейн, тир, стадион, собственная поликлиника, гигантские библиотека и конференц-зал.

В-третьих, МГИМО — это имя, для разных людей звучащее по-разному. Для кого-то это образец качества, фундаментальности знаний, неисчерпаемый источник мудрости, к которому допускаются лучшие из лучших. Для кого-то — апофеоз пафоса, гламура, развращающего излишества и дешёвых понтов. Последнего, кстати, придерживаются те, кто знает об этом вузе только понаслышке. Такие и расшифровывают аббревиатуру МГИМО

как «Много Гонору И Мало Образования». Я, однако, не склонен им верить. Для меня МГИМО — это, прежде всего, Университет в полном смысле этого слова, то есть место, где человеку созданы абсолютно все условия для полноценного и всестороннего развития без каких бы то ни было инфраструктурных ограничений. От тебя требуется всего три вещи — раздобыть пропуск в этот рай, определить направление и работать, спрятав поглубже свою лень и апатию. В МГИМО действительно можно заниматься чем угодно. Доступны практически любые виды спорта, от настольного тенниса до гольфа, все виды научной, творческой, общественной деятельности. Хочешь — рисуй, хочешь — фотографируй, пиши статьи, играй на сцене, пой, танцуй, учи языки, смотри фильмы, участвуй в дебатах и модели ООН или просто читай в своё удо- вольствие! Всё, что душе угодно. Про фундаментальность полу- чаемых знаний ничего не скажу, ибо учусь всего полгода, но, как мне кажется, всё зависит от человека, от того, насколько он сам стремится построить себя. Под лежачий камень вода, как извест- но, не течёт.

Люди в МГИМО разные. Как студенты, так и преподаватели. Я считаю, что это абсолютно естественно и даже закономерно. Любой социум, даже образованный близкими по ментальности людьми, в замкнутом пространстве начинает делиться и варьироваться в себе самом. МГИМО не исключение. В общем, компания подобралась разнообразная. И университет, кстати, это умело использует, показывая в разных ситуациях свои лучшие стороны. Надо покрасоваться длинными ножками и дорогими машинами — красуется, надо блеснуть интеллектом — блистает, да ещё как! Это естественно для любого вуза — гордиться всем тем хорошим, что в нём есть. Однако далеко не всегда всё бывает так гладко, как хотелось бы следящим за имиджем университета людям. То тут, то там проскальзывают неприятные, неудобные, щекотливые факты о МГИМО, поэтому начинённый противоречивой информацией наблюдатель не может прийти к единому мнению. К нему и нельзя прийти. МГИМО как бриллиант — у него не может быть одной или двух граней. Их десятки, сотни, тысячи.

И в этом его притягательность.

Ощутив себя полноправным студентом, я почувствовал сладкий запах свободы. Больше никто не донимал меня звонками с вопросом, где я и когда вернусь домой. Больше никто не указывал мне, что делать, как себя вести, с кем общаться, куда ходить — я стал сам по себе! Я мог гулять всю ночь напролёт где вздумается, покупать всё, что захочу, пить и есть, что захочу, заниматься чем хочу, не встречая на пути никаких ограничений! И это чувство вскружило мне голову. Впрочем, я быстро совладал с собой и начал жить в полную силу, как настоящий студент. Всё мне было в новинку, каждый новый день был событием. Жизнь в общежитии вдали от родителей закаляет, ибо начинаешь привыкать к мысли, что в случае чего рассчитывать придётся только на себя. Начало моего студенческого кипения, как я считаю, удалось на славу. Коллекцию ощущений, которые я собрал за пять месяцев первого семестра, иному хватило бы на несколько лет. Я научился недурно танцевать в кружке бальных танцев, побывал на настоящем балу, съездил в Подмосковье ознакомиться с древней архитектурой, посетил мою давнюю мечту — Санкт-Петербург, в котором успел разочароваться, несколько раз выступал на сцене с рок-группой, бывал на встречах с известными на всю страну людьми, снялся в ток-шоу на канале «Россия-1», участвовал во многих мероприятиях самого разного толка, публиковался в газетах, журналах, альманахе, на сайтах МГИМО — перечислять можно долго.

Но мне хотелось бы описать не столько события, произошедшие со мной, сколько то, что стряслось в России за этот период, внутренне повлияв на меня. Первым действительно серьёзным потрясением для меня стало избиение журналиста газеты «Коммерсантъ» Олега Кашина. Человек писал резкие критические статьи, чем нажил себе много врагов и в среде проправительственных молодёжных организаций, и среди влиятельных бизнесменов, политиков. В один момент чьё-то терпение лопнуло, и Кашина избили до полусмерти, как избили двумя годами ранее Михаила Бекетова, освещавшего в СМИ проблему Хим-

кинского леса. Тогда я начал изучать подобные случаи в России и ужаснулся: помимо нашумевших скандалов вокруг убийств Влада Листьева и Анны Политковской, нападения и убийства журналистов в нашей стране происходят ежегодно. Профессия журналиста в России является почти такой же опасной, как профессия пожарного или милиционера. Не любят здесь правду — добрая традиция убивать, ссылать, сажать в тюрьмы «неправильных» журналистов у нас пошла ещё со времен Екатерины II, когда репрессировали таких правдолюбцев, как Радищев и Новиков. После обретения этих знаний об Отечестве и недельной депрессии передо мной ребром стал вопрос: говорить правду или нет? Молчком прожить, писать «про заек», или «глаголом жечь сердца людей»? Или даже шире: остаться в России или свалить «за бугор»? Последний вопрос я решил быстро: непременно остаться. Если бы я был нужен в другом месте, Господь Бог не послал бы меня родиться в России, значит, моя миссия в том, чтобы быть рядом с моим народом. Я вот что насчёт правды... Тут вопрос много труднее. Пушкин, Лермонтов, Есенин — мои иконы — всегда говорили правду в лицо, поэтому долго не жили. Но и того времени, что отмерил им Творец, достало, чтобы войти в историю и навсегда оставить след в душах и сердцах людей. С другой стороны, сколько в России журналистов, писателей, которые точно так же не боялись молчать перед лицом власти, но их смели, как сметают со стола хлебные крошки, и где они сейчас? Кто помнит о них, кто наслаждается плодами их трудов? Вопросы, которые я задаю себе, слишком сложны, мне надо жить, жить ещё, чтобы найти на них ответы.

Вскоре у меня появился новый кумир — журналист Леонид Парфёнов. На вручении премии имени Влада Листьева он произнёс скандальную речь, в которой подверг резкой критике сложившееся в СМИ положение вещей. «Власть в СМИ у нас предстает дорогим покойником — о ней либо хорошо, либо никак», — сказал Парфёнов. Тяжело подобрать более меткие слова. Парфёнов сказал это в лицо хозяевам телевидения в России — Эрнсту, Добродееву, Митковой... Он имел на это право. За годы своей

деятельности он стал такой величиной, которую нельзя просто так стряхнуть со стола. И хотя его речь не показали по центральному телевидению, в Интернете её посмотрел и прочёл каждый россиянин, которому небезразлично, что творится в его стране. Вот он, ключ к успеху! Стать такой величиной, с которой власть будет считаться. Это трудно, да. Но не невозможно. Лев Толстой тоже писал неудобные вещи (недаром Ленин назвал его «зеркалом русской революции»), но ни Александр III, ни Николай II не тронули его пальцем — нельзя делать из врага мученика.

11 декабря 2010 года на Манежной площади прогремел митинг в память убитого болельщика «Спартака» Егора Свиридова, больше похожий на русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Пять тысяч человек собрались под стенами Кремля и скандировали лозунг «Россия — для русских, Москва — для москвичей!» Дело в том, что убийц молодого человека — представителей республик Северного Кавказа — вскоре отпустили после задержания, и это стало той искрой, от которой запылал пожар народной ненависти. Происшествие повлекло за собой многочисленные националистические выступления и скандалы по всей стране и обнажило целый ряд накопившихся проблем. Я молча наблюдал за всем этим со стороны и дивился тому, что происходило в моей душе. Один раз я хотел сказать своё слово — на дискуссии, которую стихийно организовал один из наших преподавателей МГИМО, — и мне не дали этого сделать. Тогда я расстроился, но теперь рад этому. Никогда слова, сеющие злобу в сердцах людей, не порождали добра и справедливости. В груди моей тогда созрела гневная обличительная речь убийцам, и хорошо, что она там и осталась. В конце концов, подонков хватает среди всех национальностей, посему не стоит всех грести под одну гребёнку. Год выдался богатым на потрясения. В какой-то момент я вдруг перестал удивляться дикости жизни вокруг себя. Если до этого мною часто овладевало по-детски наивное удивление в стиле «Разве же так можно?!», то теперь я словно махнул на всё это рукой, и чёрной змеёй в сердце вползло истинно русское качество — пофигизм. Какая бы беда ни стряслась,

что бы ни происходило, я делал сочувственную мину, умом и сердцем понимая, что мне это абсолютно безразлично. Безразличны были толпы нищих и калек на улицах, безразличны армии безработных и алкоголиков, плевать на дедовщину и коррупцию, на неравенство и несправедливость, на беззубость журналистики — на всё плевать с высокой колокольни. И это было ужасно. Это сделала со мной Москва, она начала превращать меня в морального урода. В какой-то момент я отчётливо ощутил, как это происходит со мной — жизни всё меньше, апатии и безразличия всё больше. Может, я буддист и хочу отрешиться от земных сует? Или мне перестало доставать витаминов в организме? В любом случае, надо было с этим что- то делать. Единственная надежда моя на исцеление — любовь к ангелу Даше, к которой я вскоре после расставания вернулся с извинениями и цветами. Пускай я выдумал что-то в ней и в жизни она совсем не такая, как в мечтах, но, ироды, руки прочь от моей души и любви! Оставьте в этом полуразрушенном замке хоть один святой уголок, хоть один уголёк в почти потухшем костре, который всё ещё способен согреть, который даст переждать холода и дотянуть до весны… Потом была зимняя сессия — первая в моей жизни. Сдал хорошо — и уехал домой, в Благовещенск. Как я и ожидал, любовь родителей и милой Даши исцелили меня, и замёрзшее сердце моё оттаяло. Я снова был жив, молод и готов к «подвигам». Они не заставили себя долго ждать.

На трибунах греческого амфитеатра

Проще выкопать траншею, чем заработать
«У» на шею!

Из фольклора «умников»

Новый семестр начался для меня ужасной вестью. У Гриши Фёдорова умерла мама. Она была беременна в четвёртый раз, и как только младенец появился на свет, у неё пошло осложнение на сосуды. Врачи ничего не смогли сделать, не помогли даже две про- деланные операции. Убитый горем Григорий порывался

остаться с отцом в Калининграде и помогать с детьми — у Гриши четырёхлетний брат, трёхлетняя сестра и вот к ним прибавилась ещё новорожденная Наташа, — но тот отправил его в Москву учиться. Гриша не мог ослушаться. Фёдоров предстал передо мной совершенно другим человеком.

Исчезли задор, шутливая развязность, лицо Гриши выражало теперь ледяное спокойствие, даже безразличие ко всему происходящему вокруг, взгляд его часто останавливался на какой-нибудь одной точке, зрачки расширялись, и он мог сидеть так несколько минут без движения, чего раньше за ним никогда не наблюдалось. Ещё Фёдоров стал очень набожным. Он и раньше читал Евангелие и ходил в церковь по воскресеньям, но теперь он стал делать это постоянно. Я понимал, как ему тяжело — сам потерял очень близкого человека, бабушку Галю, которую любил больше всех на свете, — и старался всячески поддержать его. С ребятами мы собрали Грише немного денег, сколько смогли, старались не оставлять одного. Однако все понимали: чего бы мы ни делали, этого будет бесконечно мало. Я вспоминаю сейчас конец первого семестра — время, показавшееся мне особенно счастливым. Мама Гриши тогда была на восьмом или девятом месяце, и старший сын, предчувствуя скорое появление сестры, прямо лучился, озаряя всех и вся обворожительной улыбкой. Гриша тогда много шутил, мы практически каждый вечер громко хохотали над какой-нибудь его новой историей, задорно спорили до хрипоты, и жизнь казалась лёгкой и безоблачной, несмотря на неспокойные для России времена. Каждую неделю мы переживали какое-нибудь весёлое приключение, Фёдоров втягивал меня то в одну авантюру, то в другую. И каждый вечер, садясь перед своим ноутбуком, он включал Skype и по часу беседовал с папой и мамой, бабушкой и дедушкой, братом и сестрой. В голосе его было столько любви и нежности к ним, что я про себя восхищался: вот пример идиллии и семейного счастья! Когда любящие друг друга муж с женой, окружённые бабушками и дедушками, растят целую ораву гомонящих ребятишек, воспитывают их в православной вере, развивают их таланты, личным

примером показывая, какой должна быть настоящая семья. Глядя на Фёдоровых, я сам в какой-то момент начинал лелеять в душе мечту о будущем уютном семейном гнёздышке, жене, детях… И к черту эти революции, подонков наверху и внизу, нерешённые вопросы о смерти и совести! Жить просто, без лжи и халтуры. В такие моменты сердце моё наполнялось особенным теплом и светом, душа переживала катарсис, а на глаза наворачивались слёзы. Так приятно было чувствовать себя живым…

Сейчас всё это ушло, изменился Гриша, изменился я. Теперь и речи не шло ни о каких весёлых посиделках в «Черёмушках», бесшабашных авантюрах — мы просто упорно учились, терпеливо шлифуя наши души, медленно, миллиметр за миллиметром выращивая в себе новых людей. Смерть мамы Григория повлияла на всех его друзей, и на меня в особенности. Я вдруг вспомнил всё раздражение, нетерпели- вость, безразличие, хамство, с которыми я, бывало, разговаривал со своей мамой, и так погано стало на душе, так стыдно! Как вообще можно было так вести себя с человеком, который дал тебе жизнь, который из-за тебя ночей не спал, который воспитывал тебя, оберегал, кормил, помогал советом, благодаря которому ты вообще получил возможность быть счастливым и которого ты в один момент можешь потерять?! Это свинство, чёрная змеиная неблагодарность, уродство душевное — не знаю, как назвать… Ведь я не такой, я могу быть другим, так в чём же дело? Банальное наше «что имеем, не храним…» Глупая уверенность на уровне бессознательного, что будешь жить вечно, и в любом случае в этой вечности найдётся промежуток времени, когда ты вернёшь родителям долг, отдашь им всю ту любовь, которую они вложили в тебя. Но этот момент ещё так далек от настоящего! «Потом, потом, только не сейчас! Сейчас я занят, сейчас мне некогда быть благодарным и любящим, и вообще — встаньте в очередь, родители, много вас тут таких!» А ведь именно так и живут сотни тысяч, миллионы людей. Неужели это пробел в воспитании? Вряд ли. Общество сделало нас такими, развратило, отвело глаза от главного. Наша задача сейчас отвернуться от иллюзорных целей и обратиться

к настоящим — к любви, благодарности, духовности... Странно! Почему я пришёл к таким выводам, только когда у ближнего случилось несчастье? Что мне раньше мешало прозреть? Не знаю. Но я знаю одно: я люблю тебя, мама! Очень сильно люблю.

Что бы ни случилось с нами, какая бы трагедия ни произошла, жизнь на этом не прекращается, она, как река, продолжает нести свои воды, и невозможно поворотить время вспять. Прошли дни, и Григорий в первый раз улыбнулся. Скромно, с усилием. Прошли недели, и он пошутил. Всё понемногу вставало на свои места.

Близилось то, чего мы ждали с прошлого года — полуфинал «Умниц и умников», куда участники прошлых лет могли быть при- глашены в качестве зрителей. Я, Григорий Фёдоров, Даниил Лапач и Дмитрий Карапоткин подали заявку на участие и стали ждать, когда нас пригласят.

Вкратце напомню правила полуфинала «УиУ». В то время как умники выступают на дорожках и отвечают на вопросы с центральной трибуны, зрители — студенты МГИМО и десятиклассники московских школ — наблюдают за игрой с левой и правой трибун. Они могут отвечать только на простые вопросы, заданные ведущим в Эпилоге программы. Впрочем, бывали случаи, когда ни дорожки, ни центральная трибуна не справлялись с основными вопросами, и эти вопросы уходили зрителям. Но такое случалось крайне редко. Те умники, кто побеждает на дорожках, отправляются прямиком в финал в качестве агонистов, а тем, кто проигрывает, даётся шанс отыграться в третьем этапе полуфинала, который так и называется — «Шанс». На трибунах при этом ведётся жесточайшая борьба за ордена. Решается судьба четырёх десятков одиннадцатиклассников — регионалов и москвичей. Итак: правая трибуна — школьники, центр — умники, левая трибуна — студенты. Движение идёт справа налево. «Какая-то горизонтальная мобильность!» — воскликнула Лана, бывшая «умница», студентка МП. «Не горизонтальная, а диагональная», — поправил её я тогда. Ведь с перемещением по этим трибунам растёт социальный статус человека, растут его

знания и душа.

Наступило 22 февраля — время первого полуфинала для регионалов. Ну и тему им Юрий Павлович придумал, я вам скажу! «Российские железные дороги в истории и литературе» — примерно так она звучала. Как только я это услышал, в голове мелькнуло: «Хо-хо, мне ещё повезло, когда задали изучать Льва Толстого!» Лев Николаевич выручал меня потом целый год — я неоднократно цитировал его, ссылался на его пример, писал о нём статьи, снимался в посвящённой ему передаче… А как могут помочь в жизни знания о железных дорогах? Даже в голову ничего путного не приходит.

Но вот я иду к телецентру «Останкино», вновь высится передо мной шпиль телебашни, подпирая вершиной небесную твердь. Вроде всё то же самое, что и год назад, но я уже не смотрю на эту махину со священным трепетом, сердце моё не бьётся в юношеском упоении, горло не сдавливает волнение… Моя судьба уже решена, я победил, и тончайший волосок, на котором я болтался, обратился в могучий стальной трос, разрубить который способен разве что Господь Бог. Со мною Даниил Лапач и ещё несколько друзей. Куратор Анна Ричардовна встречает нас с улыбкой, ведёт нас по родным коридорам. Я понимаю, что счастлив. Улыбка моя сама собой растягивается до ушей, хочется петь, плясать и ходить колесом. Вот и знакомая гримёрка. Новоиспеченные «умники» поедают конспекты, прихорашиваются и волнуются, волнуются, волнуются. Они ещё дружны между собой, ещё подсказывают ответы, смеются… Какое здесь всё родное… Боже, да я же РОДИЛСЯ здесь!!! В этой самой гримёрке, как Лев Толстой в Ясной Поляне на чёрном диване! Через эту дверь прошёл я, как через горнило, и стал другим! На этом самом месте сочинял я свою речь про послов, а вот здесь я ел шоколад и читал про Мао Цзэдуна! А как я потом, войдя в студию, бросился к трибуне с криком: «Моя любимая фанерка!!!» Сколько чувств нахлынуло разом, какая ностальгия…

Оказавшись в гримёрке, я начал знакомиться с регионалами. Ещё в прошлом году, когда новая партия ребят получила пригла-

шения на передачу, мы с Григорием Фёдоровым избрали себе по одному «умнику» и начали тренировать их для будущих побед. Ко мне за помощью обратился Никита Графинин, способный парень из Самары. Мы немного пообщались, обсудили с ним мои очерки о передаче, и я снабдил его самым мощным оружием, какое только может существовать, — знанием. Я рассказал ему о всех «подводных камнях», всех тонкостях и нюансах игры, дал несколько дельных советов. Мне казалось, что человек, знающий всё это, просто не может не победить. Я ошибался. У каждого свой путь. «Клиентом» Григория был Владислав Симоненко из Комсомольска-на-Амуре, друг Серёги Болотина. Мы даже заключили с Фёдоровым пари, чей «умник» придёт к финишу. Грегори, как всегда, меня обошёл. Когда прошёл четвертьфинал, я узнал, что Никита с треском провалился. Я удивился: как такое могло произойти? Вскоре в Интернете появилась запись передачи, я посмотрел её и всё понял. Никита запорол красноречие. Всё в нём было идеально — и внешний вид, и манера общения, но речь в Прологе ни- куда не годилась. На вопрос: «Зачем вы приехали в Москву?» — он ответил лишь: «Я хочу поучаствовать в передаче „УиУ“ и осмотреть достопримечательности». И всё??! Пьяному еноту понятно, что ты приехал поучаствовать и сходить в Третьяковку! Неужели нельзя было сообщить об этом творчески?! Искусство красно говорить на любую тему — одно из важнейших как для журналиста, так и для юриста, и для дипломата. Никита урока не усвоил, хотя я ему неоднократного об этом говорил. Он совершенно случайно попал на красную дорожку, хорошо ответил на первый вопрос про викингов, второго не осилил, пошёл ва-банк и не ответил на вопрос: «Из какого города Леонардо да Винчи?» Ну это полный fail. Для меня, как человека, закончившего художественную школу, это элементарно — из Винчи. Ответ был скрыт в самом вопросе. Никита такими сведениями не располагал, слетел с дорожки, и его спросили за двенадцать передач всего один раз. Симоненко же в четвертьфинале наколотил орденов и прошёл в полуфинал со славой и почётом. С Графининым мы расстались друзьями.

Из регионалов нового сезона мне запомнились Эллина Остапова — очень милая умница с обворожительной улыбкой, в четвертьфинале заработавшая семь орденов, общительный парень Владимир Дингес и Илья Косицын, могучего телосложения «умник», в совершенстве владеющий английским. Были ещё Катя Зайцева, госпожа Персикова и другие, но с ними мне не довелось хорошо пообщаться. Естественно, я от всей души болел за тех, кто мне больше всех понравился — за Остапову и Дингеса. Но, к сожалению, ни мои советы, ни мысленная поддержка этим двум не помогли, а может, и навредили — кто знает? И Эллина, и Владимир проиграли на своих дорожках, но благодаря полученным в ходе борьбы орденам были приглашены в «Шанс».

В «Шансе» Дингес попал на жёлтую, ему попался вопрос москвичей, и он слетел. Эллина выиграла в Прологе, тоже вышла на жёлтую, играла против двух москвичек, ответила на один вопрос регионалов и один для мо- сквичей и вышла в финал в качестве теоретика — молодец! За Илью Косицына я тоже болел, но он в моей поддержке не нуждался. Этот парень ещё в прошлом году блистал на трибунах в качестве школьника-зрителя, и Татьяна Александровна Смирнова ещё тогда отметила его среди прочих. Уверенным размашистым шагом он обошёл своих соперников по жёлтой дорожке и отправился прямиком в финал «УиУ». Это было, если не ошибаюсь, во втором агоне, и третий и четвёртый агон Илья, как римский патриций, сидел за кулисами и наслаждался зрелищем «гладиаторских боёв». Он был очень доволен, широко улыбался, и я его понимал — отлично помню это сладостное чувство облегчения и удовлетворения самим собой. Когда мы с Лапачом в прошлом году вот так же сидели за кадром и уже не нужно было трястись за своё будущее, всё было кончено, впереди — долгая счастливая жизнь и учёба в МГИМО. Финал — уже формальность.

В отличие от того же Лапача, я к полуфиналу не готовился вообще. Каково же было моё удивление, когда я обнаружил, что знаю ответы на две трети вопросов Юрия Павловича! Железные

дороги ни в какое сравнение не шли со Львом Николаевичем! Если мне к полуфиналу пришлось чуть ли не наизусть вызубрить «Войну и мир», «Анну Каренину» и «Воскресение», убив на это месяц, то здесь, чтобы подготовиться, мне хватило бы и недели!!! Шок.

Вопросы в Эпилоге тоже были пустяковыми: «Длинное, зелёное, колбасой пахнет — что это?» Поезд! И всё в таком духе. Беда была в том, что Татьяна Александровна изволила спрашивать школьников и только школьников, о сирых и убогих «умниках на пенсии» вовсе забыв. «У вас и так всё есть, чего вам еще надо?!» — недовольно сказала она, когда Юрий Павлович с шутливой мольбой в глазах указал ей на нас. Только Лапачу посчастливилось за весь день заработать одну медальку. Бессонные ночи за книгами не пропали для него даром. Первый день съёмок закончился. Кто-то одержал в этот день величайшую победу в жизни, кто-то пережил величайший провал. Но это жизнь. Никогда не бывает так, чтобы все были довольны. Цена счастья нескольких человек — это сотни нервных срывов и моря пролитых слёз десятков других людей.

На следующий день, 23 февраля, проходили съёмки среди москвичей по теме «История Швейцарии. Русские в Швейцарии и швейцарцы в России». Отряд «умников» -ветеранов ввиду выходного дня заметно увеличился. Кроме меня, Гриши, Даниила, Димы Карапоткина были ещё Петя Игнатенко, Сергей Лебеденко, Таня Миронова, Оля Быкова, Лена Кураева и другие «умники» прошлых лет. К ним присоединилось ещё несколько девчонок-студенток МГИМО, которым просто было интересно понаблюдать за ходом игры с трибуны. В честь Дня защитника Отечества мы с парнями решили сделать Юрию Павловичу подарок — оловянную статуэтку грозного самурая в полном облачении с катаной наперевес. Вяземский — большой любитель Востока, особенно Древней Японии, что прослеживается как в его творчестве, так и в его шутках. Излюбленный способ его поднять настроение «умникам» — начать изображать воинственного самурая и с криками «кийаа!» ходить по студии, отрабатывая

боевые приёмы. Поэтому, как настоящему самураю в душе, мы преподнесли ему самурая декоративного. С москвичами я общался немного меньше, чем с регионалами. Для меня московская душа — потёмки, и блуждать в потёмках в такой светлый праздник, как полуфинал «Умников», не хотелось.

Из москвичей мне запомнились трое. Алия Зарипова, девочка с косичками, просто элегантный интеллектуальный танк, давящий своими гусеницами всё на своём пути, Сергей Пестов, математик из школы Холмогорова, вдруг пожелавший связать жизнь с гуманитарной сферой. Этот товарищ, кстати говоря, извлёк прямо таки эпического масштаба афоризм во время игры. Дело в том, что во время правления Александра I происходила активная миграция населения из Швейцарии в Россию, и наши даже отбор проводили, дабы кого попало в страну не пускать, и этому было посвящён вопрос «Удивительные дела». «Сейчас уже такого нет. Почему так, как вы думаете?» — спросил Вяземский после того, как получил правильный ответ, на что Пестов сказал: «Это Россия». Всё! Бессмертный афоризм готов. «THIS.IS.RUSSIA!» Пестову аплодировал весь зал. Ну и третий — это Стас Букреев, просто хороший парень, самый первый победитель четвертьфинала этого сезона. С Алиёй и Пестовым всё было понятно — они выглядели явными фаворитами на фоне остальных, и за их судьбу я был спокоен. Поэтому болел за Букреева. К несчастью, моя поддержка опять то ли не помогла, то ли навредила, и Стас сначала провалился на жёлтой дорожке в полуфинале, хотя у него были все шансы выиграть, а потом его обошли по красной в «Шансе», сам он был на зелёной. Говорит, это из-за того, что провалил красноречие. Красноречие — это САМОЕ ГЛАВНОЕ «Умниках»!!! Кто из вас до сих пор этого не понял, будущие агонисты и теоретики??! Будьте лучше Цицеронами и Демосфенами, чем Эйнштейнами и Леонардо да Винчами! И всё будет ништяк. Вопросы про Швейцарию были заметно сложнее, чем про железные дороги, хотя тоже ничего особенного. Неделя времени, парочка книг, минимальный уровень подготовки, знание географии и чуть-чуть истории — и всё! Остальное — чистое везе-

ние. На дорожках происходила ровным счётом всё то же самое, что и днём ранее — одни выигрывали, благодаря судьбу, другие слетали, отравляя атмосферу миазмами ненависти и отчаяния. Было такое и год назад, и два, и три, и десять, и пятнадцать…

Чем мне нравится программа «Умницы и умники», так это тем, что это уменьшенная модель нашей жизни, где, во-первых, наглядно можно проследить, как все мы ничтожны и зависимы от воли судьбы, и во-вторых, где обнажаются души, срываются маски и человек предстаёт именно таким, какой он есть, а не таким, каким хочет казаться. Каждый год выискивается какой-нибудь неудачник-правдолюбец, который, проиграв из-за собственного невежества или по чистой случайности, будет считать своим долгом высказать в лицо Вяземскому или Смирновой всё, что он о них думает, обвинит их в «фаворитизме», программу назовёт «насквозь прогнившей» и «измельчавшей». Не буду называть имён этих «героев». Скажу лишь, что какая бы неудача ни постигла человека, каким бы горьким ни было поражение, не стоит винить в этом никого, кроме самого себя. Программа «УиУ» хорошо сбалансирована и просчитана, её структура доводилась до совершенства создателями в течение девятнадцати лет. И Юрий Павлович с Татьяной Александровной не новички в своём деле, каждый шаг их, каждое действие тщательно продуманы и обоснованы многолетними опытом и практикой. Обвинять их в чём-либо априори неразумно и бессмысленно. Вяземский любит повторять слова Воланда: «Всё будет правильно, на этом построен мир». От Смирновой я дважды слышал: «Что бы ни случилось, помните: справедливость рано или поздно восторжествует!» Эти люди, несмотря на их глубокую религиозность, в какой-то степени фаталисты. Они верят в справедливость, они уверены, что являются её проводниками, и смотря на них, слушая их, невольно сам начинаешь верить этому. Я проиграл в четвертьфинале на дорожке, но в конечном счёте вышел в ферзи. Считаю ли я, что справедливость восторжествовала? Бесспорно. Один мой знакомый тоже проиграл, не прошёл в следующий этап и долго потом поливал грязью создателей

программы. Справедливо ли было, что такой человек не дошёл до конца? Вне всяких сомнений. Способный в глубине души на подлость, он заранее был обречён. Так рукою справедливости судьба расставляет всё по своим местам.

Очевидно, Юрий Павлович, недовольный тем, что его студентов не спрашивают, поздно вечером поговорил с Татьяной Александровной, потому что в Эпилогах москвичей нашу трибуну спрашивали с завидной регулярностью. Большинство бывших «умников» получило по медали, а Григорий Великолепный заработал целых две, после игры подарив их двум девушкам-гостьям, которые, хотя и знали многие ответы, ничего не получили. Меня спросили в самом конце дня, в эпилоге четвёртой встречи. Я к тому времени был немного расстроен и уже сочинил для будущего рассказа целый абзац-оправдание, почему я ничего не заработал. Но когда задали вопрос: «Какой самый населённый город в Швейцарии?», Татьяна Александровна милостиво указала на меня, и со счастливой улыбкой я встал, поприветствовал подошедшего ко мне с микрофоном Вяземского:

— Ярослав Туров, первый МЖ, город Благовещенск…

— Журналист! — воскликнул Юрий Павлович. — Ну и как вам там учится, Ярослав?

— Замечательно! Там очень красиво в плане девушек и очень интересно в плане преподавателей, — с улыбкой сказал я.

— Ну, этот, как всегда, в своём репертуаре, — нахмурившись, махнула рукой Смирнова. До сих пор думаю, что бы это значило?

— Девушек там и правда много. Я когда на МЖ прихожу лекции читать, вас одного среди девчонок и вижу, — кивнул Вяземский. — Не потому, что вы там единственный юноша, а потому, что вы — «умник». Ну так какой город самый большой?

— Женева? — предположил я. Вяземский тепло улыбнулся, но микрофон не убрал. Он всегда так делает, когда кто-то отвечает неправильно, но ему дают второй шанс.

— Ярослав, ну сами подумайте… — и пустился в логические размышления, которые я не услышал. Их заглушила мысль: «Ну если не Женева, тогда Цюрих. Других крупных городов я

не знаю».

— Тогда, думаю, это Цюрих, — сказал я, и все вокруг умилённо заулыбались. Вопрос и правда был детский. Но моё время отвечать на серьёзные вопросы прошло, сейчас мне просто хотелось получить медальку как сувенир да отметиться в кадре, мол, вот он я, жив, здоров и счастлив!

— Ну конечно Цюрих! — громко сказал довольный Вяземский. — Медаль! Срочно! — И меня наградили. Настроение резко улучшилось.

Потом секретарь объявил имена тех, кого пригласили в «Шанс», ведущие попрощались со зрителями, и мы вышли из студии. Через какое-то время вышел Юрий Павлович и согласился сфотографироваться с нами. Большего подарка для многих трудно было бы желать. Уходить из «Останкина» не хотелось. Напоследок тоскливо взглянув на студию, коридоры, гримёрку, я вздохнул, оделся и вышел. Кто знает, доведётся ли мне ещё побывать здесь? Может быть — страшно представить! — наступит такой день, когда Юрий Вяземский пригласит меня на передачу в качестве… судьи? Дух захватывает от этой мысли! Тогда свет увидит пятая часть моей «эпопеи»… Даст Бог, даст Бог… А пока я в кругу друзей ехал на трамвае к станции метро «ВДНХ» и вспоминал дела минувших дней.

На съёмки «Шанса» я твёрдо решил не ходить — во-первых, у меня на этот день приходилось сразу три важных пары — мастер-класс с Владимиром Легойдой, die deutsche Sprache и истжуръ, а во-вторых, «Шанс» — это всегда тяжело, особенно если этот шанс упущен. Портить прекрасные впечатления от первых двух дней той ненавистью и отчаянием, которыми пропитан воздух на «Шансе», мне не хотелось. Зачем, когда на душе так легко и хорошо, когда сидишь в компании тех, кто тебе по-настоящему дорог, и, откинувшись назад, расслабленно слушаешь их весёлую болтовню с лёгкой улыбкой, смотришь в окно, на проплывающий мимо город. На улице было уже совсем темно, и тут и там горели яркие фонари, вывески магазинов и ресторанов, светились жёлтым и красным окна высотных домов. Я был

счастлив простым тихим счастьем человека, у которого в это жизни есть всё — настоящая любовь, преданные друзья, любящие родители и возможность учиться в лучшем вузе на всём белом свете. А закончить я бы хотел фразой, которой давно мечтал завершить этот цикл. И жизнь была хороша, и жить было здорово.

5–7 марта 2011 г. Москва

ПОСЛЕДНЯЯ КВАРТИРА

1

Ясным морозным днём я ехал в троллейбусе. Декабрьское солнце ощетинилось веером острых лучей; отражаясь от сугробов, они нещадно били прямо в глаза. При взгляде на небо становилось нестерпимо холодно. Наверное, это просыпалась тоска по лету. Угрюмые лица пассажиров усиливали эту ностальгию, и мне хотелось оказаться на тёплом морском берегу, где можно забыть и себя, и свои проблемы. Троллейбус катил по скользкой глади гололёда, время от времени высекая своими «усами» искры из проводов. Люди в чёрных и серых пуховиках сидели нахохлившись и старались не смотреть друг другу в глаза. За оконным стеклом проплывал заснеженный город, погружённый в предновогоднюю суету. На каждом шагу — лотки с китайскими петардами, шарики, гирлянды, палатки с игрушками. Даже музыка играла какая-то новогодняя. Но что-то праздника я не чувствовал. Новый год всего-то через пару недель, а мне, что называется, «по барабану». Странно!

Мобильный в кармане задребезжал.

— Алло, Руслан! Ой, как хорошо, что я дозвонилась! — послышался в трубке резкий женский голос. — Это Татьяна Ивановна. Руслан, Руслан, хочешь на ёлку сходить?

— На ёлку? — переспросил я с удивлением.

— Да, на ёлку! На мэрскую! Для одарённых! Бесплатно, — прибавила она.

— Ну…

— Ой, отлично! Приезжай немедленно, мы тебя ждём. Мы тебе и пригласительный дадим, и подарок получишь…

— Скоро буду, — сказал я. Видать, у них там сильная нехватка одарённых, раз меня так уговаривают. Мысль, в качестве кого меня туда приглашают, в голову даже не приходила. А зря.

— Дедом Морозом?!

— Да, зайчик мой! — Татьяна Ивановна, невысокая женщина в бордовом костюме, отвечавшая здесь, в Центре, за учебно-воспитательный процесс, улыбнулась. — Представляешь, как здорово будет? Ты, такой красивый, высокий, в костюме шикарном, на сцене…

— Но вы ничего не говорили про Деда Мороза!

— Да ты что!!! Тебе с твоими талантами — сидеть в зале?! Русланчик, зайчик мой, не смеши меня! Тем более, там всего-то три ёлочки, — женщина, хитро сощурившись, показала пальцами щепотку чего-то. — Мы тебе и Снегурку найдём классную!

— Даже и не знаю…

— Ты что, ты что, Руслан, милый!? Мы же тебе такую честь оказываем! Ты просто не можешь нам отказать! — глаза Татьяны Ивановны за толстыми линзами очков ещё больше округлились.

— Ну… Ну ладно, — нехотя сказал я, пожимая плечами.

— Вот и славно! Подпиши здесь, здесь и вот здесь!

Я подписал. Глаза женщины блеснули, и я понял, что пути назад нет.

Полчаса спустя я ехал домой и думал. Казалось бы, что стоит отвести эти три несчастных ёлки? Я что, никогда не выступал на сцене? Или у меня настолько плотный график? Вроде бы нет. Только в душе сидел червяк сомнения и не давал покоя. Уже год как я покончил с жизнью «матёрого» активиста, учусь себе в одиннадцатом классе и никого не трогаю, так почему же прошлое вновь не даёт мне вырваться? Родители не одобрили моего согласия, как не одобрял его я. И как всегда, когда влипаю в какую-нибудь историю, я утешал себя: «Зато получу ценный опыт!» Вмиг пролетели дни репетиций. Роль моя была как у фонарного столба — всё представление сидеть за компьютером да вставить пару слов в конце — только и всего. Я не жаловался,

тем более что Снегурку и правда подобрали лучше не придумаешь. Интересная общительная девушка, на вид лет девятнадцать, я то и дело непроизвольно называл её на «ты». Она не обижалась. Потом оказалось, у неё муж и четырёхлетняя дочка… Я бывал почти на всех репетициях, не смог прийти лишь на одну — китайский помешал. Лишь только я сообщил об этом Снегурке (буду называть её так), как телефон опять затрезвонил.

— Руслан!!! Ты что, на репетицию не придёшь??? — услышал я панический голос Татьяны Ивановны. — Не могу, у меня занятия сегодня. Мне очень жаль.

— Да ты что!!! Это катастрофа! Ты просто не можешь не прийти! — В голосе слышался надрыв, как будто бедная женщина сейчас зарыдает. — Ты нас так подведёшь, это же кошмар какой-то!

— Не волнуйтесь, впереди ещё несколько дней репетиций, так что всё пройдёт нормально.

— И слушать не хочу!!! Ты ДОЛЖЕН прийти сегодня! Несмотря ни на что!!! — От этого голоса у меня мурашки пробежали по коже.

— Извините, но для меня учёба всегда на первом месте. Я не могу пропустить урок, тем более что я за него плачу деньги… — чуть менее уверенно попытался я возразить, но голос мой потонул в криках:

— Руслан, если ты сегодня не придёшь, ты нас предашь!!! — В тот момент я был рад, что нахожусь не рядом. — Мы тебя в чёрный список занесём!!! Да мы… Да мы тебя вообще больше никуда приглашать не будем! Потому что будем знать, что ты человек ненадёжный, наплевательски относишься к таким серьёзным вещам, что тебе нельзя верить! Мы будем знать, как к тебе относиться! — Татьяна Ивановна, — чуть дрожащим от гнева голосом, медленно, с расстановкой проговорил я.

— Я приду сегодня на репетицию, а о том, что вы мне сейчас сказали, мы с вами ещё поговорим.

— Ну-ну, — усмехнулся надменный голос, и трубка прерывисто загудела.

— Руслан, солнышко ты моё ясное, ты прости старую женщи-

ну с больными нервами, — после репетиции, с широкой улыбкой сказала Татьяна Ивановна, глядя мне в глаза. Под этим заискивающим взглядом сердце предательски сжималось, а весь праведный гнев куда-то исчезал. — Ну поскандалила немного, ну и что? Простим ведь тётку, да?

— Мне было непри… — начал было я.

— Конечно, было, — улыбнулась ещё шире женщина. От этой сладкой улыбки морщины по всему лицу её как-то сами собой разглаживались, и мне казалось, что на меня смотрит маска. Мне тут же вспомнился Иудушка Головлёв Салтыкова-Щедрина: вот-вот петлю закинет!

— Всё-таки мне не хотелось бы… — сделал я ещё одну попытку рассердиться.

— Я всё понимаю, Русик, зайчик ты мой! Не буду. Вот прямо крест даю, не буду больше! Ты вообще такой молодец, что и на репетицию пришёл, и ко мне заскочил. Другой как закричал бы, ногами затопал, а ты вон у меня какой хороший, даже слова не сказал!

— Да я…

— Ну вот и славненько! Значит, замяли? Замяли! Вот и славненько! Вот и хорошо!!! — Я был раздавлен.

— Ну что ж, друзья, проститься нужно! Всех поздравляем от души! Пусть Новый год встречают дружно и взрослые, и малыши! — прогудел я сочным басом сквозь густую душную бороду на резинке, громко стукнул посохом, и под красивый бой курантов первое представление закончилось. — А теперь мы всех вас приглашаем на новогоднюю дискотеку! Обрадованный зал — гомонящая толпа пятиклашек — с воплями ринулся к выходу, занавес закрылся, и я вздохнул с облегчением.

— Наконец-то! — закатил я глаза, стаскивая надоевший парик, гарнитуру, тяжёлые бороду, шапку и рукавицы.

— Ты куда раздеваешься? — усмехнулась Снегурка. — Всё самое интересное только начинается. А дискотека? Неужели думаешь, что танцы обойдутся без тебя?

Делать нечего. Нацепив бороду, схватив обмотанный мишурой посох, я рванул за резвой Снегуркой прямо в толпу танцующих детей. Почти сразу споткнулся, потому что какой-то малолетний гадё… гм, простите, милый мальчуган поставил мне подножку. Взрыв хохота потонул в весёлой новогодней песенке, замигали лампочки под потолком, и дискотека началась. Я принялся с энтузиазмом выполнять свой долг.

— А ну, детишки, кто с Дедушкой хочет в паровоз поиграть? Цепляйтесь сзади! Быстро за моей спиной образовался целый эшелон малышей, и мы энергично начали бегать вокруг ёлочки. Костюм мой был довольно громоздким, сапоги — тяжёлыми, посох — длинным, а огромная шапка и неудобная борода то и дело норовили налезть на глаза, ослепить. Рост у меня метр восемьдесят, а мишура, как назло, висела низко, и уже на первом повороте я запутался в этой паутине из блёсток, едва не уронив на себя ёлку. Движение «поезда» пришлось прекратить, что повлекло за собой аварию. Бегущие малыши наскакивали друг на друга, наступали друг другу на ноги и громко кричали, некоторые ругались витиеватыми словами, смысл которых улавливали с трудом. На пару минут все танцы в зале прекратились, воцарился хаос, но стоило мне выпутаться из сетей, обстановка маломальски нормализовалась. — Татьяна Ивановна, возьмите посох, ради бога! — сказал я с ухмылкой наблюдавшей за мной женщине. Та молча приняла палку и, цокнув языком, куда-то с ней удалилась.

— Дедушка, как ты думаешь, не нужно ли нам зажечь ёлочку? — в микрофон спросила Снегурка.

— Да, дед, чё за фигня, почему ёлка тухлая? Серёга, где моя за- жигалка? — услышал я из толпы пятиклашек.

— Конечно, Снегурочка! Непорядок! Что же это, Новый год вот-вот наступит, а ёлочка до сих пор не горит! — подыграл я густым баском. — Ребята, вы все уже взрослые, знаете, что нужно кричать?

— Да знаем уже, пердун старый! — крикнул кто-то. К счастью, реплика потонула в общем крике «знаем!».

— А ну, давайте все вместе кричим: «Ёлочка, гори!» — помогла мне Снегурка. — Раз! Два! Три! Ёлочка, гори!!!

Ничего не произошло.

— Ну, нет, ребята, так у нас с вами дело не сдвинется! Нужно кричать очень дружно! — слово в слово повторил я все то, что в таких случаях говорят Деды Морозы на утренниках. — Ещё раз! Раз! Два! Три! Ёлочка, гори!

И снова ёлочка не зажглась. Вот зараза! Снегурка пошла к ди-джею разбираться, в чём дело. Я продолжал выкручиваться.

— Нет, ещё не все в зале кричали! Ребятишки, вы что, каши мало ели? А ну давай ещё дружней!

Подошла Снегурка.

— Ты тут кричи, а я пойду гирлянду в сеть врублю. Осталось только вилку найти…

— Раз! Два! Три! Ёлочка, гори! — кричала толпа, но ёлочка не зажглась и в третий раз. — Нет, видимо не слышит нас, наша ёлочка! Может, как-нибудь по-другому крикнем?

— А может, на неё соляры плеснуть? — предложил какой-то умник.

— Лучше бензину, — поправил другой.

— Нет, ребята, ничего мы бензином обливать не будем. Сейчас ёлочка сама загорится. Давайте вместе крикнем: «Гори, ёлочка, гори, лишь скажу я: Раз! Два! Три!» — наскоро сочинил я. Снегурка у розетки уже секунд десять подавала мне сигналы.

— Гори, ёлочка, гори, лишь скажу я: Раз! Два! Три! — злобно закричала толпа, и проклятое дерево, наконец, загорелось жиденькими огоньками. Дети радовались, как дети. Но не все — было много недовольных, кто с кислыми минами уставился на меня.

— Дед, а тебя борода настоящая? — спросил у меня какой-то мальчик и потянул за бороду.

— А у тебя уши настоящие? — спросил я его и больно дёрнул за ухо. Хулиган тут же растворился в толпе. Вдруг ко мне подошла чья-то мама.

— Извините, Дед Мороз, не могли бы вы подарить моей доче-

ри подарок? Я так хочу, чтобы она верила в сказку… — и женщина незаметно сунула мне в руки маленькую куколку. — Вон она, видите, в костюме снежинки? Её Маша зовут. Подойдите и подарите!

Я кивнул и отправился выполнять поручение. Прелестное белокурое создание ростом мне чуть выше моего колена в серебристом костюмчике весело дрыгало ручками и ножками под музыку. Присев рядом с девочкой, я протянул девочке куколку и сказал:

— С Новым годом тебя, Машенька! Это тебе подарочек от Деда Мороза!

Девочка с остервенелым взглядом вырвала у меня из рук куклу и, не поблагодарив, убежала. Чудесный ребёнок…

— А мне подарок? — раздался голос сзади. За мной стоял маленький мальчик в костюме Бэтмена и выжидающе смотрел на мои руки в рукавицах, словно они вот-вот прямо из воздуха достанут большой красный мешок и начнут вынимать оттуда игрушки.

— Я тоже хочу подарок! — закричала черноволосая девочка, дёргая за полу шубы.

— И я! И я! — загомонили ребята, и уже через минуту вокруг меня собралась внушительная толпа. Что прикажете мне делать? Сказать им, что подарки у меня только для избранных, что та девочка весь год хорошо себя вела? А может, объяснить, что Деда Мороза не существует, и подарок мне всучила её мамаша? К счастью, на помощь пришла Снегурка:

— Кто тут хотел подарков? — Малыши тут же оставили меня в покое и ринулись к ней.

— Я, я хочу!

— Я первый!

— Пошёл ты, я первый забил! — крикнул кто-то. Тут уж не обошлось без драки. С перекошенным от злобы лицом один мальчишка заехал другому по носу, и тут же получил кулаком под дых.

— Дети, дети, успокойтесь! Нельзя же так! — быстро разнял

я дерущихся. — У нас всё-таки праздник, Новый год. Снегурочка, не устроить ли нам какой-нибудь конкурс? — сказал я напарнице. Детей надо было срочно чем-то занять.

— Конечно, дедушка! — одарила она меня своей волшебной улыбкой. — Подарок получит самый догадливый. Вот, ребятки, у меня в руках волшебная Книга Знаний! — Снегурочка показала детям книгу в однотонной коричневой обложке. «Педагогические методики и творческий подход к воспитанию детей дошкольного и младшего школьного возраста» — значилось на обложке. — На одной из её страниц я спрятала закладку. Кто угадает страницу, получит приз! Начинайте. Только, пожалуйста, по очереди.

— Сорок девять! — крикнула какая-то девочка в микрофон, который ей дали.

— У-у-у, холодно! — поёжилась «внученька».

— Сто девяносто пять! — сказал другой мальчик.

— Вот, уже гораздо теплее!

— Пятьдесят четыре! — сказал третий мальчик.

— Нет, ну что ж ты назад-то совсем скакнул? Может, ещё раз?

— Восемьдесят один! — попытался он ещё раз.

— Холодно, — махнула рукой Снегурка, передавая микрофон следующему.

— Двести.

— Ещё теплее!

— Двести пятьдесят!

— Холодно! Меньше давай!

— Двести двадцать четыре!

— Ух, как жаром сразу пахнуло! Я чуть не растаяла! А ну, ещё давай!

— Двести двадцать шесть!

— Нет, холоднее, давайте ещё чуть-чуть!

— Двести восемьдесят!

— Нет, мальчик, ну что ты? Кто ещё?

— Триста пятнадцать?

— Дети, вы что, друг друга не слушаете? А ну, повнимательней давайте! Кто ещё хочет?

— Я, я знаю! — закричал какой-то мальчуган, изо всех сил тряся рукой, так что мне показалось, что она сейчас отвалится.

— Ну-ка, мальчик, давай! — Снегурка дала ему микрофон.

— Двести двадцать пять!

— Правильно! — громко воскликнула «внучка» и, раскрыв книгу на двести двадцать пятой странице, показала всем вложенную туда жёлтую канцелярскую линейку. Потом с гордым видом прошлась по кругу и всем показала номер страницы, чтобы всё без обмана было.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Миша, — светясь от гордости, заявил мальчуган. Ну, сейчас его одарят по-королевски!

— Мишенька у нас молодец, мы с Дедом Морозом дарим ему этот небольшой подарочек — блокнотик и ручку, да не простые, а с символикой нашего Детского Центра, чтобы Миша хорошо учился! Держи! — и Снегурочка, словно вручая Оскара Джеку Николсону, протянула Мише подарок. Я поспешил отвернуться, чтобы не видеть глаз этого ребёнка. Мне было стыдно. — Ну что, поиграли немножко, теперь продолжаем танцевать! А потом будут ещё конкурсы! — крикнула Снегурочка радостно, и мигом образовав из детей хоровод, подошла ко мне.

— Спасибо, что спасла, — сказал я ей.

— От «спасибо» похмелья не бывает! С тебя пузырь, — весело подмигнула методистка по работе с детьми дошкольного и младшего школьного возраста Центра детского воспитания. — Шутка! Снегурочкам этиловый спирт нельзя — они от него тают.

— Гм, ясно. А что, подарка посолиднее не нашлось? Ну, или хотя бы конкурса поинтереснее?

— Руслан, а тебе не всё равно? — в голосе Снегурки послышалось раздражение. — Они уже назавтра забудут эту ёлку, поэтому какая разница?

В том-то и дело, что забудут, подумалось мне, а надо, чтобы помнили всю оставшуюся жизнь. Но вслух я ничего не сказал.

— Аха, ну что, соскучились без меня? — загремел в динамиках голос Бабы Яги. Это другая методистка, игравшая лесную

ведьму в спектакле, видимо, решила лишний раз отточить своё мастерство обращения с малышами. — Это я, Баба Яга — костяная нога!

— Сдохни, старая! — хором завопили человек семь ребятишек, танцевавших тесным кружком. Весь зал слышал, но все предпочли притвориться глухими. Родители, прижавшись к стенам и тёмным углам, умилённо шушукались.

— А чего это вы тут все такие кислые? — верещала Баба Яга, прыгая вокруг ёлки кошачьим лемуром. — Бабуся для вас тут конкурс приготовила очень интересный, но для него мне понадобится посох Деда Мороза.

— Дед, где посох? — спросила Яга, подойдя ко мне. — Чёрт его знает. Его Татьяна Ивановна взяла. Может, тут где, — развёл я руками.

— Так, ребятишки, внимание! Случилось непредвиденное! Страшная злая колдунья похитила посох Деда Мороза! Без него не наступит Новый год! Ищите его! Кто найдёт, получит сладкий приз! — завыла мифологическая карга, и все, как черти в гоголевском «Вие», ринулись искать тяжеленную палку со звёздочкой на макушке, замотанную цветной бумагой, блёстками и мишурой. «Где посох? Где посох? Нового года не будет! Ищите посох!» — слышался гомон повсюду. Сердобольные родители азартно подзадоривали ребят, видя, что тем интересно. Штурмом был взят гардероб, кто-то начал копаться в одежде, после чего на пол упало несколько шуб и шапок. Жалобно заскрипели гардины — за шторами тоже искали, но ничего не нашли. Перевернули кресла, а какой-то Человек-паук даже забрался внутрь ёлки. Как ему это удалось? Тут я заметил, что в зал вошла «страшная злая колдунья».

— Татьяна Ивановна, куда вы положили посох? — спросил я её.

— Я его в реквизит сдала, — ответила та с лёгкой издёвкой. Чем я её заслужил — оставалось только гадать. — А что, без него не справляешься?

— Нет, всё в порядке, — сказал я и пошёл к Яге. — Надо

это прекратить, а то они тут всё разнесут! Посох в реквизитной лежит, тут его искать бесполезно!

Яга смекала очень быстро.

— Ребятишки, не трудитесь! Посох найден, награда нашла своего героя! Продолжаем танцевать и веселиться! — проскрипела она в микрофон и как-то незаметно растворилась в дверном проёме. Снегурочку я увидел в компании нескольких взрослых возле диджейской рубки. Наверное, знакомых встретила.

— Так, Руслан, пора дискотеку кончать! Эти кровопийцы тут уже целый час пляшут, — сказала мне Татьяна Ивановна. — Ещё одна песня, и гони их.

— Понял. Я пошёл к диджею и заказал медленный танец. Ох, зря я это сделал. Конец вечера был испорчен.

— Ребята, а сейчас объявляется медленный танец! Мальчики приглашают девочек, — сказал я в микрофон и… под дружный раздражённый гул центр зала мигом опустел. Не любят пятиклашки медляки танцевать, что тут непонятного? Мне хотелось пригласить на танец Снегурочку, чтобы подать всем пример, но моя «внученька» куда-то запропастилась. Так, отстояв четыре минуты у ёлки в одиночестве, я объявил, что дискотека окончена, пожелал всем счастья в новом году и ушёл в гримёрную. Там я и нашёл свою Снегурочку. Она сидела, закрыв лицо руками, и тихо плакала. Пудра на щеках её слегка размазалась от тонких солёных ниточек слёз. Они стекали бесшумно, и не было ни вздохов, ни всхлипов.

— Что случилось? Почему ты плачешь? — спросил я её.

— Достало всё, — ответила она.

— Что за пессимизм на рабочем месте? — придал я своему голосу бравый тон. — Впереди ещё две ёлки, некогда нам тут нюни распускать.

Снегурочка посмотрела мне в душу своими большими блестящими карими глазами. Усталыми, равнодушными… Мне стало не по себе.

— Я шла, задела кого-то, и у меня ключ от кабинета из кармана выпал. Я нагнулась его подобрать, и знаешь, что мне дети

закричали? «Да, да, загинайся, Снегурочка, сейчас трахать тебя будем!» И это ПЯТЫЙ КЛАСС!!!

— Ну, я когда в пятом классе был, у нас и не такое ребята говорили… — сказал я, почёсывая затылок.

— А у меня в школе такого не было! У нас все мальчики были рыцари и джентльмены, а девочки принцессы и прекрасные дамы! — Снегурочка утёрла слезу, отчего её тушь немного размазалась. Подойдя к зеркалу, она принялась её поправлять.

— И ты из-за этих сопляков так расстроилась?

— Нет, я им сделала замечание, мол, дети, почему вы такие злые? Нельзя же так! Я же взрослый человек, а взрослых уважать надо. Разве родители вас этому не научили? А знаешь, что потом было? Они меня послали на три буквы, а через две минуты ко мне подошли их родители и обвинили, что я дура набитая и ни черта не смыслю в педагогике.

— Ну что ты…

— Они сказали, что у меня ещё молоко на губах не обсохло, чтобы учить их детей, как себя можно вести, а как нельзя. Я им сказала, что они растят своих детей бездушными и чёрствыми, настоящими монстрами! Лучше бы я этого не делала. Они просто задохнулись от ярости. Столько всего мне наговорили, до сих пор вспоминать тошно. И это родители не из какой-нибудь далёкой спившейся деревни, это вполне интеллигентные люди, офисные работники, менеджеры, юристы. Их дети посещают художественные, музыкальные школы, наш Центр… А ещё они нажаловаться обещали.

— Думаешь, директор Центра тебя уволит, выслушав жалобы офисного планктона?

— Уволить-то не уволит — где она ещё найдёт такого методиста, как я, который согласится работать за шесть тысяч в месяц?

— В чём же дело?

— Она вызовет меня, публично отругает и заставит извиняться перед этими хамами. А у меня тоже гордость есть, я тоже человек! Это они должны передо мной извиняться, а не я перед ними! Снегурочка открыла форточку, достала дамские сигареты, зажи-

галку и закурила. Средним и указательным пальцами с большими нарощенными ногтями, девушка элегантно подносила белую трубочку к губам и изящно выпускала в окошко струйку сладковатого дыма, где он тут же смешивался с водяным паром. Ярко-алые губы оставляли на сигарете след, и казалось, что она подожжена с двух сторон. Размазанная по лицу тушь чуть подсохла, и из сказочного персонажа Снегурочка превратилась в расстроенную уставшую женщину, единственным желанием которой было, чтобы от неё отстали.

— У нас ещё два выступления. Если так расстраиваться после каждого, никаких нервов не хватит, — сказал я и, оставив костюм на вешалке, ушёл.

Второй новогодний вечер — для восьмых классов — пролетел незаметно. Мы со Снегуркой твёрдо решили не мешать детям танцевать во избежание неприятностей. Всё прошло спокойно. По словам диджея, даже без драк. А Снегурку директриса всё-таки вызывала. Та извинилась. Третья ёлка, главная, мэрская, проходила в малом зале общественно-культурного центра. Собралась вся интеллектуальная, творческая, спортивная элита города с девятого по одиннадцатый классы. Каждый второй гость был мне знаком. Вот этот саксофонист, а тот паркуром увлекается. Эта неразлучная парочка — активисты, а вон та девочка лучше всех в городе понимает в географии… Удивительная черта небольших городов — на мало-мальски значимые мероприятия ходят одни и те же. Новичков почти не бывает. Так и кочует вся эта вдохновенная братия из одного здания в другое. Остаётся, придя на олимпиаду, пожать руки доброй половине собравшихся, поинтересоваться результатами прошлого конкурса, например, поэтического, и усесться в очередной раз доказывать всем, что ты достоин вращаться в подобных кругах. Жаль только, что одарённые, в которых так много силы и задора, поодиночке чувствуют себя вполне комфортно.

И когда очередной «собор» заканчивается, все расходятся, а ты, словно принимая этот странный обычай, бредёшь домой

один, хотя тебе совершенно нечем заняться и больше всего на свете хотелось бы быть сейчас в компании этих ребят, спорить, шутить, смеяться… Да. Меня опять дёргали за бороду, на этот раз по-дружески. Тыкали пальцем: «Смотри, вон, это же Руслан!» Просили подарить лошадку… На представлении смотрели только на меня, и мне было немного стыдно за свою малоподвижную молчаливую роль. Казалось бы, кому как не Деду Морозу на сцене нужно больше всех двигаться, бороться со злом, встречать Новый год? С замиранием сердца я ждал дискотеки. Меня выворачивает от отвращения к ночным клубам, но потанцевать в кругу своих… Это, должно быть, приятно. Стоило пригласить ребят на танцы, они собрались и пошли… домой. Со мной у ёлки остались всего несколько малышей и две девчонки, развлекавшие друг дружку в сторонке. Подавленный, я получил свой гонорар — восемьсот рублей — и пошёл спать.

2

Было первое января. Я сидел дома и наслаждался ничегонеделанием. Такую роскошь можно позволить себе редко, и я откровенно ловил кайф, что моя голова абсолютно пуста, на шее никто не сидит, и на сердце легко. Такое бывает только на зимних каникулах, когда после бурных попоек весь город будто парализует, автобусы проползают мимо остановок раз в пару часов, а на улицах пусто, ровно как и в карманах. И снова, как когда-то, тишину нарушил телефонный звонок.

— Здравствуй, Руслан! Мне нужна твоя помощь, — услышал я в трубке голос своего классного руководителя, Натальи Сергеевны. Наш класс расстался с ней совсем недавно — отдых только начался. — Ты не мог бы завтра утром, часов в десять, прийти в школу, мне нужен кто-нибудь на роль Деда Мороза, чтобы поздравить беспризорных детей с праздником.

— Беспризорных?

— Да, это дети из малоимущих семей. Я девчонок уже уговорила пойти, осталось ещё парня найти. Поможешь?

— Хорошо, Наталья Сергеевна, конечно, помогу.

— Тогда до завтра.

— До завтра, — согласился я, про себя усмехнувшись: похоже, этот бородатый образ не оставит меня ещё долго…

На следующий день Наталья Сергеевна, две девушки, Рита и Настя, и я, как по Некрасову, дозором обходили «наши владенья». На Рите красовался символический синий халатик с блёстками, а на мне не менее символический красный, без блёсток. Костюм Деда Мороза дополняла ещё и жиденькая борода, но так как она была заношена до основания, я нёс её в руке, или цеплял на подбородок, становясь похожим то ли на Линкольна, то ли на козла. Высотные многоэтажки, как скалы в ущелье, окружали нас со всех сторон, и я поневоле любовался ими. Они были красивы, несмотря на серость. Пожалуй, никто из всех известных мне писателей не воспел эту грубую, как гранитная глыба, монотонность, этот неповторимый урбанистический дух. У них Россия какая-то двухэтажная. В ней человек и не подумает ощущать себя ничтожеством перед системой, перед величием холодного страшного мира — каждого волнует только собственная душа, и никому в голову не приходит, что остальным на неё плевать. Едва мы зашли в первый подъезд, восхищение горными хребтами жилых массивов исчезло. Подъезд больше походил на пещеру. Железная дверь с выдранным «с мясом» кодовым замком нараспашку, внутри сырость и мрак. Перед дверью в нужную нам квартиру Наталья Сергеевна проконсультировала:

— Улыбайтесь ненавязчиво, по-доброму, чтобы не напугать детей. По сторонам лучше не глядите. Вручили подарок, выслушали стишок, поздравили с праздником и ушли. Всё ясно? — Мы кивнули. — Тогда звони, Рита.

Дверь долго никто не открывал. Где-то глубоко в недрах жилища послышался невнятный крик, судя по всему, гневный, затем раздались шаги, и дверь открыл сутулый небритый мужчина. На жёлтой майке его я прочёл: «Богатые тоже плачут».

— Здравствуйте! Мы из школы, хотели бы поздравить с праздником вашего сына Серёжу, — с сокрушительной теплотой

сказала Наталья Сергеевна, отстраняя мужчину вглубь квартиры. — Разрешите, мы войдём? — спросила она, когда все уже были внутри.

— Серый! — заголосил папаша. — Он там, в зале, — и махнул рукой на коридор, а сам быстро скрылся за одной из дверей. В зале в нос ударил кисловатый запах. Первое, что бросилось в глаза, — чьё-то раздувшееся до невероятных размеров тело, сидящее в кресле. Приглядевшись, я понял, что это пожилая женщина лет восьмидесяти, очевидно, бабушка. Огромный пузырь старушечьей плоти, чуть колыхаясь, щёлкал пультом каналы телевизора. Маленькие ручки и ножки её были столь непропорциональны гигантскому телу, что удивительно было, как эта женщина вообще встаёт. Я заметил возле кресла больничную утку и понял: не встаёт. На полу рядом с бабушкой сидел мальчик лет десяти и играл с кубиками.

— Здравствуй, Серёженька, — улыбнулась ему Наталья Сергеевна. — Посмотри, кто к тебе пришёл!

— Здравствуй, — поздоровались мы с Ритой хором. — Поздравляем тебя с наступившим Новым годом! Желаем тебе много счастья, добра, радости и здоровья!

— Дедушка Мороз принёс тебе подарок, Серёжа, — сказала Настя. — Но сначала надо прочитать для него стишок! Мальчик поднялся с пола, держа в руках один из кубиков, и непонимающе посмотрел на нас. В его огромных глазах читался немой вопрос: «Вы кто?» Бабушкозавр за его спиной умилённо смотрел то на дитя, то на нас, пытаясь растягивать обвисшие, как у бульдога, щёки. От этой беззубой улыбки мне стало жутко.

— Ну, Серёженька, какие ты стихи знаешь? — спросила учительница, но мальчик только молча переводил глаза с меня на Риту и обратно. — А может, ты с нами песенку споёшь? Давай, пой вместе с нами: ма-аленькой ё-олочке хо-лод-но зи-мой! И-из лесу ё-о- лочку…

— Взяли мы домой, — подпел я. — Бу-сы пове-есили, встали в хоровод, — вступила Рита. Я с удивлением отметил, какой у неё красивый голос.

— Ве-есело-ве-есело встретим Новый год! — спели мы все вме- сте. Серёжа молчал. Все были в замешательстве. Бабушка, забыв о нас, продолжила щёлкать пультом.

— Руслан, вручай ему подарок скорее, — шепнула Наталья Сергеевна. Я судорожно принял коробку с конструктором из рук Насти и протянул мальчику.

— Будь счастлив в Новом году, — сказал я. Серёжа, не мигая, смотрел на меня, и его взгляд напомнил мне толстовский дуб, твердивший, что нет ни весны, ни тепла, ни счастья. Мурашки побежали у меня по спине, и я поспешно отвёл глаза. Попрощавшись с пустотой, мы поспешили покинуть страшную квартиру. Выходя из подъезда, все молчали. Я шёл вслед за Натальей Сергеевной, а перед глазами стоял Серёжа, играющий с кубиками.

— Этот мальчик… Он немой? — спросил я учительницу.

— Нет, просто неразговорчивый…

Следующая квартира показалась мне очень уютной. Там было чисто, пускай обстановка и не отличалась роскошью. У порога встретили улыбчивая женщина в тёплом белом халате и энергичный мальчик Ванька, получивший от нас в подарок игрушечный грузовик. Встав на табурет, он, точно Маяковский, отчеканил задорный стишок, чем очень порадовал маму и Наталью Сергеевну. Нас приглашали остаться на чай, но мы торопились. После посещения этой квартиры настроение моё резко поднялось.

— Этот Ваня, он что, неблагополучный? — спросила Настя. — По-моему, просто замечательный мальчик.

— Да, мальчишка хороший, — кивнула Наталья Сергеевна. — С ним мама по три часа в день занимается, воспитывает, даже в ущерб работе иногда. Она врач в областной больнице. Муж у неё, отец Вани, алкоголиком был. Она его пять лет тянула, пока он водкой не отравился. Похоронили, теперь вот живут счастливо. Но бедно.

Для счастья, оказывается, не обязательно быть богатым. Главное, чтобы тебя любили, чтобы рядом был человек, о котором можно заботиться, бескорыстно отдавая ему самого себя. К сожалению, подобный оазис любви оказался на пути нашего каравана

единственным. За два часа мы успели обойти около десяти квартир. Одни поражали грязью и запущенностью, другие — обитателями. За это время я успел почувствовать себя Данте, которого водят по кругам ада. Я уже не обольщался насчёт многоэтажной красоты. Мне довелось увидеть её нутро, и оно ужаснуло. Каждый раз, вручая подарок, я видел испуганные, не понимающие, счастливые, полные надежды или удивления лица. Вслед за ними мне вспоминались сытые, холёные мордочки детей с самой первой ёлки — злые, завистливые, изрыгающие проклятия и непристойности, в то время, когда у них есть всё: родители, которые их обожают, игрушки, компьютеры, велосипеды, сладости — всё, чего только душе угодно. Жаль, эти дети не видели другой жизни.

Последняя квартира располагалась на первом этаже двенадцатиэтажного дома, стоявшего чуть в стороне от остальных. Дом этот пользовался дурной славой — его облюбовали самоубийцы для сведения счётов с жизнью. Чердак тут был всегда открыт, как и выход на крышу — залезай да прыгай! Помню, когда входили, я отметил, что окна первого этажа, прямо под которыми стояли мусорные контейнеры, плотно занавешены. Да уж, я бы тоже так поступал — лишь бы не видеть этого пейзажа каждое утро. Чёрная железная дверь в квартиру напоминала крышку гроба. Звонок не работал, пришлось долго стучаться. Когда ворота в склеп со скрипом отворились, мы увидели на пороге маленькую скрюченную женщину неопределённого возраста со спутанными волосами. На лице её было несколько красных полос, — видимо, хозяйка только что спала лицом на чём-то жёстком и отлежала щёку.

— Ч-чё надо? — еле смогла произнести она. Наталья Сергеевна даже разговаривать с ней не стала, оттолкнула в сторону и, скинув шубу, вошла внутрь. Прямо за порогом начиналась стена темноты, и силуэт нашего классного руководителя мы видели с трудом.

— Но-но, полегче, эт-то мой до-ом! — тяжело ворочая языком, сказала женщина, делая странный жест рукой, похожий на протест. Мы молча вошли следом за учителем во мрак. Тьма

плотной тканью опутала нас со всех сторон, и я даже удивился — откуда её здесь столько, если на часах полдень?

— Паша! — позвала Наталья Сергеевна, стараясь придать своему голосу как можно больше тепла. От меня не ускользнули нотки праведного гнева в нём. — Пашенька, ты где? Выходи к нам, тут к тебе Дед Мороз пришёл! Пробормотав себе под нос нечто нецензурное, хозяйка квартиры — очевидно, мать Паши — поплелась куда-то и растворилась во мгле. Наталья Сергеевна уверенно пошла через мрак. Ноги её осторожно ступали по черноте, и мы шли за ней след в след, чувствуя, что стоит нам оступиться, и тьма проглотит нас. Я про себя удивился, как тут вообще можно ориентироваться. Видимо, наш учитель наведывается в эту квартиру не в первый раз. Внезапно Наталья Сергеевна окунул руки в темноту и… раздвинул шторы. Гардина яростно взвизгнула, точно в ней прятались бесы. Полуденный январский свет яркими потоками хлынул в комнату, ослепляя, изгоняя густые клочья тьмы из углов, обнажая протекающий потолок, ободранные местами обои… Большую часть зала занимал огромный разложенный диван, на котором мятой грудой валялось желтоватое постельное белье. Возле дивана я заметил несколько пустых бутылок и пачку презервативов. В углу стояла ощипанная ёлка, пол под которой был весь усеян осыпавшейся хвоей. Из игрушек на ёлке висел один- единственный красный стеклянный шарик. Остальные, обратившись грудой осколков, выглядывали из-за шкафа.

Пашу нашли в углу за креслом. Минут десять Наталье Сергеевне потребовалось на то, чтобы выманить из укрытия испуганного мальчика и убедить, что мама ушла и бить его никто не собирается. Мальчик отказывался стоять на ногах и всё время норовил сесть на корточки. Никакого стишка от него никто уже не просил, песен тоже не пели. Я протянул Паше подарок, он осторожно взял его, но тут пальцы его разжались, и коробка с конфетами упала на пол. Мы стояли и угрюмо смотрели на мальчика, а он сидел перед нами на корточках, ощупывая пальцами пол. Мальчик был красив — бледная кожа, жёсткие

чёрные волосы и огромные голубые, «как нёбушко», глаза. Эх, Паша, Паша… И угораздило же тебя родиться в этой семье! Тут Наталья Сергеевна не выдержала.

— ВЕРОНИКА!!! — закричала она гневно на всю квартиру, так что даже тьма в соседних комнатах в страхе поёжилась. Паша с быстротой молнии юркнул обратно за кресло, закрыв голову руками. Бедный… — Вероника, иди сюда! — Учительница вышла из комнаты. Девчонки остались с Пашей, а я решил сопровождать педагога. Горе-мамаша нашлась на кухне. Она похмелялась.

— Вероника, я Пашку забираю! — рявкнула Наталья Сергеевна так, что женщина даже поперхнулась.

— Ну щаааа! — проскрипела она. — Моё дитё! Не имеешь пр-р-рава!

— А ты имеешь право так над ребёнком издеваться?! — зарычала учительница. В такой ярости её ещё не видели. — Он же, бедненький, у тебя даже на ногах не стоит! Ты его когда хоть кормила в последний раз?

— Моё дитё! Чё хочу с ним, то и делаю! — огрызнулась мать. — Он, засранец, Семёныча папкой называть отказался, урод малолетний!

— Чего б ему так его называть, когда он всех твоих хахалей запомнить не может?!

— А вот это моё дело! Ты моих мужиков не трогай, сама себе ищи!

— Я??! Да я, да мы… — Наталья Сергеевна начала задыхаться от возмущения. Если бы не учительская выдержка, она раздавила бы эту несчастную одним ударом, как клопа. Внезапно на раскрасневшемся лице её я увидел слёзы. — Ну, Вероника… Ну, отдай ты мне его хотя бы на зимние каникулы, — обречённо просила учительница сквозь беззвучный плач. — Ну, зачем он тебе? Ты всё равно все десять дней пить будешь, куда тебе за ним следить, кормить его, одевать?

— Не отдам, и баста!

— Я бы с ним на турбазу съездила, приодела бы его, обула, как следует. И тебе меньше забот. Ну, дай ты ребёнку праздник-

то хоть раз в жизни! Избавь его от своего присутствия!

В глазах мамаши мучительно зашевелились мысли.

— Оденешь, говоришь… И не лень же тебе, училка недоделанная…

— Так, а ну заткнитесь! — сказал я. От моего зычного голоса женщина слегка пригнулась. — Имейте уважение!

— Руслан, успокойся, я сама разберусь, — сказала Наталья Сергеевна. — Иди лучше к девчонкам. Уходя из кухни, я слышал, как мне вслед летело:

— Уважение… Да что ты знаешь об уважении, Санта Клаус х…

Паша сидел на полу и ел конфеты. Девочки специально отбирали для него самые вкусные, разворачивали, а он брал тонкой ручкой и ел, совсем как обезьянка в зоопарке. От этой картины даже у меня вышибло слезу. Так мы сидели ещё минут десять. Рита рассказывала Паше смешные новогодние истории, Настя гладила его по голове и кормила конфетами. Я гипнотизировал шарик на ёлке. Наталья Сергеевна вернулась в зал и сказала:

— Всё, ребята, ваша помощь мне больше не нужна. Спасибо вам огромное, вы сделали доброе дело. Можете идти.

— А как же вы? — удивились девчонки. — Мне ещё нужно тут остаться, Пашку собрать и увести.

— Разрешила-таки? — спросил я. Учительница угрюмо кивнула.

— Может, вам нужна помощь? Мало ли что…

— Спасибо, я сама справлюсь. Идите, — сказала классная руководительница и проводила нас до дверей. — С Новым годом, ребята. Помните, что самое главное, что может быть в жизни — это любовь.

И дверь захлопнулась. Оставив костюм в школе, попрощавшись с Ритой и Настей, я шёл домой. Снег тихонько скрипел под сапогами, холодный ветер что-то шептал ушам, отчего они смущённо краснели. Перед глазами стояли картины, виденные мною сегодня. А ведь Наталья Сергеевна вовсе не богатый человек… Она живёт совсем одна на скромную учительскую зарплату, ежедневно тратя на дорогу до школы по два часа времени, каж-

дую ночь проверяя огромные пачки тетрадей. Зимой она ходит в одной и тоже же шубе и шапке, и строгий гардероб её не отличается разнообразием. Ей ли брать к себе домой совершенно чужого ребёнка, да ещё и кормить, одевать его? Какой удивительной внутренней силы должен быть человек, чтобы совершить такое! Ни я, ни кто-либо из моих знакомых на это не способен. И тут до меня дошло, что есть на свете нечто, несоизмеримо более важное, чем комфорт, богатство, удовольствие, известность, к которым так стремятся люди. Это любовь. Господи, в нас же совсем не осталось любви! Мне стало очень горько за себя и за людей. Но осталась в сердце и радость оттого, что живут на земле люди, как Наталья Сергеевна, в которых любовь всё ещё горит неугасимым пламенем и согревает всех, кому посчастливилось оказаться рядом.

Июнь 2010 г. Благовещенск.

НАГРАДА

Едва над сопкой забрезжил первый луч солнца, Валентина Сергеевна открыла глаза. На часах было пять утра. И хотя торопиться было некуда, она встала, попробовала распрямить одеревеневшую спину и крадущимся шагом, чуть склонившись к полу, побрела в ванную. Она привыкла вставать рано — сказывались долгие годы работы в школе. Ещё давно, когда колбасу делали из настоящего мяса, а молоко добывали из коровы, и только из неё, Любимова радовалась, что каждое утро начинает жить и трудиться раньше других. Она вставала со скрипящей металлической койки, делала утреннюю гимнастику и садилась проверять школьные тетради. Со временем чувство здорового энтузиазма сменилось материнской заботой о ближних, и, проснувшись, Валентина Сергеевна старалась, пока не рассветёт, сделать всю работу по дому, чтобы ни муж, ни дети ничем не утруждали себя. Муж почил вечным сном давным-давно, сын Александр в последний раз звонил около полугода назад, работы по дому, кроме лёгкой уборки, не было никакой, а уж когда Валентина Сергеевна в последний раз проверяла чьи-то тетради, она и сама забыла. Но привычка вставать до свету сохранилась. В крохотной ванной ноздри щекотал ершистый запах хозяйственного мыла и чуть-чуть ласкал сладкий — из флакончика с духами «Эвридика». Их подарила дочь ещё два года назад, когда привозила внуков. То-то радости было! Детки бегали, визжали, вазу разбили, шалуны… Духи давно кончились, а флакончик остался — как напоминание о счастливых днях. Воды в кране снова не было, как и света в лампочках. Вздохнув, Валентина Сергеевна на ощупь, уверенно ориентируясь в кромешной темноте ванной, достала из шкафчика бутылочку из-под минералки с заранее заготовленной водой, наполнила ею приколоченный рядом с краном умывальник, под которым предусмотрительно был

поставлен небольшой тазик — чтобы вода в раковину не утекала — и принялась умываться. Тёпленькая стоялая водичка из бутылки смыла с лица остатки сна, и Валентина Сергеевна почувствовала себя молодой пятидесятилетней женщиной, хотя ей в этом году исполнилось шестьдесят пять. Воду, скопившуюся в тазике, она аккуратно собрала тряпочкой и по пути в спальню протёрла пыль на полках в прихожей и гостиной. Любовно оглядев стройные ряды томов, среди которых были труды Корчака и Сухомлинского, женщина прошла в спальню. Старинные часы с кукушкой, висевшие на стене, неторопливо отсчитывали течение времени. Старый кот Иннокентий лениво зевал на подоконнике, наблюдая, как жирная чёрная муха, перебирая лапками, ползёт вверх по стеклу.

Переодевшись, Валентина Сергеевна вышла на балкон. Он, как и окна квартиры, выходил на задний двор, весь заросший высокой, в половину человеческого роста, травой, из которой, как рифы из зелёного моря, глядели чёрные качели, турники и горки, ржавые и никому не нужные. Было очень тихо. Лёгкий ветерок нежно колыхал траву, и Валентине Сергеевне вспомнился вдруг сенокос в колхозных лугах её детства. Пахну́ло свежестью — это руки ветра погладили женщину по седым волосам. — Господи, хорошо-то как!

Город Безлюдный не до конца оправдывал своё название: в нём проживало, судя по всему, тысяч тридцать человек. Но так как название Несовсембезлюдный отказывалось ласкать слух, а кроме того, не помещалось в графы некоторых документов, ненужные дотошности обычно опускались. Столь выразительное имя городу дали в 1918 году, когда японские интервенты оккупировали его и не смогли найти в городе ни одного жителя — все от мала до велика ушли в подполье. Об этом думал молодой повеса Максим Бобров, сидя на переднем сиденье носорогоподобного транспорта цвета «пасмурный полдень в Сорренто». Настоящей истории города, как, впрочем, и настоящего, исконного названия, он не знал и знать не хотел, а хотел знать лишь одно:

— Дед, а дед! Какого чёрта ты меня сюда привёз?!

— Не всё тебе, дурню, по столицам шастать! — крутя баранку, посмеивался дедушка Максима, крупный усатый мужчина лет шестидесяти. — Ты же кроме своего МГУ и ночных клубов ничего в жизни-то и не видел. А так хоть посмотришь, как люди живут, как Россия изнутри устроена.

— Я что, похож на патологоанатома? Или некрофила? — сморщился Максим, глядя, как за окном проплывает ярко разрисованный сарай с вывеской «Павильон Счастливое детство», а прямо за ним — пивной киоск «Глория».

— Тю-ю-ю! Да тебя ещё учить и учить, — улыбнулся дед и отвесил внуку лёгкий подзатыльник. Максим, сморщившись ещё больше, извлёк из кармана жилетки маленькое зеркальце с надписью «Портрет самого красивого человека» на обратной стороне и принялся поправлять аккуратно уложенную гелем чёлку. Закончив с причёской, его белые руки с ухоженными ногтями соткали из воздуха антисептическую салфетку и гель для ухода за лицом и принялись колдовать над всё тем же зеркальцем. Дед наблюдал за действиями внука с усмешкой.

— Что ты всё прихорашиваешься, как голубизна какая-то? — спросил он.

— Много ты понимаешь, дед! — по-московски налегая на «а», ответил внук. — Ещё Пушкин сказал: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей!» Не читал?

— Ох уж мне эти столичные веяния! Вылезай, приехали!

— Действительно хорошо! — На соседнем балконе стоял седой мужчина с сигаретой в руке и пускал струйки сизого дыма. Глубокие морщины, изрезавшие лоб, выдавали возраст, но азартный прищур голубых глаз говорил о нём, как о юноше, успевшем постареть телом, но не душой. — Вы, как и всегда, ранняя птица, Валентина Сергеевна. — Здравствуйте, Владислав Петрович! — улыбнулась Любимова известному в городе барду Шумихину. — Вы правы, я привыкла рано вставать.

— Мне вот тоже что-то с утра не спится, — бард сделал затяж-

ку и бросил недокуренную сигарету в жестяную баночку на подоконнике. — Что-то свербит вот здесь, томит, — ударил он кулаком в грудь.

— Может, вам корвалолу попить?

— Нет, нет, это не то, — мотнул головой Шумихин. — Я о России. — О России… — понимающе кивнула Любимова. — Да. Вот, послушайте, с утра написал, — бард достал из кармана клетчатых брюк мятый тетрадный листок:

Нас зажали Харибда и Сцилла,
Снизу бедность, богатство вверху.
Зомбоящик разносит бациллу,
Ту, что мозг превращает в труху.

Килограммы лапши за ушами
Нам уже не удастся стряхнуть.
Остаётся в гранёном стакане,
Нахлебавшись тоски, утонуть.

Посмотрите, в стране что творится!
Каждый год в сводках трупов мильон!
Людям хочется взять и забыться,
Погрузить мысли в сладостный сон.

Молодым не дают идти в вузы,
Поколенья спасителей нет.
Кто разрубит сей Гордиев узел
И избавит Россию от бед?

Революция б грянула снова!
Чтобы Кремль — и враз на куски!
Чтоб упали стальные оковы,
Чтоб разжали чинуши тиски.

— Замечательные стихи! — утёрла слезу Любимова. — Вам, правда, нравится? — голубые глаза Шумихина загорелись,

совсем как сорок лет назад, когда в газете «Пионерская зорька» он в первый раз опубликовал гневное стихотворение «Не обижайте птиц!», и его отметили на линейке.

— Ну конечно! — искренне ответила Валентина Сергеевна. — Мне вообще нравится всё, что вы пишете. Это так отличается от того, что говорят по телевизору…

Шумихин удовлетворённо хмыкнул.

— Кстати, слышали, вчера по телевизору передавали?.. — спросила Любимова взволнованно.

— Что?

— В новостях диктор сказала, что пенсию поднимут на пять процентов.

— Да слышал… — Владислав Петрович достал сигареты и снова закурил. — А пока она это говорила, цены успели подскочить на десять… Тоже мне, демократы-реформаторы! Валоризация, индексация пенсий! Только слова красивые выговаривать горазды, — Шумихин зло сплюнул. — Помню, мне в девяносто втором премию дали, — сказал он, затянувшись. — За литературные заслуги перед Родиной. Полгода обещали, примерялись, оценивали что-то, и вот, наконец, дали — миллион! С утра деньги ещё что-то весили, а вечером на них только и можно было купить бутылку водки, буханку хлеба да пару сырков на закуску.

— Да, было время, — глаза Валентины Сергеевны смотрели в пустоту. — Сыночку моему, Сашеньке — он тогда только что в строительном отучился, — зарплату навозом выплачивали. Он потом, бедненький, в мороз по рынку ходил и всем предлагал купить. Да только кто ж его возьмёт-то? Разве что в колхоз, так они поразорились все… Хорошо хоть я поваром подрабатывала, объедки со стола таскала. Так и жили… А что делать? Дефицит средств…

— Разворовали Россию, сволочи, — почернел Шумихин. — Сталина на них нет…

Помолчали. В зарослях стрекотали кузнечики, где-то в кронах деревьев, не пуганная шумом машин, верещала птичка.

— Ну да что с утра о грустном? — просветлела Валентина

Сергеевна. — Вы, надеюсь, помните, какой сегодня день?

— Да помню, конечно, Покровские чтения, — сказал Владислав Петрович. Казалось, морщины на лбу барда слегка разгладились, а в юношеских глазах снова мелькнул задор. — Споёте нам что-нибудь? — с надеждой спросила Любимова. — Конечно, душа моя, — улыбнулся Шумихин. — Вот только гитару настрою…

— Ну, здравствуй, брат! — сказал Фёдор Васильевич Бобров, уважаемый даже в Москве поэт и общественный деятель. — Как вы тут?

— Шумим, Федя, шумим, — покивал головой Владислав Петрович, и литераторы обнялись. — Это кто с тобой?

— А, это мой внучок-неуч, Максимкой звать! — тепло улыбнулся Фёдор Васильевич, подталкивая внука вперёд.

— Для кого Максимка, а для кого Максим Валерьевич! — огрызнулся тот.

— Ба, какая птица к нам пожаловала! — рассмеялся Шумихин, критически оглядывая Максима. Тот, по безлюдненским меркам, выглядел странновато. Особенно барда удивили серьга в ухе и мелирование.

— Не, брат, такого тебя в тайгу пускать несподручно! Ты ж там всех медведей распугаешь! Поэты дружно захохотали. — Какого чёрта мне делать в тайге?! — прервал их веселье Максим, в свою очередь, разглядывая Шумихина. «До чего похож на Жириновского!» — мелькнула у него мысль.

— Как? — удивился бард. — Ты же русский? Русский должен любить и уважать мать, которая его вскормила и воспитала!

— У него другая мать, — подсказал старший Бобров.

— Правда? — хмыкнул Владислав Петрович. — С таким дедушкой — и другая мать? Странно…

После этих слов Шумихин, казалось, начисто утратил к Максиму интерес и принялся рассказывать Фёдору о том, сколько огурцов давеча выловил в местной речушке. Дедушка понимающе кивал, а Максим, не подозревавший, что «огурцами» местные рыбаки называют здешний вид корюшки, снетка, был

удивлён: оказывается, люди здесь живут настолько бедно, что не брезгуют отходами, выброшенными кем-то в реку.

Поставив машину на сигнализацию, по тёмному страшному подъезду, на стенах которого, впрочем, время от времени проглядывали фрески из Нупогодийных и Виннипушных сюжетов, поднялись на второй этаж. Там их встретил милый натюрморт из восковых яблок, любовно установленный на ящике для картошки, и несколько обшарпанных деревянных дверей. — Сюда, — со скрипом отворил дверь бард. — Да не разувайтесь, не майтесь ерундой! Дверь тоже можно не закрывать, брать у меня всё равно нечего.

— А кто это у вас так подъезд облагородить пытался? — спросил Фёдор Васильевич, склоняя голову на входе. Дверной проём был явно мал для него.

— Соседка, Любимова, — махнул рукой бард, роясь в книжном шкафу. — Только зря всё это, народ ведь не понимает… Да ты сам видел. Ага! Вот, нашёл, — он достал из огромного шкафа, до потолка набитого старыми томами поэзии и философии, тоненькую книжечку со стихами и протянул Максиму. — Почитай! «Владислав Шумихин. На распутье» — прочёл Максим. «Нафиг мне эта муть? У меня ещё Конституционное право РФ и Платон непрочитанные лежат», — подумал он, но книгу взял, буркнув что-то, отдалённо напоминающее «спасибопочитаем». Сборник начинался так:

Пропала Россия, пропала!
Раздали мы Русь по рублю…
Но, сын молотка и орала,
Всем сердцем её я люблю!

Далее на глаза Максиму попались строчки: «Доколе будет про- должаться сей душу мучащий разврат?!». А завершалась книжка на оптимистической ноте: «Пойдём-ка, выпьем, друг, с тобою: глядишь, нам легче станет жить!» Пока Максим перелистывал страницы, Шумихин с дедом расположились за столом.

— Беззубую книжку вы со товарищи, однако, издали, Фёдор Васильевич, — отметил бард, наливая поэту водки. — Всё про листики да про цветочки…

— Нет, брат, пить не буду, я за рулём, — усмехнулся дед, для аппетиту понюхав рюмку. — А на зубастую чиновнички денег не дают.

— Да, но ведь это же просто смешно! Особенно «Дождь» этого… как его? Ерохина!.. Ну, за встречу! — Шумихин опустошил свою рюмку не поморщившись, словно в ней была минералка, и продолжил: — «Дождь, дождь… Восемнадцать, тридцать четыре, семь… Капли падают. Дождь. Да». Как это в журналах болтуны называют? Постмодернизм?

— Каждому своё, Слава, — примирительно сказал Фёдор. — Ты тоже, помню, по молодости от Маяковского без ума был. — Так это когда было! Я тогда сопляк был почище вот этого твоего, — Шумихин кивнул на Максима, который в это время пытался узнать молодого человека с трубкой в зубах на фотографии. — Да и с цензурой в те годы было не так строго, как сейчас. Критиковать? Пожалуйста! Критикуй, сколько влезет! Хоть Америку, хоть Европу…

— А помнишь, как ты на управдома эпиграмму сочинил, когда тебе только квартиру дали? — хохотнул Бобров. — Как там было… Я ваш любимый управдом, в подъезде не терплю Содом…

— Ещё бы не помнить! Неделю потом воды во всём подъезде не было, — оскалился Владислав Петрович, наливая себе водки. — Сволочь был, мир его праху!

— De mortuis aut bene aut nihil[1], — назидательно произнёс поэт.

— Да знаю, знаю, — отмахнулся бард и глотком опустошил ещё рюмку. — За упокой, — пояснил он, глядя, как брови Фёдора Васильевича поползли вверх. — Вы уж извините, сегодня к завтраку ни карасей, ни яиц печёных нету — свет, гады, отклю-

[1] *О мёртвых или хорошо, или ничего (лат.).

чили, так что я вам даже чай не могу предложить. Трансформаторы, видите ли, у них там горят на подстанции! А то, что ко мне на Покровские чтения друг приехал, их не волнует!

— Ладно, ладно, не горячись! — успокоил коллегу Бобров.

— Это что за мужик? — сдался, наконец, Максим, глядя на фотографию.

— Как?! Дак то ж Есенин! — поперхнулся бард. — Мне осталась одна забава: пальцы в рот и весёлый свист! Прокатилась дурная слава, мол, похабник я… Не читал?

— Что-то слышал, — угрюмо ответил Максим.

— Что-то слышал! — передразнил Шумихин. — Чему вас в школе только учат? Эх, совсем не та молодёжь пошла…

— Чёрт, я, между прочим, в МГУ учусь, на юридическом! И мне там ваш Есенин нафиг не упал.

— О-о-о! — многозначительно закивал Владислав Петрович.

— Есенин, кстати, такой же бузотёр, как ты, был, — снисходительно улыбнулся дед внуку. — По кабакам шатался да по ба… то есть, по дамам.

— Зато какие стихи писал! — перебил его бард. — Вот, послушай: Не жалею, не зову, не плачу…

— Владислав Петрович, извините, ради Бога! К вам можно? — послышалось в коридоре.

— Конечно, душа моя, заходите! — чуть громче, чем надо, крикнул Шумихин. — Соседка пришла, — добавил он.

— Я тут вам оладышков на молоке испекла… — в комнату вошла седая женщина лет шестидесяти пяти в летнем бежевом костюмчике и белых шлёпанцах. В руках её было блюдо с дымящимся яством и сметаной. Максим с удивлением отметил про себя, что с появлением гостьи в квартире барда стало будто светлее. Увидев у Шумихина гостей, Любимова смутилась. — Ой, вы не один сегодня…

— Да ну что вы, какие оладьи! Не стоило так себя утруждать! — протестующее махнул одной рукой бард, другой выхватывая у женщины тарелку. — Вот, Фёдор Васильевич, познакомьтесь — Валентина Сергеевна, добрейшей души человек, заслу-

женный работник культуры, немного пишет стихи.

— Бросьте, Владислав Петрович, какие это стихи? — зарделась гостья, кивая импозантному седеющему льву. — Так, бумагомарание…

— Зря вы так, очень зря. Валентина Сергеевна, знакомьтесь — Фёдор Васильевич Бобров, главный наш поэт, наше всё, можно сказать! Очень рекомендую. А это его внук Максим… Валерьевич, — Шумихин хитро подмигнул парню.

— Очень приятно, — улыбнулась Любимова. Большие ясные глаза с паутинками морщин вокруг смотрели с таким теплом, что внук поэта Боброва проникся к ней симпатией. — Я столько о вас слышала… Да вы угощайтесь, ешьте на здоровье…

— Как же вы, Валентина Сергеевна, такую красоту без света-то приготовили? — уплетая оладьи, спросил Шумихин.

— Так я на плитке… газовой… — ещё больше смущаясь, ответила соседка. — Я уже и забыла, когда в последний раз на электричестве что-то пекла. Максим и Фёдор Васильевич тоже из вежливости съели по оладышку. Тесто оказалось на удивление мягким и сладким. «Да, это не та солёная бодяга, которую готовят девчонки в общаге», — подумал Максим.

— Мда, вкуснотища, пальчики оближешь! — похвалил бард. Поэт Бобров согласно закивал, по-гусарски вытирая усы-щёточки. — Жаль, у меня к вашим оладьям ничего нет: ни чаю, ни молока. Только вот эта, проклятая… — он кивнул на бутылку.

— Какие пустяки! У меня дома и компотик грушевый, и наливочка вишнёвая, — засуетилась соседка. — Сейчас принесу, я быстро…

— Спасибо, — отказался Фёдор Васильевич, посмотрев на часы. — Нам пора. Мероприятие скоро начнётся.

— И правда, — Шумихин хлопнул себя по коленям и встал. — Хватит лясы точить! Где-то тут была моя гитара…

Носорог на колёсах с четырьмя пассажирами на борту — дедом и внуком Бобровыми, бардом Шумихиным и его соседкой Любимовой — на средней скорости катил по коматозным улоч-

кам Безлюдного. Среди недоразвалившихся деревянных домишек, пивных ларьков и многочисленных аптек, где торговали в основном корвалолом, настойкой боярышника и презервативами, несколько раз попадались монументальные девятиэтажки, такие же нелепые здесь, какими были бы, если бы стояли посреди пустыни Гоби. Проехали мимо одинокого памятника неизвестному солдату. «Тут впору ставить памятник местным обитателям — за проживание в экстремальных условиях», — подумалось Максиму, уткнувшемуся лбом в боковое стекло. Минуты через три мимо проплыл небольшой футбольный стадион, огороженный зелёной решёткой. На поле смуглый мальчишка чеканил мяч босыми ногами. «А это, видимо, сборная Безлюдного по футболу в полном составе», — ухмыльнулся Максим.

— Чем у вас тут прогрессивная молодёжь занимается? — спросил он.

— Чем занимается? Уезжает, — ответил бард, расположившийся на переднем сидении. — И не только молодёжь. До тысячи человек в год съезжает. Газету открываешь, а там целая тьма объявлений: «Срочно продам квартиру в центре города. Недорого!» Да только никто не покупает.

Повисло молчание. Не город, а выжатый лимон, из которого к тому же ещё продолжают тянуть соки! — думал Максим. — Планета с исчерпанными недрами. Сильные преодолевают слабое притяжение, летят в своих ракетах к другим, полным жизни мирам, а те, у кого кишка тонка, остаются здесь вращаться на орбите мёртвым балластом. Как всё прямолинейно в нашей стране! Из своих тараканьих чуланов — в районный или областной центр, оттуда — в Нерезиновую, а потом — за бугор. А ещё хотят нанотехнологии продвигать! Чёрт, вы сначала придумайте, как пацанов на родине удержать!

— И чего вам, молодым, надо? — спросил Шумихин, в мыслях находясь где-то далеко. Это был риторический вопрос, но Максим, подумав, ответил:

— Денег нам надо, власти, самореализации. Чего ещё может хотеть человек созданного вами общества? Ну, разве что торже-

ства гуманистических идеалов на закуску, — добавил он язвительно. Фёдор Васильевич напрягся, готовясь утихомиривать вспыльчивого барда. Но тот не взрывался.

— Самореализации, говоришь… Скажи, Максим, — задумчиво произнёс Шумихин, когда машина остановилась у единственного на весь город работающего светофора, — цель оправдывает средства?

— Что вы имеете в виду?

— Если бы тебе ради славы, богатства и всякой прочей самореализации пришлось переступить через собственные принципы, ты бы пошёл на это?

— Думаю, что да, — после некоторой паузы ответил Максим. — Принципы — это воздух.

— Вот поэтому у меня в квартире каждую неделю нет света!

В воздухе повис молчаливый вопрос.

— Причём здесь свет, Владислав Петрович? — робко спросила Любимова. — Да потому, что каждый божий день сотни вот таких вот… — вспылил, наконец, Шумихин и, не найдя подходящего приличного слова, махнул рукой. — Таких вот… переступают через собственные принципы. Каждый день!

— Владислав… — примирительно пробасил поэт Бобров.

— Что Владислав?! Ну что? Скажи мне! Принципы — они как девственность — одни и на всю жизнь!

— Владислав…

— Да-да, именно так! Раз перешагнул, оглянулся — а сзади уже и нет ничего! Пропали! Думаешь, какого хрена у меня света нет? Трансформаторы там у них от жары горят? Во! — Шумихин показал фигу. — Электрики вовремя не починили, профилактический ремонт не сделали. Халатность? Отнюдь, просто нет принципа работать добросовестно.

— Или денег, — вставил Максим. — Нет денег? А как же бюджеты? Кто-то же их распределяет. Кто-то же рулит кормушкой! Почему не прислали денег? Просто хозяину кормушки понравилась новая машина. Или дачу захотелось построить… Всё вокруг — дело принципа.

— Всюду вы видите произвол чиновников… — поморщился студент Бобров. — А не думали над тем, что существуют э-э… объективные экономические причины, по которым сейчас нет никакой возможности выделить средства из бюджета и провести э-э… профилактический ремонт?

— Е-РУН-ДА! Еда, вода и тёплое жилище — первейшие потребности человека, поэтому обеспечение народа электроэнергией, водой и продовольствием для чинуш всегда было во главе угла. Если чиновнички не могут обеспечить даже этого, а ну брысь от штурвала, дайте честным людям порулить!

— Честным? — прыснул от смеха Максим. — Такие ещё остались?

— Остались, сопляк, да ещё как! Как минимум троих ты сегодня уже видел! Рассказать тебе историю? Слушай…

И Шумихин принялся вспоминать.

Родился и вырос я в простой рабочей семье в небольшом посёлке, ну, ты знаешь, в таком, какие вокруг предприятий возникают. У нас вот деревообрабатывающий завод был — его сейчас разворовали, а когда-то был ого-го! Окончил я школу, уехал в город… Тоже как ты был: амбиций куча, а мозгов — шиш! Поступил тогда на слесаря по металлу в ПТУ — у меня ж батя тоже слесарь был. Проучился полгода и понял: не моё это — у станка всю жизнь стоять. Самореализации, как ты говоришь, захотелось. Взял и поступил в педагогический — на отделение русского языка и литературы. Стихи писать начал… Их в то время только ленивый не писал. У меня ещё друг был, Сашка, отличнейший парень, сейчас таких уже не делают. Ну, тебе дед про него как-нибудь расскажет, если интересно будет. Так вот у этого Сашки была большущая коллекция пластинок и записей магнитофонных: Высоцкий, Окуджава, Визбор, Галич, Шарль Азнавур… Мы с ребятами у него собирались и слушали, слушали… Целыми днями могли слушать! Тут во мне что-то такое щёлкнуло, подумал: вот оно, моё! И решил стать бардом. Долго откладывал со стипендии деньги, в газете местной подрабатывал корреспон-

дентом — писал фельетоны, стихи, рассказики там всякие, что-то от родителей перепадало. Купил я себе гитару и шляпу с полями: сейчас такие все подряд носят, а тогда это был шик. Отрастил усы, выучился сносно играть, ну и начал выступать на вечерах, встречах любителей бардовской песни, даже в филармонии, было дело. Сначала надо мной друзья посмеивались: ишь, бард выискался! Но со временем, когда слог окреп и рифма заострилась, зауважали. Даже мэтры коситься стали удивлённо.

Курсе на четвёртом встретил я Зину. Не знаю, что ей так во мне понравилось. Я весь какой-то нестриженый, нескладный был, с усами, а она стройная, умная, а глаза какие! Боже, что за глаза!!! Я как увидел, голову потерял… В общем, через две недели расписались, сняли комнату. Через год у нас родился сын Алёша, а я окончил институт с красным дипломом. Дали нам комнату в коммуналке. Слева жила тихая старушка, милая такая женщина, только у неё пару раз в месяц случались такие периоды… Она начинала кричать по ночам и как-то очень странно себя вести, и все считали за благо держаться от неё подальше. Справа — токарь-алкоголик, который время от времени приводил в гости разных подозрительных типов, от которых за версту несло перегаром и мочой. Не лучшее соседство для кормящей матери и годовалого ребёнка. Сам понимаешь, туалет и ванная общие, зарплата небольшая… И тут мне позвонили: приходите, мол, туда-то и туда-то на очень важный разговор. Мне голос сразу не понравился. Добрые люди таким голосом встречи не назначают. Но делать нечего, пришёл я, куда сказано было, кабинет нужный нашёл, там меня уже ждал мужчина в сером костюме.

— Здравствуйте, Владислав Петрович, — говорит.

— С кем имею честь? — насторожился я.

— Я представляю Комитет государственной безопасности, — отвечает и корочку, не раскрывая, показывает. — Нам очень нужна ваша помощь…

Я едва чувств не лишился. А тот человек мне спокойненько так объяснил, что я, как представитель творческой интеллигенции, в некоторой степени диссидент (волосы длинные отрас-

тил — уже диссидент!), так как имею знакомство с неким Константином Попрыкиным, человеком, ведущим через своё творчество антисоветскую пропаганду.

— У нас есть оперативная информация об этом человеке, — говорит. — Достаточная, чтобы оградить общество от его дурного влияния лет на десять. Недостаёт лишь показаний прямых свидетелей его преступной деятельности.

— И что вы от меня хотите? — спрашиваю. Собственно, уже понятно было, зачем вызвали, но я тогда дурачка включил.

— Мы предлагаем вам сотрудничать с органами. Несколько абзацев свидетельских показаний, записанных с ваших слов, ваша подпись…

— С какой это стати я должен предавать своего друга? — спрашиваю, а самого возмущение так и душит. А человек в сером, змея, мне таким елейным голоском говорит:

— Ну какой он вам друг, Владислав Петрович? Он же ваш главный конкурент. Его чаще приглашают на концерты, охотнее печатают, его стихи более востребованы обществом, и это нас немного огорчает. Если он получит по заслугам, ваша карьера мигом пойдёт в гору…

Ну я ему так сразу:

— Уважаемый, вы Пушкина читали? Гений и злодейство — две вещи несовместные. Я, конечно, гением себя не считаю, но и Сальери становиться не хочу! — Тут у меня аж дыхание перехватило: так разговаривать с сотрудником КГБ!..

— Не подумайте, что мы просим пойти на такой шаг совершенно бескорыстно. К вашему сведению, совсем недавно началось распределение двух- и трёхкомнатных квартир в новых многоэтажных домах в центре города. Помогите нам, и хоть завтра можете въезжать туда с семьёй.

— Я вполне доволен своей квартирой!

— Ну зачем так грубо и безыскусно обманывать НАС? — морщится. — Нам прекрасно известно и о ваших соседях, и об условиях, в которых проживаете. Владислав, одумайтесь! Вашей молодой жене и маленькому сыну не место рядом с пьяницами

и душевнобольными!

Я похолодел. Всё знают, гады! Всё пронюхали! Может, у меня и телефон прослушивается? Да почти наверняка! А искуситель не умолкает:

— Конечно, такое решение непросто принять вот так сразу. Мы предлагаем подумать денёк-другой, а потом продолжим разговор.

— Да-да, мне надо подумать, — пробормотал я тогда и ушёл, забыв закрыть за собой дверь. Отлично помню свои ощущения. По пути домой мне казалось, что на меня всё время кто-то смотрит. Вот эта старушка с авоськой — не тайный ли она агент с подслушивающим устройством, запечённым в батон? Или вон тот солидный мужчина в очках? Или та девушка? На каждой крыше, наверняка, расставили по снайперу, чтобы «вести» меня до самых дверей подъезда. А как только я ушёл на встречу, к Зине постучался «электрик» и под видом ремонтных работ установил по всей квартире жучки... В квартиру я почти вбежал, весь мокрый.

— Что случилось, Слава? — спросила жена. Я молча взял её за руку, отвёл в ванную. Там включил воду, чтобы не услышал даже вездесущий КГБ, и рассказал, как Мефистофель предлагал мне продать душу. У неё сразу глаза так загорелись нехорошо... Навсегда запомнил эти глаза. Эти прекрасные глаза, которые я любил без памяти, как они изменились! Это были змеиные глаза в тот момент!

— Славочка, милый, соглашайся! — сказала она умоляющим шёпотом. Меня словно током ударило, я отшатнулся. В тот момент я понял, что жить с этой женщиной, растить с ней одного ребёнка вряд ли смогу...

Шумихин надолго замолчал. Ни поэт Бобров, ни Валентина Сергеевна не решались нарушить его молчания.

— И что же было дальше? — не выдержал Максим.

— Дальше? — Шумихин словно вышел из транса. — Дальше всё просто. Я пришёл в ту пропахшую серой контору и сказал тому чёрту в лицо: «Я совестью не торгую!» Потом громко хлоп-

нул дверью. Вышел на улицу, вдохнул полной грудью… И почувствовал себя почти счастливым.

— А проблем с КГБ у вас потом не было? — спросил младший Бобров.

— Проблемы были… — покивал горько Владислав Петрович. — Но это не важно. Главное, что я всегда жил по совести. Это намного важнее… самореализации, — бард обернулся и встретился взглядом с Максимом. Дышать под прицелом этих голубых глаз было немыслимо, и студент поспешно отвернулся к окну…

Последние два года Валентине Сергеевне было трудно много ходить — болели ноги. По квартире или по двору вокруг дома здоровье ещё позволяло пройтись, а вот отойти подальше — так хоть ложись и помирай. Пришлось оставить подвижную работу библиотекаря. С этого времени она почти нигде не бывала и целые месяцы проводила в крохотной, увешанной коврами квартирке, получая скромную пенсию и смотря по телевизору «Жди меня», «Модный приговор» и сериалы про любовь. Иногда спускалась во двор посидеть на лавочке с другими бабушками, такими же одинокими. Но чаще сидела на балконе или в гостиной в кресле-качалке (если на улице было холодно) и писала стихи. Продукты ей покупала медсестра, жившая этажом выше, а когда та была очень занята, это делал энергичный Владислав Петрович. Покровские чтения — день памяти поэта Иосифа Покровского — были для Валентины Сергеевны, как и для многих безлюдненских литераторов, одной из немногих возможностей встретиться, почитать и послушать стихи и прикоснуться душою к иному, существующему параллельно, миру. Миру, в котором нет валоризаций, квитанций за оплату услуг ЖКХ, бесконечных очередей в поликлиниках, кусающихся цен и хамоватых продавщиц. В мире, где были верные друзья, возвышенная любовь, сильный и коварный враг и светлая, прекрасная цель впереди. Валентине Сергеевне всегда хотелось жить в этом мире, но даже когда на неё находило вдохновение и она писала стихи, желанный мир почему-то ускользал. Оставалась только пустая синяя комната,

в которой, пусть даже пройдёт сто лет, не изменится ничего.

Родной Дом культуры, в котором прошло почти двадцать лет жизни, слегка оживший после ремонта, встретил с распростёртыми объятиями. В каждой его комнате кипела жизнь: тут женщины нарезали колбасу для бутербродов, там мужчины подписывали друг другу сборники стихов и рассказов, кто-то томно вздыхал у окна, повторяя что-то из лирики Покровского, а кто-то просто слонялся из угла в угол. Стены были украшены детскими рисунками на тему войны, семьи и природы. Под особенно удавшимися работами малышей были прикреплены таблички с надписями «Фотосъёмка — 30 рублей». Атмосфера была праздничная.

— Валентина Сергеевна, свет мой! Как я рада вас видеть! — воскликнула одна подруга, кстати говоря, ни разу не навестившая Любимову с самого начала её болезни.

— Душенька моя! Как замечательно, что вы смогли выбраться к нам! — вторила ей другая, которая всё же забегала несколько раз в гости минут на десять, обычно забирая с собой тарелочку оладий или хрустящего печенья.

— Спасибо, спасибо, родные мои! — со слезами на глазах отвечала Валентина Сергеевна, обнимая и целуя каждого, кто встречался на пути. На заднем дворе Дома культуры в окружении цветущего сада, где на огромной глыбе дикого камня блестела мемориальная доска в честь Иосифа Покровского, под кронами деревьев в тени соорудили что-то наподобие сцены, перед которой и расселись литераторы. Большей частью это были люди пожилого возраста, пенсионеры, многие из которых писать начали, лишь уйдя на заслуженный отдых. Было тут несколько деловых мужчин — издателей и редакторов «оппозиционных» газет, радеющих за возрождение духовных ценностей в России, — с ними старались завести знакомство, разговориться, чтобы в ходе беседы всучить свои рукописи. Из молодёжи, кроме Боброва-младшего, не было видно никого — разве что две школьницы, участвовавшие в программе, переминались с ноги на ногу в сторонке. На них то и дело кидала суровые взгляды их классная руководительница — девочки эти, собственно, составляли весь

её классный коллектив, поэтому женщина считала своим долгом дать им надлежащее культурное образование. Шумихин, Фёдор Бобров и Валентина Сергеевна расположились в первом ряду, Максим ушёл на последний, где достал телефон и начал со скуки играть в тетрис. Под торжественный туш две восторженные десятиклассницы открыли мероприятие, потом зам главы управления образования вручил Дому культуры очередную грамоту с пометкой «За стойкость», и все вместе, обнявшись, под заунывные звуки гармони спели песню на стихи Покровского «Я вернулся! Вот мы и снова вместе…» Слово взяла энергичная женщина в деловом костюме, директор Дома культуры:

— Здравствуйте! Здравствуйте! Позвольте поздравить всех с этим особым для нас праздником! Спасибо всем, что пришли! Теперь мне хотелось бы перейти к ещё одной торжественной части нашего мероприятия — вручению литературной премии имени Иосифа Покровского за особые заслуги в области литературы и культуры. Она уже стала доброй традицией нашего Дома культуры, а традиции в этом году мы нарушать не собираемся!

Все бурно зааплодировали.

— Итак, сегодня у нас два лауреата, — улыбнулась директриса, нагнетая обстановку. — Почту за честь вручить премию имени Иосифа Покровского… (барабанная дробь) Михаилу Бабушкину — за нестандартный подход к творчеству и неисчерпаемость идей!

Все захлопали, но чуть слабее. С предпоследнего ряда встал и, быстро обогнув кусты сирени, приблизился к директрисе очень сутулый мужчина с выдающим заядлого курильщика землистым цветом лица и блестящими на солнце железными зубами.

— Для меня это больфая чефть, — сказал он, шепелявя. — Фпафибо вам, мои дорогие друвья! Мне хотелофь бы професть одно из моих пофледних фтихотворений. Оно навывается «Эклектика». — Встав в трагическую позу, подняв руку над головой, мужчина заговорил сильным голосом. На лицах слушателей появились улыбки — очень уж забавно было слышать, как вместо «с» и «ч» он произносит «ф», а вместо «ж» — «в». Максим, хотя

и с трудом, всё же расшифровал «закодированный» текст:

О, пифия! Не молчи же! Внемли гласу склонившегося
перед волей богов!
Что сей день Аполлону угодно?
Я служил Ему верой и правдой, но муза к пииту
нейдёт,
Как ни звал её, стоя на скале,
Что довлеет над пучиной морскою!

И в спектре лучей Селены молвила пифия,
Прекрасная, как обнажённая нимфа в сумраке рощи:

О, смертный, страшись, ты прогневал богов,
Сам Зевес уж тобой недоволен!
С громовержцем сравниться в мечтах ты готов,
И поэтому лик его чёрен!
Сотворять жизнь дозволено только богам,
Не под силу сё смертному мужу!
Брось же лиру, поэт, измени же стихам,
И тогда ты прощён будешь тут же!

С силой тока в миллионы ампер пронзил сердце
поэта
Разряд разочарования:

О, нет! Только не это! Я ни за что не отрекусь
от своего творчества!
Лучше смерть, чем жить в жестоком мире,
Где нет ни капли поэзии! Прощайте!

И безумец, влюблённый в искусство,
В последний раз взмахнув невидимыми крыльями,

Ринулся с высокого обрыва в равнодушное море
головой вниз.
Пучина поглотила его, и только ветер,
Самый свободный из всех,
Играл с волнами на фоне заходящего солнца.

Секунд на десять повисла трагическая пауза, и тишину разорвали неистовые овации, вперемешку с криками «Браво!» У многих на глазах были слёзы. Максим на заднем ряду тяжело вздохнул.

— Какие прекрасные стихи! — аплодируя, сказала Валентина Сергеевна поэту Боброву. — Этот человек — настоящий гений! — Фёдор Васильевич молча кивал, бард Шумихин только жевал губу и пожимал плечами.

— Спасибо, Михаил, спасибо! Вы, как всегда, неподражаемы! — говорила счастливая директриса, с довольным оскалом протягивая ослеплённому успехом мужчине грамоту и конверт. — Пожалуйста, присаживайтесь! Ну а кто же у нас стал вторым лауреатом? Это мы сейчас и узнаем… — директриса посмотрела в сценарий. Левая бровь её слегка приподнялась, но женщина быстро нашла слова. — С прискорбием должна сообщить, что о неоценимом вкладе в культуру нашего города, о тяжком труде этого человека мы как-то забыли. Он в течение двадцати лет писал, организовывал, издавал, выступал вместе с нами и только недавно по болезни выбыл из обоймы Дома культуры. Это… Валентина Сергеевна Любимова! Она сегодня здесь, с нами. Давайте поздравим её! Валентина Сергеевна, выходите сюда, на сцену!

Любимова сначала даже не поняла, что это ей присудили премию. Она сама в течение стольких лет помогала администрации города решать, кому следует вручить заветный конвертик с деньгами, а кто может и подождать… Что лауреатом станет она сама, Валентина Сергеевна даже не мечтала. Только когда Фёдор Васильевич встал и галантно протянул ей руку, приглашая выйти вперёд, до женщины, наконец, дошло. Счастье свалилось неожи-

данно, как лавина.

— Мне? Да что вы… да что же это? Мне… — слезы катились из глаз, воздуха не хватало, лауреатка могла только тяжело вздыхать.

— Валентина Сергеевна! Спасибо вам большое, за то что вы делали для нашего Дома культуры и для города в целом, — с кислой улыбкой говорила директриса, легонько потрясая морщинистую руку женщины. — Пусть эта премия станет скромной наградой за ваш нелёгкий многолетний труд…

Валентина Сергеевна хорошо слышала поздравления и тёплые слова в свой адрес, но плохо понимала их смысл. Сердце гулко и аритмично билось в груди, а щёки горели, словно конфорки на газовой плите.

— Спасибо… Спасибо, родные… — бормотала она смущённо. Все аплодировали, некоторые даже стоя.

— Пожалуйста, присаживайтесь, дорогая! Пожалуйста! — вручив Любимовой конверт с пятью тысячами рублей, сказала директриса и, взяв женщину за руку, легонько поволокла к рядам стульев.

— А стихи? — возмущённо крикнул Шумихин. — Как же без стихов-то?

— Да, прочитайте что-нибудь, — поддержали барда поэты. Одарив Любимову тяжёлым взглядом, директриса нехотя согласилась.

— Ну, хорошо, хорошо. Валентина Сергеевна, не могли бы вы прочитать нам что-нибудь из последнего?

— Извините, я так волнуюсь… — проговорила женщина, собираясь с мыслями. — Я прочту… Сейчас…

И она заговорила тихим, срывающимся голосом. Максим, отвлекшись от тетриса, с последнего ряда старался разобрать хоть слово, но у него ничего не получалось. Он слышал только тон её речи — очень мягкий и при этом взволнованный. Рядом с ним сидели две пожилые женщины, которые тоже не слышали слов.

— Ну, давай, старая ты корова, садись уже! — процедила

одна недовольно. — Представляешь, — громко прошептала она сосед- ке, — я уже столько пашу в этом чёртовом Доме культуры, так что и присесть некогда, а премию всё равно ей отдали!

— Но ведь она тоже поработала на славу, она заслужила! — покачала головой другая женщина.

— Тогда почему она сейчас там, где она сейчас?

— Спроси об этом Клаву…

— Директрису что ли?

— Да. Только тише, об этом не принято говорить вслух. — И две женщины зашептались тише. Валентина Сергеевна тем временем читала последние строки.

В этот момент мимо Дома культуры проехала мусороуборочная машина, и слова стихотворения потонули в грозном рёве мотора. Максим не видел и не слышал всего этого, он вдруг представил двух молодых женщин, встретившихся на улице…

— Валюша, здравствуй, радость моя! — широко улыбнулась Клавдия Григорьевна Плиткина, или просто Клава. Она тогда ещё не была директором Дома культуры…

— Привет, душенька, — сказала Валя Любимова, и подруги обнялись. — Ты звала меня?

— Да. Меня тут вызывал к себе Виктор Степанович. В общем, Валя, он мне сказал, что хочет дать дорогу молодым.

— В каком смысле?

— Ну, кто тут у нас молодой, соображай, — начала весело подмигивать Клава.

— Он что, уходить собрался? — глаза Вали испуганно округлились.

— Видимо, так, — кивнула Плиткина охотно. — И оставить Дом культуры на нас с тобой, представляешь?

— Как же мы без Виктора Степановича?!

— Ничего, справимся как-нибудь. Но это не главное, — отрезала Клава. — Степаныч сказал, что перед уходом хочет напоследок реализовать какой-нибудь культурно-массовый план, мероприятие… Ну, в общем, сама понимаешь. И он доверил это нам.

Чувствуешь, куда ветер-то дует?

— Не совсем… — смутилась Любимова. — А мероприятие — это здорово! Давно пора в нашем городе поднять уровень культурного самосознания. Моему девятому «Б», кроме как по улицам слоняться, совсем нечего делать после уроков.

— Валька, бросала бы ты эту свою школу! От неё столько мороки… — нахмурилась Плиткина.

— Ну что ты, Клав, как же они без меня? Я ведь их люблю… — расстроилась Валя.

— Больно нужна им твоя любовь, — хмыкнула подруга. — Разъедутся кто куда, потом даже открытки не пришлют. Между прочим, профессия учителя — одна из самых вредных. От неё одно расстройство нервной системы, боли сердца и срыв голосовых связок!

— Ну не знаю, я на своих детей никогда не кричу — они меня слушаются.

— Это пока. Посмотрим, что будет в десятом классе. Ой, Валька, шла бы ты лучше в библиотеку работать. Наша страна — самая читающая в мире, так что без работы не останешься!

— Я подумаю, — сказала Валя, глядя в одну точку. — А с планом-то что?

— Да вот не знаю, — протянула Клава, кусая ногти на левой руке.

— Давай вместе сядем и подумаем, что можно сделать.

— Нет, так долго будет, давай лучше ты сама подумаешь, и я сама, а завтра встретимся в обед в столовой и посмотрим, чьи идеи лучше.

— Ну, давай, — пожала плечами Любимова. — Если тебе так больше нравится…

Весь вечер Валя не могла проверять тетради: в голову лезли разные мысли по поводу предстоящего мероприятия. Каким оно должно быть — просветительским или развлекательным? Для детей или для взрослых? Прославлять светлые идеалы коммунистического строя или клеймить мещанский, обывательский образ жизни? Молодая женщина рисовала, вырезала, клеила и сочи-

няла, сочиняла, сочиняла… Закончив работу глубоко за полночь, Валя легла спать, чтобы, проспав всего несколько часов, встать и снова приняться за дело.

— Ну как успехи у передовиков культурного фронта? — спросила Клава, когда они с подругой уселись за стол. — Есть идеи?

— Да, я тут кое-что набросала, — скромно сказала Любимова. — Что если нам устроить вечер художественной самодеятельности «Пятнадцать республик, пятнадцать сестёр»?

— Что-то национальное, что ли?

— Да, — кивнула Валя. — В нашем городе много украинцев, есть белорусы, грузины, армяне, эвенки, нанайцы. Мы вполне можем отыскать среди них умельцев красиво петь, танцевать или играть на национальных инструментах.

— А костюмы?

— А костюмы сошьём, или же, если повезёт, участники раздобудут.

— Валька, ты умище! — улыбнулась подруга. — Так и сделаем.

— Погоди, так ведь мы ещё твои мысли не выслушали.

— Ой, я тебя умоляю! Какие мысли? — отмахнулась Клава, запивая солянку компотом. — Я вчера как в девять вечера домой пришла, так сразу и отключилась. Ну-с, с чего начнём?..

И работа закипела. С восьми до шести Валя учила детей в школе, потом тратила два часа на проверку тетрадей и приготовление к занятиям, после чего у неё оставалось целых четыре часа до полуночи, которые она могла посвятить подготовке к мероприятию. Любимова сама шила костюмы украинской панночки, гордой черкешенки и русской крепостной, сама писала сценарий, подбирала ведущих и актёров. В городе она познакомилась с бурятом Василием, дед которого был настоящим шаманом и научил внука основам искусства общения с духами. Дома у Василия обнаружились и шуба из оленьей шкуры, и даже ритуальный бубен, с которым внук шамана согласился выступить. Валя съездила в областную филармонию и пригласила для участия в будущем концерте квартет балалаечников, а в реквизите театра на время взяла лапти, бусы и некоторые головные уборы.

Наконец всё было готово. Концерт прошёл с огромным успехом. За несколько показов представление успел посмотреть практически весь город. Из областного центра приезжал корреспондент с ФЭДом, много фотографировал, после чего в «Правде» вышла большая заметка о буйном расцвете культуры в провинциальных городах Страны Советов. Но так как с журналистом общалась Клавдия Плиткина, хвалили в прессе в основном её, а об участии Валентины Любимовой там не было ни слова. И когда две подруги сидели в кабинете Виктора Степановича, Клава не давала подруге раскрыть рта:

— Что вы, Виктор Степанович! — говорила Плиткина. — Как я умаялась с этими костюмами, это какой-то кошмар! Один бубен эвенкийский чего стоило достать! А балалаечники? Да вы знаете, Виктор Степанович, как сейчас трудно в области найти хорошего балалаечника? Сейчас же этих… бардов развелось, как собак нерезаных, сейчас ведь три аккорда выучил на гитаре, и всё, ты уже артист, а балалайка — очень тонкий инструмент, он серьёзного подхода требует!

Виктор Степанович понимающе кивал и важно поглаживал небритый подбородок.

— А вы чем занимались, пока Клавдия Григорьевна работала? — спрашивал он Валю.

— А я… — начала Любимова, но подруга не дала сказать.

— Валентина — толковый сотрудник, она помогала мне в проведении мероприятия. Ой, Виктор Степанович, я же вам ещё про украинский танец не рассказала! Это что-то с чем-то…

А Валя, вся красная от стыда, сидела и не могла вымолвить ни слова.

— Какой же вы всё-таки молодец, товарищ Плиткина, — сказал, наконец, Виктор Степанович. — Вот на таких, как вы, земля держится! Побольше бы нашей стране таких вот Плиткиных, мы бы коммунизм… за пятилетку построили!

— Ой, да ну что вы, Виктор Степанович, я так… Я не гордая…

— Будьте уверены, что там, — седой директор указал пальцем куда-то вверх, — позаботятся, чтобы ваши заслуги не остались

без внимания.

— Спасибо, Виктор Степанович, спасибо! — кивала счастливая Плиткина. — Я ведь для людей старалась, всё для них, всё для них! Спасибо! Спасибо…

Максим отвлёкся от размышлений. Что, если всё так и было? Или почти так? Чувство подсказывало Максиму: он недалёк от истины. Валентина Сергеевна вернулась на своё место, и теперь на сцене выступал поэт Фёдор Бобров.

— Мы все люди прошлого, друзья мои, — говорил он. — Большая часть из нас. Нам не дано нагнать время, не говоря уж о том, чтобы перегнать его. Поэтому мы живём прошлым, цепляемся за него, ведь прошлое для нас с вами — это настоящее. Мир стремительно меняется, и порой непонятно, нужно ли, чтобы он менялся. Как и во времена Грибоедова, современные Чацкие верят: «Чем старее, тем хуже», видят соломинку в глазах стариков и не замечают в своих бревна… Бог им судья, друзья мои, они рабы сомнений и страстей. Но мне, как поэту, всегда интересна чужая душа и то, что за ней. С собой к вам я привёз не только свои новые книжки и стихи, я привёз своего внука… Даже не представляете, чего мне стоило его уговорить. Максим! — Бобров-младший вздрогнул. — Иди сюда, покажись! Да иди, не бойся ты!

Почти все обернулись и посмотрели туда, куда указывал рукой Фёдор Васильевич. Максиму сделалось очень неуютно под этими пристальными взглядами.

— Ну, давай, парень! Тебя что, до вечера ждать? — не выдержал Шумихин. Максим со вздохом поднялся и вышел на сцену.

— Вот Максим, мой внук, — представил поэт Бобров. — Учится в Москве на юриста. Он скажет нам сейчас пару слов.

— Что сказать? — не понял студент.

— Всё, что хочешь. Всё, что на душе. Максим буквально кожей почувствовал, как его с ног до головы ощупывают десятки пар интеллигентных глаз. Смотрел дедушка, смотрели бард и его соседка Любимова, смотрели директриса и лауреат Бабушкин,

смотрели все остальные. Рассматривали его, как разглядывают в зоопарке неведомую зверушку, диковинку, и ждали, когда же она пошевелится или выкинет что-нибудь эдакое. Разглядывали его серебряную серьгу в ухе, его кожаный ремень с огромной пряжкой, его японские часы с ворохом разных функций, его блестящие лакированные туфли. Всё это было для них потусторонним и чужим.

Максим раздражённо глядел провинциальным литераторам в лица, глядел глазами всего своего поколения. «Старики и старухи, пописывающие от нечего делать стихи… Неудачники… Осколки прошлого. Реликты. Угольки затухшего костра культуры. Ходячий антиквариат… Что общего может быть у нас с вами?» — проноси- лось у него в голове. — «Всё перевернулось с ног на голову под луной, вы отмираете, мы карабкаемся на пьедестал. Вы не хотите видеть нас, потому не признаёте никакого другого мира, кроме вашего. Раньше небо было чище, трава зеленее… Вы свято верите в это и на подобных праздниках воскрешаете духов прошлого. Они, как респираторные маски, дарят вам по глотку живительного воздуха, но в конце концов не спасут от удушья… Удушье придёт, ведь вы не любите друг друга, вы лицемерите и лжёте, вы завидуете успехам других».

Вдруг глаза Максима встретились с глазами Валентины Сергеевны. Она не разглядывала его оценивающе, но просто спокойно ждала, что же он скажет. Тёплые очи её чуть блестели от слёз — расчувствовалась после выступления. Максиму снова почудилось ровное свечение, исходящее от пожилой женщины, и, замерев, он не смог отвести взгляда. Его внезапно пронзило: а может быть, всё не так, как он только что думал, может быть, всё иначе? Максиму вдруг стало не по себе. — Я… Мне… Мне нечего сказать вам, — сказал он, быстрым шагом покинул сцену и, не оборачиваясь и не отзываясь на крики, скрылся в саду.

Там было тихо, только со стороны сцены доносились звуки гитары, но и они быстро смолкли, стоило отойти вглубь. Нагретый солнцем ветер чуть колыхал листву берёз и лип, приятно пахло скошенной травой и немного сиренью. Проходя между заросля-

ми малины и кустами смородины, Максим думал: «А ведь ещё немного, и я сказал бы всё это им в лицо… Праздник был бы испорчен… Разве они заслужили этого? Пускай они не блистают талантом, пусть наивны и верят в сказки, но они сумели достойно прожить непростую жизнь и не растерять этой веры, этой детской чистоты, в наше циничное время сохранили потребность в прекрасном… Спрашивал ли я себя, что им довелось испытать в прошлом, как им живётся сейчас, что они чувствуют? Думал ли, почему они так рады всем этим встречам, этим торжественным словам, этим восторженным стихам? Нет. Так кто же дал мне право так жестоко судить их? Страдая от одиночества, старости, болезней, а иногда и беспросветной бедности, от того, что идеалы их прежней жизни безжалостно высмеиваются с экранов телевизоров, они находят силы радоваться каждому прожитому дню, надеются, что справедливость и правда рано или поздно восторжествуют. А главное, пытаются, как могут, украсить и одухотворить жизнь своего убогого провинциального городка. И тем самым спасают свои души. А что сделал я? Всегда жил по чьей-то указке… Никогда ничего не решал. Всё, что у меня есть, мне дали родители. И в МГУ я поступил благодаря связям отца… Странно! Я сейчас не могу припомнить, чтобы хоть на мгновение сделал кого-нибудь счастливым. Во мне, сколько себя помню, был этот вирус надменности и бахвальства. Я с удовольствием указывал людям на их недостатки и причинял тем самым боль… Взять хотя бы Лидию Николаевну — она преподавала у нас литературу в девятом классе, молодая и неопытная. Она была влюблена в свой предмет, могла цитировать „Онегина“ с любой страницы… Но у неё был изъян: она заикалась. Сильно. Никто не обращал на это внимания, лишь я решил повыделываться перед одноклассницей: показать, какой я весёлый и артистичный: нацепил очки Лидии Николаевны, когда та вышла за журналом, и на весь класс стал обезьянничать: „Я-я-я к в-вам п-пишу — ч-чего же бо-бо-боле? Ч-что я мо-могу ещё ска-сказать?“ Когда хохот резко смолк, я понял, что Лидия Николаевна стояла у двери и всё слышала. Она молча приняла у меня

из рук очки и тут же вышла. Кто-то говорил, что она плакала беззвучно при этом… Уже на следующий день она подала заявление и уволилась. Тогда же мне сказали, что двумя месяцами ранее она попала в автокатастрофу, и тот, с кем они должны были пожениться, погиб… Я никогда никому не умел прощать, не был способен принимать вещи такими, какие они есть. Я везде видел только смешное и уродливое, а если весь мир вокруг смешон и ничтожен, как можно полюбить его?» Повинуясь какому-то необъяснимому желанию, Максим осторожно опустился коленями на траву. Он никогда не читал священных писаний, не ходил в церковь, не знал, как нужно молиться, но потребность попросить прощения у какой-то высшей, недоступной его пониманию силы, заставляла его губы бессвязно шептать слова раскаяния. Пощипывали глаза. Ощущение было такое, словно он стоял в тёмной комнате и счищал с окна налипшую на стекло грязь — с каждым новым движением щётки новый лучик солнца проникал в комнату и озарял, согревал душу. Когда Максим поднялся, он чувствовал облегчение.

— Не зря, видно, я уговорил тебя на эту поездку, — послышалось сзади. Оперевшись о ствол дерева, там стоял Фёдор Васильевич.

— Да я тут, это… Я просто уронил… — замялся Максим.

— Успокойся, дружок. Не нужно ничего объяснять…

— Да… Дед, когда мы ехали, Владислав Петрович говорил про принципы… Он был прав, они не воздух. Спасибо.

— Рад, что ты сам дошёл до этого. Но спасибом сыт не будешь, — тепло улыбнулся дедушка. — Тебе нужно вернуться и что-нибудь прочесть со сцены. Только не забудь извиниться, что так внезапно ушёл.

— Само собой. Но стихи я сейчас не вспомню, собьюсь…

Покивав, Фёдор Васильевич опустил руку в карман, достал оттуда небольшую голубую книжицу.

— Вот, возьми. Здесь стихи Иосифа Покровского, избранное. Очень рекомендую вот это, на пятнадцатой странице, «Друзья». Прочтёшь? Максим кивнул. — Вот и славно! Пойдём.

Их уже ждали. Кивнув дедушке, Максим глубоко вздохнул и вышел на сцену.

— Простите, я ушёл неожиданно… Я думал… И вот что я хочу вам сказать: вы замечательные! Простите, что не сказал этого сразу, — и Максим стал читать строки о дружбе и молодости, написанные очень давно человеком, который знал истинную цену верности, доброте и человеческому теплу. Голос юноши не дрогнул ни разу, и когда он закончил, все собравшиеся аплодировали стоя.

Сентябрь 2010, Благовещенск — Москва

ЧИСТАЯ СОВЕСТЬ

Телевизор работал на полную мощность. С широкой глади плазменного экрана в комнату смотрело огромное раскрасневшееся лицо. Бородатый человек в просторных чёрных одеждах с посохом в руках что-то взволнованно говорил в микрофон, который перед ним услужливо держал человечек с маленькими усиками, облачённый в скромную рясу. Бородач хмурил кустистые брови, время от времени грозно потрясал кулаком. Растительность на лице его дико топорщилась, что выглядело особенно эффектно. О чём он проповедовал, было не разобрать из-за шума пылесоса, с энтузиазмом ревевшего тут же, в комнате. Василий с дивана прислушивался, хмурясь, к дребезжащим звукам из динамиков, но смог услышать только «Покайтесь, нехристи!», когда, особенно разгорячившись, проповедник ударил посохом оземь.

— Ну мама-а! — раздражённо протянул молодой человек, возмущённый таким наглым способом ограничивать его тягу к просветлению. — Ты что, не можешь тише убираться?! Ну не слышно ж ни черта!

— Ноги подними, — устало сказала мать, пылесося пол. Василий неохотно подчинился, и женщина, низко нагнувшись, провела шлангом по ковру под повисшими в воздухе ногами.

— А ты голову убери куда-нибудь, ни черта не вижу! — привставая, сказал Василий. Но раскрасневшееся лицо уже исчезло, а по телевизору передавали рекламу. «Покупайте только наши чипсы „Хрустяшечка“! С чипсами „Хрустяшечка“ вы откроете для себя новый, доселе невиданный мир вкуса! Удобная упаковка, изысканный аромат! Ведущими стоматологами страны отмечено, что чипсы „Хрустяшечка“ положительно влияют на здоровье ваших дёсен и укрепляют эмаль зубов! Попробуйте, и вы никогда не забудете ощущение лёгкости и нежности, которые вам пода-

рят наши чипсы „Хрустяшечка“! Внимание! Новинка! „Хрустяшечка: клубника с селёдкой“ Такого вы ещё не пробовали! В каждой десятой пачке — пода…» Щёлк! Экран погас. — Ма-а-а!!! — запротестовал Василий.

— Иди погуляй, — сказала мама, скрестив руки на груди. — Целый день в эту коробку пялишься!

— Дай денег, — не раздумывая, попросил Василий. Если гулять, то гулять с пользой!

— Зачем тебе деньги? На что ты их только тратишь?

— Вкладываю в Фонд защиты гуманистических идеалов человечества, — ответил Василий. — А на сдачу совершенствую личностные качества! Мне, как представителю передовой молодёжи, просто необходимы средства для самосовершенствования!

— Ну тогда ладно, — сказала мама и, покопавшись в сумочке, достала двести рублей. — Держи. — Спасибо, ма! — и Василий, взяв деньги, поплёлся на улицу — гулять.

— Ты куда хоть пойдёшь? — спросила мама. — Пойду с друзьями мяч попинаю! — отозвался Василий. В кармане джинсов его что-то тихо зажужжало.

— Ну соврал маленько, что тут такого? — нахмурился юноша, выходя из подъезда. На ладони его лежал плоский металлический кругляш, только что покоившийся в кармане. На нём то и дело появлялись и исчезали какие-то слова и предложения, но Василий читать не стал. — Умолкни! — и парень сунул кругляш обратно. На улице было солнечно, стояла середина июля. Мимо Василия продефилировала стройная блондиночка в мини-юбке, практически не скрывающей того, что юбке полагается скрывать. На молодого человека девушка даже не взглянула, зато Василий долго провожал её тоскливым взглядом. «Эх, вот бы её сейчас…» — И в голове парня стремительным роем пронеслись разноцветные картинки того, что, каким образом и сколько раз он бы сделал с этой блондинкой, будь у него такая возможность. Кругляш в кармане снова противно завибрировал. «Возжелав женщину мысленно, ты уже прелюбодействовал с ней в сердце своём!» — на сей раз гласила надпись на металлическом диске.

Ниже было подписано «Нагорная проповедь» и ещё несколько циферок. Что это за проповедь такая и кто её придумал, Василий не знал, но все эти ханжеские нравоучения его жутко раздражали.

— Уймись, зануда! — почти безнадёжно сказал Василий и хотел было зашвырнуть злополучную штуковину куда подальше, но вдруг вспомнил, что это наказуемо согласно УК РФ. Ну что ж, делать нечего, пришлось оставить. Никакой мяч гонять Василий, конечно же, не собирался. Сунув руки в карманы, сгорбившись и выпятив вперёд нижнюю челюсть (такой вид Василию казался до ужаса крутым и вызывающим), шаркая шлёпанцами по тротуарной плитке, юноша поплёлся к одной из девятиэтажек рядом с его домом. Проходя мимо киоска, парень засмотрелся на витрину. Тут же у окошечка склонился какой-то крупный полуголый мужик в пляжных шортах. Невыносимо палило солнце. Мужик покупал себе выпивку. Взяв две бутылки янтарного, он вразвалочку потащился к здоровенному чёрному джипу, припаркованному у обочины. «Блин, вот так тачка у этого урода!» — зло подумал Василий. Случайно кинул взгляд вниз и замер: у ног его лежала пятисотрублёвая купюра — наверное, этот мордатый обронил. Прикинув, что вполне может догнать хозяина и вернуть ему деньги, Василий глубоко задумался о бренности всего земного, в том числе и рубля. Пока думал, джип выпустил огромное облако чёрного дыма и умчался. Молодой человек только пожал плечами — что упало, то пропало!

— А у вас «Хрустяшечка: клубника с селёдкой» есть? — спросил он у продавщицы.

— Конечно, есть! — улыбнулась ему в ответ румяная тётя. — Тогда три бутылки пива дайте, пожалуйста! Ну и эту... «Хру- стяшечку»... две.

Одну бутылку пива Василий выпил ещё по пути к девятиэтажке — он шёл в гости к своему приятелю Фиме. Хотел выпить ещё одну, но решил, что жадность — плохое чувство. У Серафима на хате уже гуляли. Судя по кислым минам собравшихся, Василия никто не ждал, но раз уж он пришёл не с пустыми руками, то так

и быть, впустили. В сигаретном дыму под неразборчивый шум музыки ребята пили пиво и апельсиновый сок с водкой в пропорции один к девяти, громко что-то рассказывали друг другу, смеялись и играли в бутылочку. Из-под стола в гостиной торчали чьи-то ноги, у окна, перебирая гитарные струны, тихо выл лохматый парень, а из спальни родителей доносились совсем уж невообразимые звуки…

Семь часов пролетели как один миг. Когда Василия вынесло от Серафима, на улице накрапывал мелкий дождик. Футболка и джинсы молодого человека, покрытые пятнами от жира, сока и засохшего кетчупа, вызывали скупую слезу. Покачиваясь на ватных ногах, Василий поплёлся домой. Всё тело болело, особенно рёбра, куда ему пару раз зарядили кулаком и один раз гитарой. На лбу красовалась огромная шишка, у рта тонкой ниточкой струилось что-то красненькое и солёное. На душе было гадко, ровно как и на улице — под вечер погода испортилась. Побили… За что побили? Василий помнил смутно. Сидели, веселились, жевали «Хрустяшечку». В пачке нашлась наклейка — обещанный подарок. Стали решать, кому прилепить, но Василий настоял, что подарок по праву принадлежит ему — он ведь «Хрустяшечку» купил! Дальше — помехи… Вот он покрывает трёхэтажным матом девушку, которую, как он думал, любил всю свою жизнь… Вот его куда-то волокут за ноги… Ни черта не понятно!

— Молодой человек! Молодой человек! — услышал он чей-то голос. К Василию быстро подошёл смуглый мужчина, прятавшийся до этого от дождя под козырьком остановки. — Я вижу, вам плохо! Может быть, вам нужна помощь?

— Ни черта мне не надо! — огрызнулся Василий. — У меня всё есть!

— Вы давно были на исповеди? Давно причащались? Видите ли, я представитель церкви «Светлое будущее»… Только наша церковь предоставляет наиболее выгодные тарифы по отпущению грехов. Наш лозунг: «Низкие цены — чистая совесть!». За ложь так вообще сущие копейки берём…

— Да как вы смеете?! — возмутился пьяненький Василий. —

Я, между пр-рочим, истинно верующий! Пр-равославный! Идите к чёрту, господин хороший! Развелось сектантов, ни пройти ни проехать…

И отстоявший веру молодой человек поплёлся дальше. Дождик усиливался, поднялся промозглый ветер, мигом выбивший из парня весь хмель. Стуча зубами от холода, промокший Василий забежал в ближайший супермаркет. Там среди терминалов сотовой связи, банкоматов и автоматов с газировкой он увидел исповедывательный аппарат. На вид он мало чем отличался от обычного терминала, вот только выкрашен был в небесно-голубой цвет. С одной стороны аппарата церковно-славянским шрифтом были выведены десять заповедей Моисея, с другой — Символ Православной веры. С торцевой части — прямо под экраном — на посетителей супермаркета грозно взирал лик Спасителя. При виде этих скорбящих глаз в Василии проснулась совесть. «Что же я за человек-то такой?» — подумал он, и сердце защемило смертельной тоской. Подойдя к аппарату, молодой человек дрожащей рукой опустил в щель аппарата металлический кругляш, который всё время носил с собой в кармане. Это устройство было предназначено считывать информацию с его биополя и фиксировать все нарушения морально-этического характера. Кругляш Василию родители купили в ближайшем храме в надежде искоренить в душе сына всё зло. Экран замерцал золотистым светом и выдал небольшой список: «Выберите Вашего оператора: РПЦ, Свидетели Иеговы, церковь „Светлое будущее“…» и так далее. Нажав на кнопочку, Василий ввёл ещё несколько цифр и вышел на свою страничку в базе данных. На ней значилось: Раб Божий Василий. Грехи за 15.07.2020: 1) Непочтение к матери своей — 3 раза 2) Прелюбодеяние, в т. ч. в сердце своём — 4 р. 3) Хула на ближнего своего — 8 р. 4) Возжелание добра ближнего своего, сиречь зависть — 3 р. 5) Жадность, чревоугодие, пьянство — 29 р. 6) Гнев неправедный, пожелание зла ближнему своему — 46 р. 7) Ложь — 159 р. 8) Воровство — 1 р. Итого Ваш баланс: — 298 руб. 50 коп.

— Что??! — откуда здесь воровство-то взялось?! — задохнул-

ся от возмущения Василий, и принялся перебирать сегодняшний день. Одного послал, другому в зуб дал… Мужик на джипе! Василий присвоил себе его деньги, хотя мог и отдать. Но он же поднял купюру только после того, как машина уехала… Все равно за грех засчитали, козлы! Лишь бы денег содрать! От этих мыслей в аппарате снова что-то зажужжало, и число 46 в графе «Гнев неправедный» увеличилась на единицу. Баланс же упал до минус 299 руб. 50 коп. Делать было нечего, и, достав три помятые сторублёвые купюры, Василий погасил задолженность перед богом. На счёте осталось пятьдесят копеек, а на сердце — приятное чувство чистоты и просветлённости.

— Ма-а, я дома! — прокричал Василий с порога, хлопнув дверью. — Где же ты был так долго, сынок, я ж вся переволновалась! — мама в переднике вышла из кухни, откуда доносился запах чего-то очень вкусного. — Боже праведный, что это ты весь грязный такой, в синяках да шишках?!

— Представляешь, мама… хулиганы на улице напали! Все деньги отобрали! Пришлось драться… — соврал Василий, и его карман гневно завибрировал.

Июль 2010, Благовещенск

ДЕДА ВАНЯ

— Уважаемые пассажиры, осторожно, двери закрываются! Наш поезд следует по маршруту Хабаровск — Вяземский. Следующая станция — Красная речка, — объявил не вполне внятный голос машиниста, и электричка, тяжко вздохнув над нелёгкой судьбой, тронулась в путь. Хабаровск — славный город. Пожалуй, лучший на Дальнем Востоке. Чем-то напоминает Санкт-Петербург, но расположенный на семи большущих холмах. Аккуратный, выдержанный в стиле умеренной классики с небольшой примесью модерна. Неплохие дороги, плитка на тротуарах, клумбы на каждом шагу, чистота кругом… А какая набережная, а девушки! Красивые девушки улыбаются тут и там, даже приветливо машут… Точнее, это одна и та же девушка, только при каждой новой встрече у неё новое платье и новая причёска… но те же ножки спортсменки-бегуньи, та же фигурка — песочные часы… На людей в Хабаровске вообще приятно смотреть — в большинстве своём они молоды и красивы, ведь это город молодёжи. Здесь полно вузов, поэтому со всех углов Дальнего Востока сюда в поисках корочек и, возможно, знаний стекаются тысячи мальчиков и девочек. Многие из них тут же влюбляются, чуть погодя заводят семьи, рожают детей… Ни в одном городе я не видел столько счастливых молодых семей с колясками. Только в двух городах России, где я побывал, не ощущается, что страна переживает демографический кризис — в Москве и Хабаровске. В Хабаровске много рожают, а в Москве… там тупо много народу. Ещё в Хабаровске как будто чуть меньше пофигизма, чем в остальных городах России. Видно, эманация пофигень-травы из песен Шаова сюда ещё не добралась. Вот ехал я в автобусе. Прямо передо мной — табличка, крупными буквами: «Распитие спиртных напитков в автобусе строго запрещено!» Тут заходит индивид, — как водится, с лампасами то ли от «Найк», то ли

от «Адидас». В руке стакан с янтарным напитком, и это не квас. Отхлёбывает. Я бы и внимания не обратил. Какое мне дело? Но другие пассажиры разбираться не стали и в едином порыве негодования насели на бедолагу. Пришлось тому спешно ретироваться, расплёскивая по пути своё пенное пойло. В Благовещенске или в Москве такого не увидишь. В тот момент я подумал, если бы Дальний Восток послал Москву куда подальше, что, несомненно, способствовало бы ему премного к украшению, и образовал республику во главе с Хабаровском, я бы тут жил. Честное слово.

Поезд бежал по стальной колее, за окном тянулись леса и поля нашей необъятной страны. Вот уж действительно подобрали эпитет — необъятная. Просиди хоть вечность, точнее ничего не придумаешь. Примерно год назад Дмитрий Анатольевич устроил саммит в одном и городов центральной России, на что делегаты из Европы горько жаловались — мол, изверг вы, четыре часа в самолёте томиться заставили. «То ли ещё будет!» — сказал рулевой и назначил следующую встречу во Владивостоке. Что ни говори, а для европейцев мы навсегда останемся дикой Скифией, сказочной Гипербореей. Совсем другое видение мира. Взять хотя бы простую воду из-под крана — в Германии её берегут, буквально каждую каплю считают, а в Амурской области, которая, кстати, больше Германии на четыре тысячи кв. километров, могут забыть закрыть кран и уйти на работу, затопив при этом к чертям соседей снизу. А потом ругаем друг друга. Они кричат: зажрались; мы в ответ: скупердяи…

Ехали мы с отцом, как водится, на деревню к дедушке. Деревня была Дормидонтовка, а дедушку звали Ваня. Давно, лет десять назад, когда я напоминал одуванчик, такие поездки, как эта, были для нас чем-то вроде традиции. Из Благовещенска сперва в Хабаровск — там мы жили у папиной сестры Люды. Непременная культурная программа: все музеи и памятники, набережная, потом папа покупал мне книжку в «Книжном мире» рядом с площадью и диск с игрой. Книжку я съедал за один вечер, а потом неделю голодными глазами разглядывал цвета-

стую упаковку игры, ибо компьютеры были еще слишком тяжелыми, чтоб таскать их с собой в рюкзаке, и «погамать» было не на чем. Потом Хабаровск оставался позади, и мы ехали в Дормидонтовку (станцию назвали так в честь инженера Дормидонтова, строившего этот участок дороги ещё при Николае II). Здесь почти каждый день мы ходили купаться на Подхорёнок, небольшую речушку, приток Хора, укрывшуюся в зарослях ивняка, парились в бане, так, «чтоб мясо от костей отстало», ели большущие красные клубничины прямо с грядки, папа мастерил мне деревянные мечи и учил кататься на велосипеде… У деда Вани был новенький синий «Урал», несколько великоватый для меня, но годный. Папа сажал меня в седло и бежал сзади, толкая багажник. Потом один раз вдруг отпустил, и я метров двести по прямой проехал без чьей-либо помощи. Естественно, когда понял, что меня ничто не удерживает, жутко испугался и улетел в канаву. Зато научился кататься, правда, ненадолго. Мне было лет восемь-девять. Неделю прогонял с отцом по плохому дормидонтовскому асфальту, после чего меня вдруг сбил мотоциклист, почему-то решивший, что я уступлю ему дорогу. Я дорогу не уступил, и на этом закончился мой опыт велосипедиста. Заново кататься я научился лет через десять. Думаете, много потерял? Ничуть. Всё удовольствие с лихвой возвратилось, когда я впервые промчал по родному двору. Помните тот свой первый полёт? А я помню.

Деда Ваня встречал нас на станции, оперевшись на свой старенький велосипед, прослуживший уже не один десяток лет. На лице его играла довольная стариковская улыбка с прищуром. С нашей последней встречи дед, казалось, стал ниже ростом, и я уже возвышался над ним на полголовы. Морщины на его загорелом, словно вытесанном из осины лице, стали ещё глубже. Но рукопожатие огромной, как лопата, покрытой многолетними мозолями крестьянской ладони, увитой лианами вздувшихся вен, осталось стальным. В июне деду исполнилось восемьдесят три. — Ну здорово, родня! Давно не виделись!

Родился деда Ваня 15 июня 1928 года в деревне Верхняя

Потка Черновского района Пермской области, которая тогда ещё называлась Молотовской (вплоть до 1956 года, когда к власти пришёл Хрущёв, отстранив Маленкова, Кагановича и Молотова). Родители Вани были крепкие середняки-крестьяне, полностью обеспечивали себя и ни от кого не зависели. Когда деду было три года, семью постигло несчастье — началась коллективизация. Большевики чумой прошлись по деревням, под красным знаменем социализма забирая у крестьян всё, что у них было ценного. У моих предков увели корову — единственную возможность прокормиться. Не зная, как спасти от голодной смерти троих детей — у Вани было две сестры, старшая Зоя и младшая Клава, — мать моего деда сошла с ума. Из-за этого деда Ваня никогда не был коммунистом — за мать он был на красных «крепко злой». Отцу Вани, Василию Степановичу, огромному, богатырского сложения мужику, волей-неволей пришлось вступить в колхоз, где он работал кузнецом, ковал подковы, лемеха для плугов, косы, серпы и прочий инвентарь. Ваниного деда по отцу звали Степан Терентьевич. Он был хлеборобом. Деда Ваня описывал его, как среднего роста крепко сложенного мужчину, тяжко работавшего до самых преклонных лет. Когда Степану Терентьевичу было около семидесяти трёх — было это в 1935 или в 1936 году, — он пошёл жать хлеб в поле, перед этим напившись в погребе ледяного квасу. Под палящим солнцем у него произошёл заворот кишок. Мой прапрадед катался по земле от боли и выл. Василий повёз его в больницу за пятьдесят вёрст от деревни, но увы, медицина тогда была не на высоте, врачи ничего не смогли сделать, и Степан Терентьевич скончался в страшных мучениях. Деда Ваня мало мне про него рассказывал, упомнил лишь один случай. Как-то раз они с дедом Степаном шли по полю. Маленький Ваня бежал, нахлобучив на глаза шапку, и не видел ничего перед собой. У Степана за пояс был заткнут небольшой, но очень острый топор. Ваня поскользнулся, упал и напоролся носом прямо на лезвие. Сталь оставила глубочайший порез, кончик носа Вани болтался буквально на небольшой ленточке плоти. Уж не знаю как, но нос Ване вылечили. Правда

остался на всю жизнь шрам-насечка, придававший характерному для мужчин Туровых мясистому носу ещё более картофельный вид.

К концу тридцатых городов страшный голод, терзавший Россию, немного отступил. Ваня в это время ходил в школу и помогал семье по хозяйству. Это были самые счастливые годы в его жизни. То было затишье перед бурей. 22 июня 1941-го на нас напали нацисты, и детство Вани кончилось. Ему суждено было окончить всего лишь семь классов, на этом его образование завершилось. Василию Степановичу прислали повестку на фронт. Ваню разбудили рано утром, и отец попросил проводить его до станции. Перед самым расставанием Василий заключил сына в стальные объятья, поцеловал, пообещал писать и уехал. Ваня остался единственным мужчиной в семье. Было ему тринадцать лет. Следующие тяжких четыре года войны Ваня сутками возил на телеге зерно из колхоза Зяблы-Мостовая в Черновское (60 км) и в Верещагино (80 км). Слова «Всё для фронта, всё для победы» стали смыслом жизни. От Василия Степановича периодически приходили письма. Он попал на Северный фронт, под Старую Руссу, где велись ожесточённые бои и где русских позже взяли в котёл и разбили. Писал о том, что видел во время наступления разорённые немцами русские деревни, где на пепелище дымились лишь обугленные печные трубы да раскачивались на ветру повешенные… Однажды в семью Вани пришло письмо, что Василий Степанович был тяжело ранен в бою, и его везут в госпиталь. Это было последнее, что Ваня слышал об отце. По дороге тот пропал без вести, не осталось ни очевидцев, ни документов — ничего. Всё, что сохранилось в напоминание о моем прадеде — это строчка «Туров В. С.» на памятнике героям Великой Отечественной при въезде в Дормидонтовку…

За ужином деда Ваня сидел и вспоминал:

— Были в то время в нашем колхозе трое ребят. Все двадцать третьего года рождения, то бишь им, как тебе, — сказал он, глядя на меня из-под низких седых бровей, — к началу войны было по девятнадцать. Вот и представь. Взяли они тогда телегу

на троих и поехали к реке рыбу ловить. А немец тогда к самому Сталинграду валил, вот их прямо по дороге и загребли — и на фронт, в самое пекло. Даже домой не дали зайти. И вот они все втроём под Сталинградом и сгинули. Я даже сейчас помню, как их звали… Один — сосед мой, Черепанов Григорий Иванович был, другой сосед чуть подальше жил, Бочкарёв Пётр Моисеевич звали, и третий — Хомяков Дмитрий Ильич. Вот и всё.

— Дай бог мне такую память в восемьдесят три, — сказал отец, сидевший рядом.

— Вот какое время было, — мрачно кивал дед. — Думаешь, так просто победа досталась, чтобы вам, молодым, сейчас хорошо жилось? Ан нет. Много людей полегло, сгинуло. Страшно. «Пётр Моисеевич, — думал я, — Дмитрий Ильич… Ярослав Александрович…»

На наш ужин покушались мухи.

— А что было потом? После войны? — спросил я, жалея, что нет газеты.

— А-ась? — переспросил дед. Он был глуховат.

— Что было потом, спрашиваю! — терпеливо прокричал я ему на ухо.

— Потом? Потом опять голод был! Страшное дело. А чего ты хотишь, когда разруха кругом? Работали на колхозе за трудодни, за палочки. Денег не видали, во как. Голодали. До того доходило, что пацанами в поле лазали, колоски с земли собирали и ели, прямо так, с шелухой. Звали меня на тракториста учиться в школу за пятьдесят вёрст от колхоза. Пробыл я там с полгода, потом убёг. Да и все поразбежались — с голодухи какая учёба? В сорок девятом году забрали меня в армию служить на три года. Привезли в Эстонскую ССР на остров Хийумаа, рядом с ним ещё один побольше — Сааремаа, — дед, произнося эти долгие «аа», издавал забавный блеющий звук и ритмично кивал головой. — Там я и присягу принял, и службу нёс — охранял границу. До ефрейтора дослужился.

— Ефрейтор — это, значит, командир отделения?

— Какой там! — махнул рукой деда Ваня.

— Командир отделения — сержант, — поправил отец. — А ефрейтор… это ефрейтор. Просто порученец. Хороший, исполнительный солдат.

— Вот так и служил. Давали нам в месяц жалование — тридцать восемь рублей. Но это совсем недолго было. Обязали нас потом половину довольства государству в долг сдавать. Так и получали — девятнадцать рублей ноль-ноль копеек. А чего ты на эти девятнадцать рублей купишь? Так, побаловаться — сигареты в магазине взять али конфеты какие, леденцы… Я некурящий был, а вот кто курил, те, в основном, на сигареты. Были и такие, кто не половину, а все жалование государству в долг сдавал. Так и платили, бараны, тридцать восемь рублей коммунистам, а сами без денег ходили. Их сразу, ха-ха, на стеночку, в красный уголок, подпись: «Ими гордится часть!» Они и рады…

Мне в голову неотвратимо лез Оруэлл.

— А что же, деда, отдали вам долг потом коммунисты?

— Ась?

— Долг возвратили вам потом?!!

— Да какой там! — замахал руками-лопатами дед. — Как забрали, так и с концами!

— Незначительную часть долга населению вернули в 1990 году ценными бумагами, — пояснил отец. — А так это был самый на- стоящий грабёж.

— Дед, а были у вас на службе случаи какие-нибудь интересные?

— А как же? Бы-ыли. Много было. Очень много. Всего и не упомнишь.

— Расскажи.

— А чего рассказывать-то? Вот хотя бы один случай тебе расскажу. Был у нас такой рядовой Носков, уж не припомню, как звали. Я с ним несколько раз в дозоре был. Так вот, он среди местного населения эстонку поприметил и стал к ней захаживать тайком. Ну ты сам понимаешь, — дед игриво прищурился, и что-то подсказало мне, что он и сам пару раз того… — А тогда дисциплина у-у какая была. Строгая! Что ты! С женщиной?! Нельзя!!! —

и дед так страшно рубанул воздух своей ладонью-лопатой, что мне сразу стало ясно: и правда нельзя. — Солдаты об этом давно прознали, да старшим не говорил никто, фискал не было. А Носков сам дурак оказался, задержался у бабы у той, офицеры: где Носков? Глядь — нет Носкова! Ну едрить твою в дышло! Проследили и прямо его у бабы на дому и взяли. Ну, естественна, на гауптвахту. Повели в соседнюю часть — кило́метров шестьдесят будет. Приставили двух парнишек к нему. Первый постарше был. Бурят. Ну, в смысле, из Бурятии парень-то был. — Я кивнул. — А второй помладше. Колькой звали. Кольке винтовку со штыком дали, у бурята ППШ был…

— Пистолет-пулемёт Шахова, — вставил папа.

— Какого Шахова?! Шпагина! Пистолет-пулемёт Шпагина. С круглым барабаном такой. Я с ним долго очень ходил, хорошо это оружие знаю. Я вообще хорошо стрелял. На стрельбе мне когда семь патронов давали и три щита ставили — метров двести, я все три поражал и ещё четыре патрона назад возвращал. Во как! А ещё на танке служил недолго — наводчиком был, тоже не прома- хивался.

— Так что там с Носковым-то было?

— А-ась?

— С Носковым что стало?!!

— А с Носковым во какая штука приключилась… Он в сапоге в кирзовом с собой финку таскал. А никто не знал.

— Подлец… — сказал папа.

— А ему, окромя жалования, ещё из дому деньги от матери приходили, он их вот здесь, в гимнастёрке, держал, — Ваня похлопал себя по груди. — Сорвали с него погоны и повели. Пока шли, он этих двух конвоиров соблазнил выпить в лесочке. А тогда июль был, день ещё такой жаркий, солнце палит. Зашли они по дороге в магазин, купили водочки, закуски — огурки там, помидорки, лучок… И устроились во лесочке, недалеко от дороги.

— Сволочь, — качал головой папа, которому, судя по всему, эта история была знакома.

— Когда поймали парня у бабы его, он-то, бедняга, перепугался, что с ним дальше будет, думал, под суд отправят, и бежать решил. Ну вот, пока пили, Носков сначала бурята ножом заколол, как свинью, а тот как завизжит! Колька перепугался, в лес побежал, а убивец-то его в спину из ППШ тра-та-та-та-та! — дед очень живописно изобразил стрельбу из автомата. — Потом ещё подбежал и, как барану, по горлу ножиком — вжик! — дед ещё живописнее изобразил, как барану режут горло. — Это всё следствие потом выяснило, как он товарищей убивал.

— Подонок, — проговорил отец. — Ну посидел бы на «губе» дней десять, не расстреляли же бы его…

— Тогда, Саша, советскую власть все ох как боялись. Страшное время было, суровое. Страна в разрухе была, расслабляться некогда.

— И что дальше было?

— А дальше он вот что придумал — прострелил себе вот тут мякоть на ноге из автомата, дохромал до местной деревушки и всем сказал, что на них разбойники напали, конвоиров убили, а сам он убёг. В то время же как было? На Украине по лесам эти, бандеры шастали, так вот, в Эстонии тоже свои были. Освободительные силы, лесные братья. По всей стране, по всем республикам страшное сопротивление советской власти было. Не любили коммунистов, ох как не любили! До войны ещё муж сестры моей матери как-то вёз сено на телеге, а телега скрипит противно так. А солидолу нет смазать. А там до этого коровы по дороге прошли, за собой ходили жидким. Вот дядька мой взял, жидким-то колесо смазал, его увидели, спрашивают: «Чегой-то ты, уважаемый, делаешь?» А он им и отвечает: «Какая власть, такая и мазь!» Представляешь? Люди услышали, кто-то съездил в Тоцкое, в сельсовет донесли. Расстреляли моего дядьку, за слова расстреляли. Страшное было время.

— А Носкову что же — поверили?

— Не знаю. Но крестьяне его к нам в часть воротили. Я как щас помню, стоял тогда на вышке в карауле. Гляжу, Носкова ведут, конвоиров нет старых. Он свою историю с разбойниками

повторил. Тут приехали из центра офицеры с собаками, показывай, говорят, как всё дело было. Привёл он их на то место, бурят там убитый лежал, а вот Кольки труп пропал. Три дня его потом искали, нашли в километре от этого места. Как он там оказался, чёрт его знает. Провели следственный эксперимент, тут Носков на своём вранье и засыпался. Двадцать пять лет дали, четвертак, то бишь — высшая мера наказания. Смертную казнь после войны ж отменили. Много всего было, ох, много…

Помолчали немного.

— Или вот ещё случай, тоже при мне был, — нарушил молчание дед. — Послали двоих рядовых в ночной дозор, четыре часа то бишь берег патрулировать, с полуночи до четырёх. Обмундирование дали, как полагается, — одному ППШ, другому винтовку со штыком, ракетницу — чтобы сигнал подавать. У одного две гранаты было РГД-3. Ну они, видимо, утомились, прилегли на бережку да и уснули. Через час будят их майор и лейтенант: вставайте, пошли, мол, с нами. А уснуть в дозоре — это тебе не шуточки. А ну враг как раз границу перейти решил? Вот один из этих дозорных до того суда испугался, что другому говорит: ты, мол, держись от меня подальше, а сам в гранату запал вставил и сам себя подзорвал. Прямо вот так к груди приложил, и бах! Нету. — Я сглотнул. Любовь к живописным подробностям деда начала меня настораживать. — Что делать? Прям тут и зарыли как собаку. Ни памяти о нём, ни весточки родным, ничего. Вот какое суровое время было, — дед поднял деревянный палец к потолку.

— Жизнь человеческая в те годы совсем ничего не стоила, — мрачно кивал отец. — Человек не личностью был, а сошкой мелкой. Разменной монетой. — Потом помолчал немного и добавил: — Порочная система. Порочная…

«Ах, время, советское время… Как вспомнишь — и в сердце тепло! И чешешь задумчиво темя: куда ж это время ушло? Нас утро встречало прохладой, вставала со славой страна… Чего ж нам ещё было надо? Какого, простите, рожна?» Эти строчки из Шаова давно не дают мне покоя. Прямо в лоб: хорошо было

жить при Советском Союзе? Мне этого никогда не узнать — я родился в девяносто втором… Казалось бы, мне ли задаваться таким вопросом? Учусь в прекрасном вузе, семья зарабатывает столько, чтобы ни в чём не нуждаться, незачем опасаться, что ночью приедет «воронок» и суровые дяди в коже найдут в шкафу Булгакова или Солженицына… Чего же я плачу? Месяц назад, 12 июня, страна отмечала День России — в этот день была подписана бумага о нашем суверенитете. Как кто-то сказал тогда — «о независимости хрен знает от чего». Действительно, от чего? Мы были вторым центром Вселенной, вторым пупом Земли. Это сейчас в газетах пишут, что мы живём в оккупированной стране… Тогда, 12-го числа, у многих добрых и умных людей были откровенно мрачные лица. Погибла Империя… Ах, вот бы вернуться в Империю Зла, что столько хорошего мне принесла… Как-то на семинаре по логике преподавательница припомнила слова своей матери: «Если бы не Октябрьская революция, ты бы сейчас пасла гусей, а так ты преподаёшь философию в престижном институте». С другой стороны, если бы не революция 1991 года, не видать бы мне этого института, как своих ушей — до этого момента там училась лишь партийная молодёжь… Сказать спасибо Ельцину? А что, и скажу. Спасибо, Ельцин!

— Дед, а как ты к Ельцину относишься? — спросил я.

— К Ельцину? Хороший был мужик, работящий. Я за него голосовал, — сказал дед и удовлетворённо закивал, словно отдавая этим кивком долг Родине. — Он был первым строителем Свердловской области, первым секретарём Свердловского комитета…

— Ну это всё понятно, — перебил я. — Почему он тебе нравится? Что лично тебе он сделал хорошего?

— Как что? — деда Ваня искренне удивлялся моим странным вопросам. — Ельцин свободу людям дал! Его и хоронили с такими почестями! Я по телевизору смотрел. Не каждого так хоронят, значит, заслужил человек.

Бороться с его логикой было бессмысленно.

— Хорошо, дед Вань. Вот ты говоришь, свободу дал. А что

такое свобода?

— Как — что?!! — дед аж рот раскрыл. — Неужели ты не понимаешь?! Ты уже столько в Москве учишься — и до сих пор не знаешь, что такое свобода?!

— Да, не научили меня, дед, — сказал я. — Ты уж прости. Объясни мне.

— Свобода — это когда ты можешь делать, что захочешь! Говорить, что хочешь! Критиковать, кого хочешь! Про свободу слова, свободу печати слыхал?

«Что же ты не пожинаешь плоды свободы, мцыри?» — хотел спросить я, но вместо этого спросил:

— А к чему тебе, дед, свобода печати? Ты что же, фельетоны, сатиру пишешь?

— Ась? Что ты сказал?

— Ничего, дед Вань. Хорошо курицу прожарил, молодец, — сказал я, проглатывая кусок.

— Да ты ешь, внучок, ешь! — закивал довольный дед. — Небось, дома так не покормят.

Открыл я давеча местный орган общественной мысли, имя ему «Вяземские вести». На первой полосе фотография детей на велосипедах и прогноз погоды. Потом советы по уходу за огородом, обещания повысить пенсии и увеличить материнский капитал, материал про выборы в местную ячейку партии «Единая Россия». Далее колонка происшествий: подвыпивший мужик украл у соседа телегу с бидоном и пропил; по пьянке подрались муж с женой, у мужа два лёгких ножевых ранения, которые сама же жена и обработала до прибытия врача; и, наконец, в состоянии алкогольного опьянения водителем сбит мальчик-велосипедист — отделался лёгким испугом. В конце газеты — небольшая афиша, программа передач, объявления, реклама и прочие кроссворды. Хотел уж было «порадоваться» за процветание свободы слова в Вяземском районе, как вдруг наткнулся на статью некоего товарища А. А. Панченко с греющим душу кухонным заголовком «Мы все заложники системы». Смысл ста-

тьи сводился к тому, что фермер жаловался на отсутствие материальной помощи от государства, обнищание сельскохозяйственного сектора экономики в стране, мол, исконно русский продукт — картошку — и ту уже в Китае закупаем. Речи Путина и Медведева Панченко назвал популистскими и заявил, что на 100 процентов согласен с программой коммунистической партии. При советской власти «столько было денег, что даже не успевали и не могли их вовремя освоить. Сегодня желание освоить присутствует, но нет средств». Что же, выходит, когда деньги были, не было желания? Занятно. Впрочем, это так, к слову. Главное — вот оно! Живое проявление свободы слова, так сказать, на местах! Вот чего народ так желал — чтобы разрешили ругать власть! Теперь-то уж можно всласть накричаться и накритиковаться в газете, никто слова не скажет. Только вот денег теперь нет, пахать не на чем, негде и не для кого — поставщик охотнее закупит китайскую картошку, она, во-первых, дешевле выйдет, во-вторых, её специально помоют, упакуют и сбоку бантиком повяжут. Красота. И дедушка мой здесь — наинагляднейший пример. Человек имеет семь классов образования, и свобода слова ему — как султану Брунея валенки. Но ведь хочется на кухне-то потрындеть! И плевать, что завод, на котором держалась вся Дормидонтовка, после развала Союза приказал долго жить. Плевать, что при Советах в деревне жило три тысячи человек (и население росло!), было два детских сада, куча магазинов, отличная баня, куда даже с соседних деревень попариться ездили, мост через реку, чтобы люди могли ездить в поле и сажать картошку, а сейчас тут едва наберётся тысяча человек, а все вышеназванное лежит в руинах. Главное — свобода!

Профессор Преображенский говорил: «Что это такое, ваша разруха? Старуха с клюкой?» Да, это старуха. Я её видел, когда ездил на завод. Она уродливая и горбатая, у неё гнилые зубы и маленькие маслянистые злобные глазки. Встретилась она мне, когда я блуждал среди руин главного распилочного комбината. Раньше тут было градообразующее предприятие, дававшее тысячу рабочих мест. Теперь — отличная площадка для съёмок филь-

мов ужасов. Надо мной, словно зубы дракона, нависали обломки стен. Тут и там курганами высились груды битого красного кирпича. При всём моём воображении я не смог представить, что тут когда-то работали люди. Здесь я и встретил разруху. — Чего тебе надо? — спросила она. — Посмотреть… — Ну, пойдём…

И пошли мы рука об руку. — А здесь у нас был мост, — показывала разруха на затянутую ряской заводь. — Сейчас от него не осталось даже столбов — всё растащили… Вон там был ещё один заводской цех, сейчас тоже пустырь… А вот тут, видишь фундамент остался? Это детский сад… — разруха говорила что-то ещё, но я уже не слушал. Я думал. Как это было? В девяносто первом… Завод ещё дышал чёрным дымом, на последнем издыхании грыз могучие корабельные сосны. Каждый день сюда приходили небритые, смуглые мужчины, надевали комбинезоны, защитные очки и работали — под скрежет и вой пил нажимали кнопки и дёргали рычаги, возили тачками стружку, опилки, чинили станки, грузили лес… А рядом в офисе сидели мужчины без щетины, не такие смуглые и в белых рубашках. Писали отчёты, рассчитывали дебет и кредит. На стене висел портрет Горбачёва, шумно работал вентилятор… И вдруг — весть. Советской власти больше нет. Союза — тоже. Растерянность. Кто виноват? Что делать? Не исключено, что поначалу даже работали. Не из сознательности, а скорее по привычке. Или по инерции — как угодно. Потом внезапно кто-то украл. Этот кто-то воровал и раньше, на это смотрели сквозь пальцы, но теперь, в острый миг безвластия, факт воровства подействовал, как действует на русского человека халява. Позабыв отца и мать, воровать бросились многие. Что сошло одному, позволено всем. Кто из нас не стоял в очереди? Все стояли. И я стоял. Не помню за чем. За какой-то бумажкой или бесплатным сыром. Помню, как пытался соблюдать очерёдность, быть интеллигентным. Но когда впереди меня пролез какой-то нахал, от очереди не осталось и следа. Возобладал закон силы. Задние насели на передних, передние рванулись вперёд. Пришлось выживать. Я-таки достал тот сыр. Но прежде был вынужден пару раз грубо пихнуть кого- то локтем — ей-Богу,

не хотел! — выслушать в свой адрес несколько нелицеприятных эпитетов и распороть рубашку по шву. В мире наглецов локти отрастают как-то сами собой. Та же история была и с заводом. Каждый пилил то, до чего мог дотянуться. Рабочие — инвентарь, сырьё; администрация — бюджет. Когда от завода остался только голый скелет, начали растаскивать само здание. Сначала унесли то, что можно было легко оторвать — трубы, батареи, сантехнику. И если при этом на лицах ещё сохранялся какой-то стыдливый румянец, то потом, когда дошло дело до стен, рушить стали уже открыто и нагло. Вся наша Россия — как этот завод. Такова цена, заплаченная народом за то, чтобы товарищ А. А. Панченко мог опубликовать свою гневную статью. Цена свободы.

Пару дней спустя у магазина хозтоваров мы с отцом снова встретили разруху. На этот раз она явилась в виде женщины пятидесяти- шестидесяти лет, толстой, бурой от солнца и безобразной. — Люди добрые! — затянула она, скаля редкие пеньки подгнивших зубов. — Дайте денег. Ну хоть десять рублей! Чуть в стороне, присев на корточки и стыдливо пряча глаза, курила её товарка, девушка лет двадцати пяти. По беглому взгляду, брошенному в нашу сторону, я понял, что и она попросила бы, но стесняется. Пока. — Ну что вам, жалко, что ли?! — не отставала бабища. — Для бедной женщины пожалели, эх вы…

— Ладно-ладно, сейчас, — успокоил её папа. — Ярослав, у тебя есть? У меня только крупные… Покопавшись в карманах, я выгреб оттуда всю мелочь, что у меня была, и высыпал в раздутую чёрную ладошку. Баба сразу расцвела. На заплывших глазах её проступили слёзы. — Ой, спасибо вам, сынки! Вот спасибо, вот выручили! Трубы-то с утра горят, а я уж старая стала, не могу так… Дай, паренёк, я тебя поцелую! — и женщина потянулась ко мне, вытягивая серые губы трубочкой. Я стоял на крыльце, сделал шаг назад, оперевшись о перила, и едва не упал — перильные доски прогнили в труху и развалились от одного моего прикосновения. Так и не дотянувшись до меня, совсем неожиданно для нас с отцом да и для себя самой, баба разревелась. — Вы простите

меня, старую, — тихонечко завыла она, усевшись прямо на землю и утирая слёзы, — что я к вам, как нищенка последняя... Я запилась, честно сознаюсь. Совсем запилась... Я ведь фельдшерицей раньше была, здесь в амбулатории работала, уколы ставила. Но я запилась... Простите меня. Товарка бывшей фельдшерицы прятала взгляд. Мы с отцом беспомощно переглянулись.

На обратном пути я всё думал об этой женщине. Как сложилась её судьба, почему она стала такой? Женщине было на вид лет шестьдесят, но не исключено, что по паспорту не стукнуло и сорока. На её долю не выпало ни ужасов коллективизации, ни страшного голода, ни горьких лет войны. Она родилась в одной из двух сильнейших стран мира во времена, когда солнце над Союзом стояло в зените. Как же так вышло, что много лет спустя она сидела на земле, утирая перед первыми встречными слёзы над своей загубленной судьбой? Допустим, её звали Надежда. Или Вера. Или Любовь. Родилась она здесь же, в Дормидонтовке, когда село ещё только разрасталось, а на горизонте разворачивались панорамы заманчивых перспектив. А может, приехала с семьёй издалека. Мать работала медсестрой в местной амбулатории. А может, и продавщицей в сельмаге. Отец-фронтовик, вернувшись из ада с медалью на груди, устроился на завод столяром. А может, он был главврач районной больницы... Всего этого мне никогда не узнать. Знаю только, что женщина та работала здесь фельдшерицей, ухаживала за больными, уколы ставила... Наверняка была симпатичной полноватой хохотушкой. Жила, работала, а потом вдруг... запилась. Не исключено, что было это уже после развала Союза. Когда погиб завод, когда начало мед- ленно задыхаться село, когда постный вкус безнадёги заполнил всё вокруг, лишив жизнь какого бы то ни было смысла. На что здесь, в Дормидонтовке, можно надеяться? Так и не найдя ответа, я предложил отцу вернуться в дом деда. Тот уже давно дожидался нас с прогулки.

После службы в армии жизнь потаскала Ваню по самым разным углам Союза — от Краснодарского края до Архангельской области. Был Ваня тогда круглый сирота, свободный, как ветер,

и не было у него ничего, кроме золотых работящих рук. На одной из строек, куда дед прибыл по вербовке, познакомился он со своей будущей женой Валентиной. Заработав на стройках денег, вместе они отправились в неизвестность, в Хабаровский край, который приятель деда описывал, как землю обетованную — дескать, климат хорош, земля тучна, а в реках полным-полно рыбы. Молодые прибыли в село Мариинское на Нижнем Амуре, где за пару лет сумели нажить какое-то хозяйство. Однако в скором времени от обильных дождей случилось невиданное доселе наводнение. Дома были затоплены до самых крыш. Жителям Мариинского пришлось спасаться бегством. Иван Васильевич с женой Валентиной перебрались сюда, в Дормидонтовку, где обзавелись большим домом с немалым земельным участком и родили троих детей: двух девочек, Люду и Нину, и мальчика Сашу, их младшего братика — моего отца... До самой пенсии деда Ваня работал здесь же, в деревне, плотником. Он прожил добрую, честную жизнь, построив за неё немало домов, посадив не одно дерево и вырастив замечательное потомство. Но старость, коварный хищник, подкралась незаметно. В 2004 году умерла баба Валя. Дед тогда поехал в Хабаровск к дочери Люде. Его застигла непогода, и он остался ночевать в городе, не предупредив жену. Сердце бабы Вали не выдержало переживаний и остановилось. Деда Ваня остался один. Члены его потеряли былую силу и резвость, а такой широкий до этого мир сузился до пределов небольшого села.

— Раньше я вон как далеко за грибами пешком ходил! — мрачно кивал дед за столом. — А теперь почти никуда не хожу.

— Как ты живёшь тут без нас? — спросил я его.

— Как-как? Вот так и живу. Работы много, расслабляться некогда. Утром встану, завтрак себе сготовлю, поем, косу наточу, пойду косить. Там уже обед пора готовить. Посплю после обеда, в саду поработаю — время к ужину идёт. Потом телевизор посмотрю и спать ложусь. Так и день проходит.

— А зимой что делаешь, когда в саду работы нет? — Зимой печку топлю, снег лопатой разгребаю — до калитки, до сарая

и до уборной. Работы много. Сам ведь знаешь, какие зимой дни короткие. Время, оно быстро идёт. Сам не замечаешь, как год за годом пролетают…

На приглашение приехать погостить деда Ваня сильно рассердился. — Ты что?! Они же тут всё растащут! Я их знаю. Одни жулики кругом, хлебом не корми, дай чего-нибудь стащить! — и Ваня принялся за долгую и богатую историю ограблений собственного дома. По его словам, отлучаться из дома более чем на сутки категорически противопоказано, так как о том, что хозяина нет дома, сразу становится известно всем от мала до велика в радиусе десяти километров, и всегда находится кто-то, кому захочется поживиться за чужой счёт.

«По мне, так лучше вырваться отсюда к родне, чем быть пленником четырёх стен», — подумал я, но вслух деду этого не сказал. Совсем скоро наступила пора прощаться. Перед отъездом мы с отцом пытались научить Ваню пользоваться мобильным телефоном. Без толку. Корабль прогресса проплыл мимо, оставив моего деда за бортом. — Не люблю я эти ваши штучки, — морщил низкие густые брови деда Ваня. — Не про меня это всё. Вы, вон, грамотные, вот и пользуйтесь. Да и слышу я похуже вашего. Бывает, звонит мне кто-то, я трубку снимаю, а что там в телефоне говорят, не разберу совсем…

Делать было нечего, и мы отправились на станцию.

— Теперь уже долго не увидимся, — сокрушался дед. — Опять буду один весь год. Дожидаться смерти буду, — последнее вырвалось у него помимо воли.

— Ну что ты, дед, — постарался подбодрить его я. — Ты у нас вон какой здоровый! Лет до ста ещё жить будешь! — Ваня только рукой махнул. Только потом до меня дошло, что прожить ещё семнадцать лет в одиночестве — это страшно.

Послышался гудок — на станцию Дормидонтовка прибывал поезд «Владивосток — Благовещенск». Мы с дедом обнялись. Я взглянул в это мягкое старческое лицо. Увидимся ли мы ещё? Так вышло, что проститься нам пришлось по разные стороны платформы. Мы с отцом — с одной, деда Ваня — с другой. Стуча

колёсами и рыча, поезд отрезал нас друг от друга. Ввалившись с сумками в купе, мы с папой прильнули к окну, надеясь увидеть машущего нам рукой деда. Но там никого не было, платформа была пуста. Деда Ваня ушёл. Он не любил сантиментов.

Июль 2011, Дормидонтовка — Благовещенск

РОЗОВОЕ НА ЧЁРНОМ

Чёрное на розовом! Розовое на чёрном!
Быть собой не просто, но легко быть гордым!
Кто же ты, ответь нам! Не жить же для себя?!
Вступай скорее в стаю отчаянных ребят!

Поведай, кто ты есть и дыши спокойно!
Просто бить за честь — тяжело быть вольным!
Чёрное на розовом! Розовое на чёрном!
Быть собой позорно, быть как все — почётно!

Над площадью сгущались тучи. Затхлый напоминал цемент — протяни руку, и она по локоть увязнет. Памятник Ленину суровым древним истуканом взирал сверху вниз на городскую площадь.

Их взгляды встретились. Один — хищный, пронзающий из-под низких бровей. Второй — угрюмый и мрачный, с трудом различимый за густыми волосами, скрывающими лицо. Братья напряжённо смотрели друг на друга. Казалось, стоит кому-то встать меж этих двух огней, и он будет убит наповал.

— И что ты намерен делать? — спросил один, высокий долговязый парень с неопрятной шевелюрой на лице. — Убьёшь меня? Или отберёшь мобильный, а дома вернёшь, пряча глаза?

— Закрой пасть, — процедил второй, атлет с короткой стрижкой «ёжиком», в спортивном трико поверх обнаженного торса. — Я не собираюсь выслушивать твое нытье.

— Так чего ждёшь? Вот он я! Давай, один на один! Или ты только в стае крутой?

Лицо атлета почернело, но он ничего не ответил.

Последовала короткая вспышка. Грянул гром.

Антон и Михаил родились в один день с разницей в пятнадцать минут.

Михаил был старше и считал себя главным в их паре. С детства он был заводилой и душой компании. Энергии в нем, казалось, могло хватить на целую толпу ребятишек. Юркий, нахальный и совершенно не боящийся наказания ребенок уже в детском саду прослыл грозой воспитательниц — так нравилось ему бросать вызов старшим. Раз на новогоднем утреннике он сорвал с любимой наставницы юбку, открыв пораженным зрителям по истине незабываемое зрелище. Этот случай на оставшиеся до школы два года напрочь лишил Мишу возможности посещать садик, так что мальчик все свободное время проводил на улице.

Мишу манил спорт. В шесть лет родители отдали его в секцию бокса, где он скоро начал делать успехи. В восемь он стал лучшим учеником группы, а в десять выиграл первое серьёзное соревнование. Увы, из-за вспыльчивости и постоянных конфликтов с тренером спортивная карьера его не задалась, как и учеба в школе. Он охотно пускал кулаки в ход, как в спортзале, так и за его пределами. Постоянные жалобы одноклассников, наплевательское отношение к учебе, частые прогулы, дерзость… Нет ничего удивительного, что на всех контрольных его старились «завалить», а это было совсем нетрудно.

Зато с амурными делами у Миши всё было прекрасно. Обаяние, слава «плохого парня» — что ещё нужно, чтобы нравится девушкам? В четырнадцать лет он расстался с невинностью, а в шестнадцать количество его подруг уже перевалило за десяток. С одной девушкой он долго не встречался. Едва добившись своего, Михаил тут же находил новую подругу, оставляя старую ни с чем. Ему нравилось жить одним днем, искать новые ощущения, о будущем он не задумывался.

Антон совершенно не походил старшего брата. Он всегда был очень спокойным мальчиком, слушался учителей и воспитательниц, не шалил, не поддерживал авантюр Миши и вообще был такой тихий, что родители нарадоваться не могли. Часто быва-

ло, другие дети смеялись над Антошей, а он сидел, насупившись, в сторонке с книжкой в руках и ничего не мог ответить, и только вечером в темной спальной со злостью избивал подушку и тихо плакал, чтобы мама не услышала. Несколько раз Миша вступался за брата, до синяков избивая его обидчиков, но скоро махнул на это дело рукой — не всю жизнь же с ним возиться? С первых лет в школе Антона прозвали «ботаником», частенько поколачивали, и класса до шестого не было месяца, чтобы Антоша не приходил домой без синяка под глазом или разбитого носа. Потом, когда ребята стали умнее, и драки остались позади, на Антона просто перестали обращать внимание, так что единственными собеседниками мальчика стали учителя и книги.

Отношения с девушками тоже были не на высоте. Брошенные Михаилом, они бежали к Антону, ожидая найти в нём хоть каплю того, что их влекло в старшем брате, но каждую ждало разочарование. Девушки, не знакомые с Мишей, вообще не замечали Антона, а самостоятельно знакомиться с ними у него духу не хватало.

В жизни Антон разочаровался очень рано, поэтому при любой удобной возможности старался от нее уйти. Зачитывался фэнтези, часами играл в компьютерные игры, блуждал под чужим именем по форумам в сети. Так и жил.

В общем, общего у братьев было немного. Жили в одной комнате да в школе сталкивались иногда, а так будто и не родные вовсе. Даже не ссорились. Но настал в их жизни момент, когда их пути разошлись настолько, что даже жизнь в одной комнате стала для них непростой.

Раз, вернувшись домой с прогулки, Антон кинул сумку на кровать, отчего портфель громко брякнул. На шум в комнату вошёл Михаил.

— Что это на тебе?

— Что, нравится? — глядя в зеркало, сказал Антон, довольный эффектом. На Антоне мешком свисала чёрная кофта с глубоким капюшоном и размалёванным лицом вокалиста «Tokio Hotel»

на груди. На бёдрах, удерживаемые ремнём с металлическими бляхами, еле держались рваные джинсы с тяжёлой цепью на боку. На руке висели большие чёрные часы в виде черепа, а из нижней губы выпирал внушительных размеров стальной шип. Этот последний аксессуар придавал вытянутому лицу Антона такой экзотический вид, что Михаил даже не сразу узнал его. Новомодная субкультура совсем недавно посетила их провинциальный городок, но одетых так ребят уже можно было встретить на каждом шагу.

— Ты и губу проколол? — спросил Михаил. Удивить его было не так-то просто, но Антону это удалось. — И с каких пор ты этот отстой слушаешь? — Он ткнул пальцем в лицо на толстовке.

— Сам ты отстой! — обиделся Антон. — Я ещё не слушаю. Только начинаю, — он достал из сумки два диска «Tokio Hotel» и «Cinema Bizarre». Взгляд Михаила упал на кровать, где лежала сумка, и он понял, что издавало такой странный звук. Спереди портфель была покрыт чешуей блестящих значков. Значки были самыми разными: большими, маленькими, яркими, тусклыми, красивыми и не очень. Антон подошёл к созданию нового образа основательно.

— Так ты в *эмо* записался?! — удивление Михаила сменилось раздражением.

— Типа того, — Антон смущенно кивнул. — Там на площади есть неплохие ребята, мне с ними интересно.

— Что там может быть интересного?! Рыдать целыми днями и мечтать, как бы вскрыть себе вены?

— Шаблонные фразы непосвящённого. Большинство неформалов очень умные и образованные, просто они так видят мир.

— Ага, а ещё ими становятся те, кто среди нормальных людей чувствует себя лохом.

Антону нечего было ответить. Взяв сумку, он молча обулся и вышел. Михаил проводил его мрачным взглядом. Что-то подсказывало ему: это не кончится простым надуванием губ.

Как-то вечером Антон прогуливался с девушкой по тенистой

аллее. Ее звали Катя, и она была красива до неприличия. Антон целый месяц готовился, чтобы к ней подойти и пригласить ее погулять. Наконец, он решился, и случилось чудо, она согласилась! И теперь они шли рядом и беседовали, и это был не сон!

— Сэлинджер мастерски владеет словом, с этим н-никто не спорит, — говорил Антон Кате, слегка заикаясь от волнения, — но вот идейная составляющая его романа мне н-не нравится. Какое право имеет человек обвинять общество в фальши, когда сам н-на каждом шагу лжет и лицемерит?

— Я не читала этого… — зевнула Катя.

— Сэлинджера.

— Да. Думаешь, стоит? Кстати, тебе нравится ходить босиком по траве?

— П-по траве? А что в этом такого?

— Ну как, что? — Катя скинула босоножки и ступила на газон. — Это же так приятно — ощущать, как мягкая травка щекочет тебе ноги… Ай!

— Что случилось? — перепугался Антон.

— Тут стекло… Я, кажется, ногу поранила! — из глаз девушки брызнули слезы.

— Спокойно, все хорошо! Ничего страшного не произошло…

— Как это не произошло! Я же крови боюсь до одури! А-ай, как бежит… — Катя почти рыдала. На ноге ее действительно виднелась большая царапина, откуда быстрой струйкой бежала кровь.

— Успокойся, сейчас что-нибудь придумаем. Нужно промыть рану водой. Вот только где ее взять?

— Решай уже скорее, я сейчас в обморок упаду! — хныкала девушка, прыгая на одной ноге.

— Тут рядом фонтан есть, я тебя донесу, — сказал неуверенно Антон, обхаживая Катю со всех сторон, поглаживая ее по плечам.

— Давай… Только скорее!

— Да-да, сейчас… Сейчас… — и Антон осторожно поднял девушку на руки. Это был первый раз, когда он прикасался к ногам девушки и обнимал ее за плечи. Для Антона Катя оказа-

лась довольно тяжелой. Уже сделав несколько шагов, он покрылся испариной, метров через двадцать руки его заныли и затряслись, а через сто… разжались, и Антон вместе с плачущей Катей рухнул на землю.

— Прости, прости, прости меня, пожалуйста! — умолял он секунду спустя.

— ИДИОТ! — вопила она вся в пыли. — Слабак! Рохля! Ботан несчастный! Зачем я только согласилась на этот дебильный спор?!

— Какой еще спор? — опешил Антон.

— Тебе-то какое дело? — огрызнулась Катя, разглядывая разбитые колени. — Поспорили с девчонками, что я не смогу провести рядом с тобой больше часа… Да с тобой и минуты рядом не пробыть, ты, жертва Бухенвальда!

— Позволь я тебе помогу… — Антон робко протянул девушке руку.

— Не прикасайся ко мне своими клешнями! И вообще не приближайся по мне больше! Пошел!

Сердце Антона упало на дно живота и там раскололось на тысячи мелких осколков. Горло сдавили стальные тиски. Унижен, раздавлен, убит!

Он бросился бежать прочь от этого места, оставив раненую Катю в пыли вытирать влажной салфеткой синяки и ссадины. Бежал, пока совсем не обессилел — метров двести. Достал сигарету и закурил. К этому он пристрастился недавно, когда пацаны в школе сказали, что с сигаретой «его прыщавая морда смотрится не так дебильно». Вдохнув в легкие горький дым и прокашлявшись, Антон пошел к остановке.

На душе было так, словно туда долго старательно плевали и гадили. Как она могла так поступить с ним, пойти на это отвратительное пари? Не настолько же он омерзителен, чтобы не суметь провести с ним хотя бы час! Хотя их свидание не продлилось и пятнадцати минут…

Еще была смертельная обида за себя, за то, что он не смог её удержать, а ведь пройди он ещё всего пару сотен метров, и всё

было бы совершенно по-другому… Вся жизнь могла бы измениться к лучшему. Но он не смог.

Дорога домой проходила через площадь Ленина, мимо памятника вождю. Антон ходил здесь тысячи раз и давно привык к неформалам, облепившим памятник со всех сторон. Мёдом им здесь что ли намазано? Раньше говорили, мол, больше всего Ильича любят голуби. Но для Антона сей вопрос был решен давным-давно: не голуби, а эти вот чёрно-розовые детишки.

— Эй, друг, огоньку не найдётся? — окликнул его один из неформалов.

— Твои друзья в канаве лошадь доедают, — ответил Антон фразой из какого-то фильма.

— Парень, ты чего?

Нервы Антона сдали.

— А ничего!!! — крикнул он, остановившись. — Как меня вы достали! В школе, дома, на улице! Как там у Грибоедова? «Какие-то уроды с того света»! Здесь уроды, там уроды! Какой-то мир уродов получается!

— Ни фига себе, пацан, тебя штырит! — восхищенно протянул один из неформалов.

— Не трогай ты его, у меня в зажигалке еще чуть-чуть осталось… — сказал кто-то из компании.

— Чего вам всем от меня надо??! — кричал Антон, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Я что, какой-то особенный?!

— Да всё-всё, успокойся! — отмахнулся от него курильщик, делая затяжку. — Иди, куда шёл…

— Да-да… — робко кивнул Антон, когда гнев вдруг прошел. — Извините, ребят, я это так… не нарочно. Простите…

— Да мы все понимаем, — улыбнулась девушка с густой челкой, спадающей на глаза. — С каждым бывает.

— Вы правда не в обиде? — спросил Антон, удивленно глядя на незнакомку.

— Конечно, нет! — сказала она. — Хочешь, приходи к нам, когда настроение будет. Пообщаемся…

Антону вдруг так захотелось усесться с ними прямо здесь, под

памятником, и, закурив, слушать их байки, но что-то не давало ему этого сделать.

— Вообще я с кем попало на улице не знакомлюсь, — вдруг очень зло сказал он и, не оглядываясь, быстро зашагал прочь. Неформалы только плечами пожали.

Антон ехал в автобусе и мысленно обзывал себя последними словами. Денек выдался не из лучших, как всегда, впрочем. Но чем-то он все-таки отличался. Та девушка у памятника, ее улыбка… Она глубоко запала Антону душу. Впервые кто-то так улыбался ему. Улыбки родителей, брата, учителей… Это все не то! Они ничто по сравнению с этой улыбкой. От нее веяло… пониманием. Зачем он был с ними так груб? Они же не сделали ему ничего плохого.

Антон не спал всю ночь. Что, если среди этих ребят он найдёт то, чего никак не мог отыскать? То, что ему не могла дать даже семья — понимание. Что мешает попробовать? Что он теряет?

На следующий день Антон пришёл на площадь и, встав недалеко от памятника, стоял там до тех пор, пока его не позвали. В компании не задавали вопросов. Они просто приняли его к себе.

Так началась его новая жизнь. Ребятам в компании было интересно его мнение о Сэлинджере, и Антон не стеснялся высказываться; впервые он чувствовал себя полноправным членом коллектива. Очень быстро он отыскал и ту единственную, с которой, казалось, мог общаться целую вечность. Это была та самая девушка, которая тогда улыбнулась ему. Ее звали Эля. В ней ему нравилось буквально всё: нестандартная внешность, чувство юмора, начитанность — даже татуировки и проколотый язык! В общем, Антон влюбился.

Долгое время он стеснялся признаться брату, что стал одним из *этих,* и продолжал носить повседневную одежду. Но вот настал день, когда белые рубашечки и брюки опротивели настолько, что он не мог оставаться дальше. И Антон решился. Скоро на нем красовался совершенно иной наряд. Но чего-то по-прежнему недоставало, завершающей детали. Тогда он проко-

лол губу, вставив туда стальной шип, и покрасил некоторые пряди волос в черный. Музыкальные пристрастия изменились сами собой. Песни «Оригами», «Amatory» и прочий metal-core перекочевали в его mp3-плеер.

«Превращение» свершилось.

Как и ожидал Антон, старший брат был не в восторге. Ссориться с Михаилом и что-то доказывать ему он не стал, и просто ушёл. А идти Антону было некуда, кроме как к своим новым друзьям.

— Здорово, Тоха, — обрадовались ребята, оценив его новый прикид. — Чего кислый такой?

— Брат не одобрил мой новый стиль, — мрачно отозвался Антон.

— У меня та же бодяга, — сказал один из компании.

— И у меня.

— Да и у меня тож. Толерантности у людей, как у валенка!

— А у меня предки вообще грят, мол, выпрем тя из дому, если будешь носить цацки, как девка, и слушать эту хрень — это они про melodic-death так нелестно, — завелся высокий лохматый парень. — Я грю, мол, чё за гон? Они грят, мол, нормального сына хотим! А я чё, типа ненормальный, упадочный какой-нть?! Не, ну на фиг так жить?

— Бывают в жизни огорчения! Так что, Тох, ты тут не один такой! — сказал низкорослый крепыш, как новогодняя ёлка, весь увешанный цепями, и похлопал парня по плечу. От этих слов на душе Антона сразу стало светлее — не один такой, все-таки…

— Значит, меня уже не замечаешь? — раздался голос, и из-за памятника вышла она… Эля, девушка, которую Антон уже привык считать своей. Сердце томительно сжалось. Под дружные смешки и прибаутки приятелей Антон, качаясь, встал и сделал робкий шаг вперед. Большие глаза его, покрытые пеленой, заворожено смотрели на это белоснежное лицо, эту улыбку…

— Нет, что ты! Конечно же, нет… — Антон легонько обнял девушку и нежно поцеловал. Или это она его поцеловала… Мир

просто прекратил свое существование. Они остались вдвоем, у подножия памятника человеку, не имеющему никакого отношения ни к их любви, ни к их жизни. Где-то там, за непроницаемым стеклом, стараясь не глядеть в их сторону, хихикали и переговаривались неформалы. Их тоже не было…

— …А Пауло Коэльо тебе нравится? — спросил Антон Элю, когда они, обнявшись, любовались розовым небом.

— Наверное, — Эля сделала легкую затяжку из тоненькой сигареты и выпускала в воздух облачко дыма. Ветерок подхватил его и медленно понес куда-то. — По крайней мере, некоторые произведения. Было даже время, когда я считала его кем-то наподобие пророка. У него есть поистине замечательные мысли, которые за самое сердце берут.

— Да, — Антон брал у девушки из рук сигарету и затягивался сам. Терпкий воздух наполнял легкие колючим теплом, и парень крепче прижимал девушку к себе. — Казалось бы, простые вещи человек пишет, незамысловатым языком, но когда закрываешь книгу, долго не можешь в себя придти, думаешь: как я раньше не мог додуматься до таких очевидных… и гениальных идей?!

— Да, так я думала лет в четырнадцать. Потом моя учительница литературы в школе спросила, что я читаю, я ей ответила. Тогда она мне сказала, что Коэльо — банальность и пошлятина, и что русские и европейские классики давно обо всем этом сказали, причем на гораздо более высоком художественном уровне.

— А дальше что было?

— А дальше… Дальше я почитала его последние книги и поняла: все, дядя исписался. А как тебе Паланик?

— Честно, никогда не читал, но слышал, что он очень тяжело пишет.

— У него своя философия, апология грязи, оксюморон пошлости — прекрасное в уродливом. Почитай. Если сразу не вырвет, значит, понравится.

— Эля…

— Что?

— Я первый раз разговариваю с девушкой о книгах… и мне отвечают так… как ты отвечаешь.

— Тебе что, все время попадались одни дуры?

— Нет, нет… Дурак не тот, кто глуп, а тот, кто не видит ума вокруг себя. Я очень часто задумывался, Эля, зачем я живу? Зачем я один, и почему не такой?

На минуту Эля задумалась. Ветерок колыхал ее чёрные волосы, и Антон любовался этим. Внезапно ему в голову пришла мысль, что он счастлив.

— Я тоже всю жизнь была одна, — наконец, сказала Эля. — В садике, в начальной школе я внешне ничем не отличалась от остальных девчонок — у меня были длинные каштановые косички и розовый сарафан. Я возилась с подружками в песочнице, играла с куклами, потом в школе бегала от мальчиков, которые приставали, при этом мечтала, чтобы меня догнали и повалили на пол… Писала любовные записки, смотрела сериалы по телеку… Но все это время между мной и остальными будто вырастала невидимая стена. Тебе знакомо чувство, когда хочется раскрыть душу, выпустить на волю потоки энергии, поделиться ею с людьми, а на сердце при этом будто огромный амбарный замок? Так, будто ты хочешь выговориться вволю, а тебе оторвали язык! Стена всё росла и росла, и к классу седьмому стала непреодолимой, прочной, как титан. Я не смогла пробить эту стену и тогда… я просто развернулась и пошла в противоположную сторону. И представляешь, там, на другой стороне, тоже были люди! Я тоже долго размышляла над этим, а потом вдруг поняла. Мы другие, Антон, затем, чтобы видеть *их* со стороны, также как они рождены видеть нас по-другому, в ином спектре, — Эля проводила взглядом одного из прохожих.

— В каком смысле «со стороны»?

— Природа общества такова, что абсолютное единство мнений исключено. Всегда были и будут люди, которые *против*, как бы объективно прекрасен и идеален не был мир вокруг. Мы — *такие*, Антон. Мы должны видеть и должны *быть против*.

— Быть против… Но что мы можем?

— Пока что — только учиться на примерах, которые преподает нам жизнь, — Эля докурила сигарету и бросила окурок к подножию памятника. — Или развлекаться!

— Что?

— Развлекаться. Балдеть. Тусить. Или тебе хочется философствовать до старости?

Эля посмотрела на часы:

— Через час в городском парке будет открытый концерт группы «Violence». Пойдешь?

— Пойду. А кто это?

— Как, кто? Самый крутой death-metal-core, который ты только можешь найти в этом болоте!

«Самый крутой death-metal-core» оказался бойз-бэндом из четырёх человек, играющим нечто, похожее на шум, который получится, если смешать звук водопада и визг циркулярной пилы. Ещё не зайдя в парк, Антон уже услышал оглушительный рев динамиков — концерт уже начался.

Держа Элю за руку, Антон пошёл на звук. В центре парка возвышалась сцена, а перед ней, лихо размахивая «козами», бесновалась небольшая толпа, человек двести. В толпе были, в основном, неформалы, лишь в сторонке Антон разглядел нескольких бабушек на лавочке, неодобрительно наблюдавших за происходящим. Раньше оказавшись в такой компании, Антон испытал бы нечто среднее между отвращением и страхом, но сейчас ему было вполне комфортно. На фоне диковатых причёсок и экстравагантных одежд его внешность не так уж бросалась в глаза.

Ребята из «Violence» вполне оправдывали своё название. Четверо парней: ударник, гитарист, басист, по совместительству back-вокал, и вокалист, который все время что-то орал, слюнявя микрофон, неистово месили на сцене инструменты. Казалось, умение играть для них так и осталось тайной за семью печатями. Две гитары совместно с ударными производили на свет такой страшный шум, что Антон, не привыкший к подобной музыке, поначалу даже поморщился. Однако не прошло и трёх минут, как

он заметил, что ему *это нравится!* Вся злоба на брата, на школу, на вероломную Катю и вообще на саму жизнь, вся жестокость в душе рвались наружу. Хищный восторг овладел Антоном.

— Тебе нравится? — проорала Эля ему в самое ухо.

— Да!!! — кричал он в ответ, размахивая «козой».

— Так и будешь в сторонке стоять? — подтолкнул его один из друзей-неформалов. — Пошли туда! — и он указал на пространство перед сценой. Там десятка два человек носились по огороженному лентой клочку земли, что было силы толкая друг друга плечами. В глазах их светилось что-то жуткое.

— Это слэм! По-английски «врезаться»... Пошли, это круто! — неформал сильно толкнул Антона, прямо в это месиво тел, рук, ног и голов.

Не успел Антон опомниться, как чей-то локоть заехал ему в челюсть, а в плечо с силой врезалась мясистая туша. Боль подстегнула инстинкты. Ожесточённо работая руками и ногами, он начал кружиться в танце, который придумали миллионы лет назад его далекие предки, вызывая дождь. Со всех сторон на Антона сыпались удары и тычки, и он отвечал тем же, уже не чувствуя ничего, кроме невиданной радости.

— У-БЕЙ СЕ-БЯ, У-БЕЙ ВСЕХ ВОКРУГ!!! — низко рычал солист со сцены, используя «growling».

— У-БЕЙ СВОЮ СЛАБОСТЬ, БОЛЬ И ИСПУГ!!! — вторил ему тонкий противный «scream» второго вокалиста. Неистовый бой барабанов, треск электрогитар сливались для Антона в одну божественную мелодию бунтующей души, долго страдавшей от одиночества.

— БУМ-БУМ, БУМ-БУМ, БУМ-БУ-БУ-БУМ-БУМ!!! — громыхали барабаны.

— ВЖИИИИИИИИИИИИЙЙЙАААААААУУУУУУ!!!!!! — визжала гитара.

— Г-Р-Р-РАААА!!! — ревели вокалисты.

Казалось, эта вакханалия была слышна по ту сторону земли. Сам воздух в ужасе сотрясался, не в силах спокойно сносить голоса передовой молодежи. Имя всему этому было одно —

«Violence».

Пока Антон искал себя, чем был занят старший, Михаил? Современный Маугли, воспитанный стаей уличных волчат, он так же не смог вернуться «к людям». Михаил презирал слабость, не любил позёрство, потому путь в неформалы для него был закрыт. Ему очень нравилось жить, потому что жизнь он считал своей подругой, всегда дающей все, что он захочет. А хотел Михаил немногого, но часто. Так, часто его можно было увидеть сидящим с дружной компанией в беседке с сигаретой или бутылкой пива. Или слоняющимся в два часа ночи между угрюмых пятиэтажек. Или отплясывающим в ночном клубе в обществе очередной подруги. Про таких, как Михаил, говорят: вырастая, они становится либо хозяевами жизни, либо, ее рабами. Красивый, смекалистый, популярный и наглый — чего еще нужно для счастья? Но была у него одна прескверная черта — он был «исследователь». Открыв новое ощущение, Михаил быстро начинал скучать и переходил к чему-то новому. А потому незадолго до того, как Антон нашел себе новых друзей, старший брат оставил свой обжитый район, насиженную беседку, теплых и на все согласных девочек и отправился на поиски новой гавани. Скоро он тоже обзавелся интересной компанией.

Это были ребята, жившие в районе железнодорожного вокзала. В свободное от школы или «фазанки» время они подрабатывали грузчиками, перетаскивая тяжеленные тюки и баулы, а всё заработанное спускали на пиво в ближайшем киоске. Если денег не хватало, подкарауливали одиноких прохожих, отнимали у них телефоны, часы и украшения, и продавали местному барыге за ту же самую мелочь — это занятие они называли «ремеслом». Вокзальному участковому не было дела до обнаглевшего хулиганья. «Всех гадов из пруда не выловишь», — думал блюститель порядка, который, кстати говоря, изрядно побаивался местной шпаны. От жалоб участковый отмахивался, говоря, что у него нет времени на ерунду, и что он занят поимкой опасного маньяка-насильника. Потому вокзальная компания оставалась

безнаказанной, а «ремесло» процветало.

Одним темным вечером Михаил бродил в районе вокзала. Ему было скучно, и единственным желанием парня было, чтобы что-нибудь произошло. Проходя мимо путей, он свернул в проход под аркой и наткнулся прямо на группу плечистых парней. Они сидели, прислонившись к стене и пили пиво. Любопытство взяло верх, Михаил остановился и стал их разглядывать. Парни смотрели на него и угрюмо молчали.

— Чё зыришь? — сказал один, самый мелкий, но другой его осадил, затем нехотя встал и вразвалочку подошел к Михаилу.

— Дружище, угости сигареткой? — спросил подошедший. Михаил не стал отвечать и, припомнив боксерские уроки, просто окунул свой кулак в живот незнакомца. Тот свернулся на земле калачиком и застонал. Подлетели ещё двое — секунда, и драчуны сползли по стенке. Тут уж вся компания снялась, но один, самый здоровый отозвал их.

— Погоди, друг, — сказал он, уважительно глядя на кулаки Михаила. — Не горячись! Прости моих друзей, они не хотели тебя обидеть. Сядь с нами, выпей!

— А чё вдруг такое гостеприимство? — насторожился Михаил.

— Мы уважаем силу. А ты классно дерешься, — главарь шайки подошел к Михаилу и протянул ему руку. — Я Негр. Кликуха такая.

— Миха, — они пожали друг другу руки.

Так завязалось новое знакомство Михаила.

Прошло время. Михаил, Негр и ещё несколько парней сидели на лавочке в тени у подъезда и пили пиво. Оно было тёплым и противным, но денег на другое не было. При свете заходящего солнца старший брат внимательно рассматривал вожака. Свое прозвище Негр оправдывал на все сто. Это был очень высокий, атлетически сложенный молодой человек лет двадцати с чёрными курчавыми волосами. От тысяч выкуренных сигарет и загара кожа его потемнела настолько, что приобрела серо-коричневый землистый оттенок. Негр частенько улыбался во весь рот, и его

на удивление белые зубы напоминали оскал людоеда Новой Гвинеи.

Михаила все мучил один вопрос, но он никак не решался его задать.

— Чё ты, братко, тухлый такой? — спросил его Негр, глотая тёплое пивко.

— Да я всё не пойму. Вот ты такой умный… Ну, мозги-то у тебя точно есть.

— Это уж как пить дать, — Негр самодовольно улыбнулся.

— Так на фиг тебе это надо?

— Чё надо? — не понял Негр.

— «Ремесло» твое. Ты ведь, если б захотел, столько бабла закосить мог! — высказал Михаил, наконец, свою мысль.

Негр перестал улыбаться.

— Думаешь, я это ради денег? — высокомерно сказал он.

— Вот я и думаю: нафига?

— Да так… Прикольно мне. Потому что я так могу. Потому что я сильнее, — Негр возвел глаза к небу и оскалился по привычке. — Телефон отработать — всё равно, что унизить… Ништяк, понимаешь? Это как в джунглях, сильный поедает слабого. Я сильный, а кто-то слабый, и этой слабостью грех не воспользоваться!

— А тебя не смущает… ну это… Это же преступление, как никак? — продолжал любопытствовать старший брат.

— Заладил: преступление, наказание… В Эрэфии закон есть: не пойман — не вор! Какому-нибудь жирному уроду в лакированном кабинете можно грабить и унижать народ, а мне, пролетарию, который на двух работах вкалывает, и душу отвести нельзя? «Ремесло» для меня это… это… Ай, чего языком трепать! Вон, цени, чешет один… Ща будет весело.

Вожак ткнул пальцем в светловолосого мальчика лет тринадцати в коротких шортиках и майке с Микки-Маусом на груди. Округлое лицо его с голубыми глазами светилось добродушием, что Михаилу вдруг захотелось, чтобы этот малец оказался как можно дальше отсюда.

— Зырь, Миха. Тут вся фишка в психологическом давлении, — сказал Негр и зычно крикнул. — Эй, пацан! Ди сюда!

Парнишка чуть не подпрыгнул от неожиданности и замер на месте не в силах пошевелиться, мучительно решая, дать дёру или подойти. Так кролик замирает от ужаса, увидев поджидающего в засаде удава.

— Да иди сюда, не укушу! — угрожающе позвал главарь. В глазах его светилось вдохновение. Трясущийся осиновым листом паренёк, поняв, что деваться некуда, на ватных ногах подошел. Ловушка захлопнулась.

— Д-да? — сказал он робко.

— Чё «д-да»? — передразнил Негр. — Чё так долго шел? Я тебя чё, ждать должен?!

— Н-нет… — ответил мальчик, с ужасом видя, как его окружают со всех сторон.

— Чё ты все заладил «д-да, н-нет»? Заика что ли? — Негр угрожающе надвинулся на мальчика. Парни вокруг захихикали. Михаил, сидя в сторонке, внимательно разглядывал заусенцу на ноге.

— Н-нет…

— Ну я ж грю: за-за-за-заика! — вожак скорчил уморительную рожу, и дружки его прямо таки взорвались от хохота. — Сядь, выпей с нами.

— Я не хочу…

— Ты нормальным пацанам отказывать будешь??? А ну пей! — и Негр грубо всучил мальчику початую бутылку с пивом. Тот брезгливо поглядел на нее, потом на окруживших его здоровенных детин и сделал маленький глоток, сильно поморщившись.

— Вот молодца! — скалящийся вожак хлопнул мальчика по плечу, так что тот чуть не выплюнул пиво заодно со всеми внутренностями. — О, гляжу, у тебя часы есть…

— Е-есть…

— КОТОРЫЙ ЧАС, СКАЖИ!!! — неожиданно заорал на ребенка Негр, так что голова у того вжалась в плечи, а глаза часто-

часто заморгали от страха. Даже Михаил, не ожидавший такого, поежился.

— Без десяти шесть, — ответил мальчик, когда ему удалось подчинить себе немеющую руку и взглянуть на циферблат. Часы были дешевые, больше полтинника за них выручить было нельзя. Негр это знал, но деньги ему были не нужны. Он развлекался.

— Сдается мне, ты шалабол, парень! — продолжил экзекуцию вожак, перейдя на нормальный тон. — Какое на фиг без десяти шесть, когда солнце еще высоко! Ты видно чё-то напутал! Дай-ка сюда часы, я посмотрю. Да не так, че ты мне свое копыто тянешь? Ты сними и дай, я тебе их переведу, как надо!

Мальчик недоверчиво снял часы и протянул Негру. Тот, мельком взглянув, сунул их в карман шорт и снова оскалился.

— Да, пацан, плохи дела с твоими часами! У меня тут один знакомый часовщик есть, я ему дам, он глянет, а через недельку приходи сюда, на это же место, я тебе их верну, — и Негр весело подмигнул Михаилу, который за всем этим наблюдал. Мальчик хотел запротестовать, но вожак стаи его перебил. — Слушай, друг, раз уж я тебе такую услугу оказал — часы на починку взял — может, дашь мне свой телефон на пару сек? Я позвоню и отдам, честное слово!

— Н-нету у меня телефона, — развёл руками мальчик, тоскливо разглядывая карман, в котором исчезли его часы. В этот самый момент у него у самого в джинсах что-то громко задребезжало, после чего послышалась легкомысленная мелодия. Выпученные от ужаса голубые глаза только позабавили компанию.

— Чё ты мне тут ...здишь? А в кармане чё?

— Те-телефон...

— Сам вижу, что телефон! Давай сюда, осел ты безмозглый!

— Мне мама звонит! Она меня ждет! — голова мальчика быстро-быстро завертелась в поисках кого-нибудь, кто мог бы помочь. Но улица была пуста, и даже в окнах домов он не увидел ни одного лица.

— Ничего страшного. Пождет. Ты чё, ещё и глухой? Давай телефон, тебе говорят!

— Меня дома ждут! Мне надо идти! — пробормотал мальчик и попробовал было уйти, но рука Негра впилась ему плечо.

— Нехорошо, когда с тобой разговаривают, к людям жопой поворачиваться! — проговорил вожак, крепко сжимая пальцы.

— Ай, больно! Пусти, меня мама ждет! — захныкал мальчик.

— Да нас… я на твою маму! Мобилу гони, г… н штопаный!

— Н-не да-ам! — мальчик, уже не стесняясь, плакал. У Михаила в груди больно кольнуло, кулаки сами сжались, но он, опустив голову, сдержался.

— Ты чё ноешь, как баба? — толкнул мальчика гопник по правую руку от Негра. Толчок был больше похож на удар.

Тут нервы у мальчика окончательно сдали.

— ОТПУСТИТЕ МЕНЯ-А-А!!! — заорал он изо всех сил, вырвался и бросился в щель между окружившими его хулиганами. Но мальца ловко скрутили, а Негр три раза угостил его крепкими ударами — в нос, в грудь и в живот. Ребенку этого оказалось достаточно. Тихо хрипя, он сел на землю и с трудом задышал. Тело его сотрясали горькие всхлипывания, из носа потекла струйка крови.

— Мобилу давай, — тихо сказал главарь, хватая мальчика за светлые, как солома, волосы. — А то твою голову мама завтра получит по почте. Ты понял, нет?

Мальчик судорожно кивнул и сунул в протянутую ладонь Негра свой старый поношенный телефон, очевидно доставшийся от матери.

— И стоило из-за такой дешевки ломаться! — разочарованно протянул вожак. Тут он с яростью швырнул телефон об стенку, так что он разлетелся на части. — Вали отсюда, и чтобы я тебя здесь больше не видел! Будешь кому жаловаться, найду и убью! — угрожающе пообещал Негр, напоследок дав мальчишке увесистый пинок под зад. Тот, одной рукой утирая залитый кровью нос, а второй держась за живот, согнувшись, быстро засеменил прочь, пока не скрылся между домами.

— Видал, как я его? — почти счастливо спросил Михаила Негр.

— Видал…

Михаил чувствовал себя так, будто наелся грязи. Перед глазами стояло заплаканное, испачканное кровью лицо ребенка. Шел себе, никому дурного не делал… За что его так? А он сам сидел и смотрел…

Рядом, как довольный индюк, нахохлился вожак. Он увлеченно рассказывал про свое «ремесло». Михаил его не слушал.

— …Понимаешь, главное — привлечь внимание… чтобы он остановился, заговорил с тобой… если быстрым шагом идёт, лучше не трогать, а то убежит… можно иногда «прикормить». Знаешь, как рыбу прикармливают? Жвачку дать или, например, пива… подобреет, легче расстанется с добром…

Негр говорил долго и важно. Когда речь шла о любимом занятии, на вожака обычно нападало красноречие. Брань и жаргон исчезали, предложения сами выстраивались в ровный монолог. В душе Негр был дипломатом, и кулаки были не главным его оружием. Из этого парня вполне мог бы получиться неплохой психолог или адвокат, если бы не родители. Они у него были алкоголики, постоянно дрались между собой и частенько срывали злость на сыне, так что он редко слышал от матери с отцом ласковое слово. Негр сначала очень страдал, но потом, переночевав пару раз на чердаке, привык. За годы метаний между улицей и отцовским домом он окреп, заматерел, а вылетев из школы за прогулы, устроившись грузчиком в двух местах и пристрастившись к «ремеслу», и вовсе зажил самостоятельной жизнью. Дома появлялся редко, днем работал, ночевал у друзей или же, когда разрешали, в багажном отделении.

— Много хитростей есть, Миха… Книгу можно писать! Жалко, у меня всего восемь классов… — проговорил Негр, закончив рассуждать. И тут взгляд его впился в одну точку. — Гляди, ещё один идёт, нефор, кажется. Ну, этот у меня так легко не отделается… — добавил он. Приглядевшись, Михаил увидел, как по дорожке мимо брёл его брат. Довольный Антон возвращался домой с концерта. Действовать нужно было быстро.

— Братан, ты так круто все разъяснил! Дай, теперь и я попро-

бую! — сказал Михаил и побежал догонять удаляющегося неформала. — Эй, пацан! Стой!

— Вот это наше человек, — одобрительно проговорил Негр ему вслед.

Нагнав Антона, Михаил с силой хлопнул его по спине, чтобы со стороны это выглядело, как удар. Гопники сзади весело загомонили.

— Какого… Брат? — удивился Антон. — Ты здесь откуда?!

— Притворись, что меня не знаешь, — процедил сквозь зубы Михаил. — Пошли, отойдём подальше.

И он отвел Антона на такое расстояние, чтобы не было слышно, о чём они говорят.

— Теперь отдай мне свой телефон, — потребовал Михаил.

— С чего вдруг?

— Давай телефон, дурак! — раздраженно зашипел старший брат. — Если не отдашь, те братки за моей спиной тебя прикончат! Да и меня, пожалуй… — добавил он нехотя.

— Что вообще происходит, я не понял? — рассердился Антон, но от взгляда брата осёкся.

— Молчи, идиот! Просто дай телефон и свали по-хорошему, а мобилу я тебе вечером верну. Обещаю!

— Ну ладно, если уж так просишь… — телефон Антона перекочевал в карман старшего брата. — Но вечером тебе придется всё мне разъяснить!

— Да-да-да! Всё, а теперь иди отсюда и как можно скорее!

С этими словами Михаил сделал вид, что пнул Антона (хотя тот этого даже не заметил) и быстрым шагом вернулся к поджидающей его компании. Негр выглядел недовольным.

— Что-то ты как-то мягко с ним обошёлся, — сказал он. — Врезал бы хоть пару раз…

— Я просто еще не достиг такого уровня, как ты, — отозвался Михаил, показывая отобранный телефон.

— А-а, ну ладно. Ничего, скоро научишься, — оскалился польщённый Негр. Такой ответ его вполне устраивал.

В комнате было темно. На заправленных кроватях лежали двое братьев и отрешённо смотрели в потолок. Телефон Антона тускло поблёскивает на тумбочке хозяина. Тишину нарушало еле заметное тиканье часов на стене.

— Скажи, — первым нарушил тишину младший, — что это такое сегодня было днем?

— Не твоё дело, — буркнул Михаил.

— Не моё? А я тебе скажу. Это была жадность.

— Жадность? Какая ещё жадность?

— Кто пытается усидеть на двух стульях, с обоих и свалится.

— Какие стулья? Чё ты мелешь?

— Нельзя служить двум богам одновременно! — начал закипать Антон.

— Не пори туфту, я вообще в богов не верю!

Младший брат взял себя в руки, хотя и с трудом.

— Ты безнадежен, — проговорил Антон, устало закрыв глаза руками. — Абсолютно. Хорошо, обойдемся без метафор. Нельзя общаться с гопотой и при этом оставаться чистеньким! Так понятно?

— Ты меня ещё жизни учить будешь, попугай хренов?! — возмутился Михаил. — Ты себя в зеркало хоть видел?

— Говори тише, — прошептал Антон. — Родители спят. — Михаил в темноте недовольно пошевелился. — Неужели ты думаешь, что твои друзья намного лучше моих? Мне одного взгляда на них хватило, чтобы всё понять.

— Не знаю, как насчет «лучше», но сильнее точно. А ещё я их понимаю.

— Сильнее? А в чем сила? Отбирать у детей мобильники, выпивать и курить в тёмных углах, бить морду таким же утыркам из соседнего района? Богатыри! Так вот на чьих плечах Россия держится! То-то я думаю, почему мой брат в их ряды так рвется?

— Уж лучше быть гопником, чем нефором! — огрызнулся Михаил.

— А что плохого в нефорах? Чем мы тебе не угодили? — Михаила задело «мы». — Обидели тебя, оскорбили?

— Вы меня тупо бесите!

— «Тупо бесите»! — передразнил Антон. — А что такое «аргументация» ты слышал?

Михаил думал недолго.

— Меня бесит, что твои дружки постоянно ноют, вопя о том, как хорошо было бы сдохнуть, вскрыв себе вены, и вообще сама философия ваша меня бесит! Ваше постоянно плачущее стадо — это не приспособленное к жизни поколение, которое своим видом не только раздражает других людей, но и попросту разжижает его своими слезами! А ещё вы эти черепа, фенечки дурацкие носите, как зулусы какие-нибудь!

— Да но…

— А еще про вас долдонят повсеместно! Куда ни плюнь, по телику, на улице, везде: эмо-готы-эмо-готы! НАДОЕЛО!!!

— Раньше я тоже так думал, что все эмо — подверженные суициду нытики! Но это неправда! Я общался с эмо. Я сам стал эмо! Они нормальные люди, просто *другие*.

— Да дебилы они.

— Это говорит тот, кто по ночам шляется по району в поисках приключений! Ты же ничего не знаешь о нас. Слово «emo» — кстати, правильно говорить «имо» и не «эмо» — от слово «emotional», то есть «эмоциональный»! Главное в этой культуре — это не скрывать свои эмоции. Хочешь плакать — плачь, хочешь смеяться — смейся, и никаких ограничений. И смерть тут совершенно не при чем! Искренность и протест — вот что здесь важно. Я увлекся этим, потому что устал лицемерить и корчить из себя того, кем я не являюсь! Я устал принимать окружающий мир таким, каким мне его навязывают!

— Хочешь, я тебе скажу, как это выглядит со стороны? — проговорил старший брат совершенно спокойно. — Придурки и лошки, которых нормальный коллектив отрыгнул, сбились в кучу, нацепили ярких тряпок, подвели под всё это идеологическую основу, свили себе гнездо у памятника и радуются!

— Если честно, мне плевать, как это смотрится, — отозвался Антон. — Ты не был внутри этого мира, *за стеной*, ты не знаешь,

каково это. Ты даже не представляешь, насколько я изменился за это время, насколько счастливее стал. Это как глоток свежего воздуха. Я обрел и любовь, и силу, и уверенность. Я знаю теперь, что не один, и от этого мне радостно! А вот радостно ли тебе — это ещё вопрос.

— Это не твоего ума дело, — мрачно сказал Михаил.

— Если бы ты был со своими друзьями до конца, то не стал бы притворяться сегодня. Избил бы меня и отобрал телефон. Но ты не такой, я видел.

— Заткнись, ничего ты не видел!

— Ещё как видел… Мне жалко тебя, брат! Тебе дан великий дар — ты находишься по правильную сторону *стены*, и найти сородичей для тебя не составляет проблемы. Я бы с радостью поменялся с тобой местами.

— Значит, тебе меня не жалко, а ты просто мне завидуешь. Тому, что я более успешный и общительный.

— Завидовал бы, но сейчас жалею! Ты ведь так бездарно используешь то, что тебе дано от природы…

— Знаешь, в чем самое забавное наше различие? — внезапно спросил Михаил. — В том, что я из своей стаи могу уйти в любой момент и тут же отыскать другую, а ты так и останешься придурком в чёрно-розовых шмотках, потому что ты зависим, а я нет.

Младший брат ничего не ответил.

— Антон, раз уж так по-идиотски получилось, что мы с тобой братья, то я хочу тебя кое-о-чём предупредить, — сказал старший холодно. — По-братски. Не ходи завтра на площадь.

— С чего это я должен тебя слушать?

— Видишь ли, завтра вечером на площади будет мясо. Нашему вожаку Негру захотелось крови твоих новых друзей, и он наведается к ним в гости, — голос его на мгновение дрогнул. — Я пойду с ним…

— Ты не сделаешь этого, — сказал Антон, как только пришел в себя от шока.

— Сделаю. Мой совет: не ходи завтра туда. Возьми свою тёлку и сходи с ней в кино на последний ряд. Если родоков дома

не будет, можешь её даже сюда привести. Отрывайся, как хочешь, но прошу тебя, не ходи.

— Я приду, — голос Антона был твёрд.

— Ты уверен? Ну… Раз уж так решил, я не буду тебе мешать.

— Спокойной ночи… брат!

— Спокойной ночи… псих.

Над площадью сгущались тучи. Из-под суровых бровей Ленин взирал с пьедестала на площадь, как воинственный бог Перун.

Антон явился к памятнику, как и обещал. Там его уже ждали. Визит незваных гостей не стал для неформалов сюрпризом. Младший брат предупредил друзей по телефону, и к компании у памятника успело прийти подкрепление — человек тридцать. Гопников же было всего десять, но их кулаки и боевой дух сводили численное превосходство на нет.

Михаил и Антон стояли лицом к лицу. Их взгляды метали молнии.

— И что ты намерен делать? — зло спросил младший брат. — Убьёшь меня? Или отберёшь мобильный, а дома вернёшь, пряча от стыда глаза?

— Кажется, он тебя знает, — подозрительно хмыкнул Негр. — Миха, о чем это чмо толкует?

— Ни о чём. Это мой брат, — процедил Михаил, и глаза Негра азартно загорелись. — Закрой пасть! Я не собираюсь выслушивать твое нытье, нефор! — это уже Антону.

Михаил распалял себя. Драться с братом ему не хотелось.

— Так чего ты ждёшь? Вот он я! — Антон также пытался вызвать в душе хотя бы искорку настоящей злобы, но чувствовал только грусть и страх за своих друзей. — Давай, один на один! Или ты только в своей стае крутой?

Сверкнула молния, и вдалеке глухо зарокотал гром.

— Антон, не надо! Он тебя убьет! — кричала Эля из толпы неформалов. Девушке хотелось прорваться вперед, схватить его за руку, оттащить, но ей не дали сделать и шагу.

Тут в голову Негру пришла интересная мысль.

— А в натуре, Миха, наваляй ты ему! — подстегнул старшего брата главарь. — Или мы тебе поможем. Пацаны, вы как?

— Не надо, я сам, — остановил Михаил уже готовых ринуться в бой гопников и сделал шаг вперёд. — Иди сюда, братишка! Посмотрим, чему ты научился в своих глупых книжках!

— Я с удовольствием расскажу тебе, — мрачно сказал Антон, вышел вперёд и приготовился к боли. — Знал ли ты, что великий русский писатель Лев Николаевич Толстой за свою жизнь не только написал «Войну и мир» и «Анну Каренину»?

— Чё??? — опешил Михаил.

— Главным плодом его умственного труда стала идея непротивления злу насилием. Слабый, не противясь, побеждает сильного. Интересно, не правда ли?

— Ты сбрендил? Че ты несешь?!

— Миха, чё ты тупишь, вмажь ему! — крикнул из-за спины парня Негр, которому весь этот спектакль порядком надоел.

— В начале двадцатого века, — продолжал говорить Антон, — в Индии, которая тогда была крупнейшей колонией Британской империи, жил Мохандас Карамчанд Ганди. Его потом стали называть просто Махатмой — «Великой душой» Ганди. Потрясенный идеей Толстого, в борьбе за свободу от британского колониализма он разработал стратегию, которую назвал *сатьяграхой* — «упорством в истине»...

— Ну все, ты меня достал! — крикнул Михаил и, подбежав, с такой силой вонзил кулак в живот брата, что Антон согнулся пополам. Где-то позади послышался вскрик Эли.

Секунд восемь Антон пытался отдышаться, держась за отбитый пресс. Ему было очень больно, но он всё же выпрямился и продолжил:

— Сатьяграха — оружие правды, — прокашлял он. — Победа не с теми, у кого сила, а с теми, у кого правда. Так было всегда...

Аргументировать Антон не успел. Кулак Михаила врезался ему в левую скулу, чуть не свернув парню шею. Толпа гопников заулюлюкала. Левый глаз Антона опух, и минуту спустя он уже

не мог им видеть.

— Миллионы индийцев уверовали в силу сатьяграхи, — плюнув на асфальт кровавой каплей, сказал Антон, с убийственным спокойствием потирая скулу. И гопники, и неформалы смотрели на него с ужасом. — Они отказывались работать на британских заводах, голодали, не покупали британские товары, даже вместе пошли к Индийскому океану за солью — лишь бы не брать соль у англичан…

За этим последовал ещё удар. На этот раз Антон не смог удержаться на ногах и, пошатнувшись, упал на асфальт, оцарапав ладони.

— Их избивали, сажали в тюрьмы, даже расстреливали… — говорил Антон, растягивая губы в жутковатой кровавой улыбке. — Ничего не помогало. А потом началась Вторая мировая, и экономика Англии лопнула. Индия обрела свободу…

Капля за каплей начал моросить дождик. Глаза Михаила набухли от сдержанных слез. Он только что словно избил сам себя. Дрожа всем телом, держась за отбитый живот и с трудом моргая заплывшим глазом, Антон поднялся.

— Так вот, — еле слышно проговорил он, глядя Михаилу в глаза. — Чтобы ты знал… Как миллионы индийцев, боровшихся за свободу… Как миллионы подростков, борющихся за своё счастье… я буду против тебя и таких, как ты. Слышишь, Я ПРОТИВ!!! — громко крикнул он, сделав огромное усилие над собой.

— Ты можешь заткнуться и драться, как мужик?!! — заорал Михаил дрожащим голосом и бросился молотить Антона изо всех сил. Рыхлое тело брата мялось и гнулось под его кулаками, словно боксерская груша, но боль самого Михаила становилась для него невыносимой. Каждый удар отдавался в голове звоном, а слова «я против тебя и таких, как ты» жгли душу холодным огнём.

Избитый Антон снова упал, и на этот раз подняться ему стоило титанических усилий. Но он всё же встал, хоть и не в полный рост. Бока и живот отзывались адской болью. Дождь уже лил, как из ведра. Сквозь мокрые слипшиеся волосы Антон смотрел

на брата, опустив руки, и чуть заметно улыбался разбитыми в кровь губами.

— Мне жалко тебя, Миша, — сказал он. — Бьёшь меня, а сам чуть не плачешь…

— Прекрати!!! Слышишь? ХВАТИТ!!! — заорал на него Михаил. — Почему, почему ты не остался дома сегодня??!

— Потому что я против…

Меткая подсечка, как взмах косы по утренней траве Антон упал. И на этот раз он попытался встать, но Михаил ударил его ногой по ребрам.

— Я всегда знал, что ты трус. Бить лежачего… — протянул младший брат, лёжа на спине. Потом захрипел и приподнялся на одно колено. Подняться выше ему мешала острая боль в боку.

— Прекрати, брат, — взмолился Михаил. — Просто лежи и не сопротивляйся, прошу тебя!

— Нет, Миша. Ты можешь убить мое тело, но не душу…

— Миха, мне уже скучно! — возмутился Негр. — Добей его, да и дело с концом!

— Добить? То есть как?! — удивился Михаил, по щекам которого текли слезы. Или это были капли дождя? — Но он ведь мой брат!

— Да брось ты, такого брата и убить не жалко! Что тебе стоит?

— Он не ничтожный, — был ответ. — Я больше не могу его бить.

— Я сказал, добей его! — настойчивее повторил главарь, который уже понимал, что от Михаила придется избавиться.

— А я сказал: нет!

— Тогда я сделаю это за тебя!!!

Дальше всё произошло слишком быстро, чтобы кто-то успел среагировать. Негр подался вперёд. Обутая в массивный сапог нога описала в воздухе широкий пируэт, после чего утяжелённый металлом каблук опустился на Антона и вдавил его ребра в мокрый асфальт. Хрустнули кости, и младший брат, до этого терпевший боль, заверещал.

— АААААААААААА!!! — страшный крик ужаснул даже гопников.

— Сдохни, урод! — рыкнул Негр довольно. Глаза Михаила налились кровью, а вены на руках вздулись до того, что казалось, они вот-вот полопаются.

— Ты за это ответишь! — тихо сказало он и, оскалив клыки, как раненый волк, сорвался в зверином прыжке.

Кузнечным молотом кулак рассёк воздух надвое и впечатался в нос вожака волчьей стаи, с хрустом ломая его. Лучшего удара Михаил в жизни не делал: Негр рухнул, как срубленное дерево. Из носа его лилась густая и грязная, почти чёрная кровь.

Снова сверкнула молния, и мгновения спустя глухой раскат грома наполнил воздух. Дождь усилился.

— Что встали? — заорал Михаил на опешивших гопников. — Валите отсюда!

Гопники не сдвинулись.

— А как же Негр?

— А Негр сядет. Он достаточно дел натворил, — уверенно заявил Михаил.

Гопники нерешительно переглянулись.

— Вам не ясно сказали? — послышался крик из толпы эмо. — Пошли вон!

И неформалы стали угрожающе надвигаться. В их глазах сияла холодная решимость, и обезглавленная стая сдалась. Бросив своего вожака, они побрели прочь, как хищники, лишенные добычи. Недалеко завыла сирена — кто-то успел вызвать скорую и милицию.

Толпа неформалов обступила лежащего на асфальте Антона. Он был без сознания. Эля заливала лицо парня слезами и тихонько выла, а Михаил осматривал повреждения.

— Живой, махатма хренов… — бормотал он облегченно.

— Что с ним? Что с ним?

— У него сломано ребро или два. Синяки, ссадины… — Михаил оглянулся. К ним уже бежали люди в белых халатах. — Ерунда! До свадьба заживет…

— Ерунда?! — взвилась Эля. — Да ты его чуть не убил!

— Все-таки вы, эмо, жутко нервные! — Михаил поморщился.

— Все-таки ты болван, братец! — раздался хриплый стон Антона. — Но болван с совестью, а значит, не так безнадежен, как казалось!..

июль 2008, Благовещенск

ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ПРИАМУРЬЯ XIX–XXI ВЕКОВ

ТУРОВ Ярослав Александрович [26.5.1992, Благовещенск] — начинающий автор, талантливый прозаик, эссеист.

Т. принадлежит к той категории современной творческой молодёжи, которую отличает не только высокий интеллектуальный уровень, широкий культурный кругозор, начитанность, пытливость ума, но и неравнодушие к тому, что происходит в стране и со страной, живая реакция на проявления добра и зла, повышенная чувствительность ко всякого рода фальши. Отсюда, может быть, излишняя категоричность в выражении своей позиции и «бойцовский» задор, отчасти искупаемые искренностью.

Со школьных лет у Т. было много занятий и увлечений: музыка, бальные танцы, гитара, иностранные языки, компьютер, литература, история, журналистика, наука. В 2008 он окончил детскую художественную школу. В 2009, занимаясь в городском научном обществе учащихся «Эрудит», написал блестящую исследовательскую работу о самой загадочной, мистической повести Гоголя «Вий» и стал лауреатом I степени XXIV Российской открытой конференции учащихся «Юность, наука, культура», которая проходит в рамках национальной образовательной программы «Интеллектуально-творческий потенциал России». В 2010 Т. с золотой медалью окончил благовещенскую гимназию №25. Сдав ЕГЭ по литературе, он оказался в числе всего лишь двух выпускников Амурской области, сумевших набрать 100 баллов из 100 возможных. В том же году многомиллионная аудитория первого российского телеканала стала свидетелем триумфального участия Т. в знаменитой гуманитарной олимпиаде «Умницы и умники». Заслуженная и очень почётная победа

оказалась пропуском в один из самых престижных вузов страны — МГИМО (факультет международной журналистики), куда он был зачислен без вступительных экзаменов. Учёбу Т. успешно совмещает с большой общественной и творческой работой в студенческом союзе МГИМО, пишет художественную прозу и публицистику, готовит и ведёт программы студенческого телевизионного ток-шоу на общественно-значимые темы и др.

О феномене Т. не раз говорили амурские журналисты, отмечая и удивительно раннее вхождение в литературу, и объём и жанровое многообразие им созданного (лирика, эссе, рассказы, повесть, романы). По словам Т., большую роль в пробуждении у него интереса к литературе и словесному творчеству сыграли родители: Александр Иванович — преподаватель высшей школы, зав. кафедрой железобетонных конструкций ДальГАУ и Регина Игоревна — медицинский работник, а также бабушка — Галина Павловна Коноплёва, в прошлом известный амурский тележурналист.

Серьёзно художественным творчеством Т. стал заниматься в 2007, тогда же он впервые принял участие в семинаре юных литераторов, проводимом Амурским областным отделением Союза писателей России. В том же году под влиянием творчества фантаста Ника Перумова написал роман в стиле фэнтези **«Акрилон. Наследие некромантов»** (не издавался). Первая публикация Т. состоялась в 2008, когда он учился в 10-м классе: совместно с ровесником Семёном Руденко они выпустили сборник малой прозы **«Игра с огнём»**. В книгу вошла подборка рассказов Т. под общим названием **«Не зови меня подростком»**: **«Новые фотографии»**, **«Игроман»**, **«Дарующий Бога»**, **«История одних отношений»** и др. Книга эта готовилась к печати без профессиональной редактуры, поэтому грешит многочисленными недочётами — и художественными, и стилистическими, и формальными. Печатный дебют оказался для Т. скорее неудачным, чем удачным, хотя и привлёк к юному дарованию внимание средств массовой информации. Последовавшие за книгой публикации Т. в литературных альманахах «Амур» (2008, 2010, 2011) и «Приамурье»

(2010) заслуживают уже серьёзного внимания и представляют несомненный художественный интерес.

Рассказ **«Розовое на чёрном»** (2008) посвящён весьма специфическому явлению современной жизни — неформальным молодёжным группировкам. Автор нашёл оригинальный сюжетный ход: привёл во враждующие «стаи» братьев — Антона и Мишу, родившихся «в один и тот же день с разницей в пятнадцать минут», но с непохожими характерами и наклонностями. Коллизия в рассказе строится не только на внешнем конфликте (один из братьев «гопник», а другой — «эмо»), но и на внутреннем — на столкновении разных импульсов в душе каждого из ключевых персонажей. Оба эти конфликта достигают наивысшего напряжения и получают разрешение в развязке сюжетного действия, когда в жестокой схватке сходятся две непримиримые подростковые «стаи» и два родных брата. Что победит: чувство человеческого родства или стадный инстинкт, личность или толпа, любовь или ненависть? Задавшему острую сюжетную и нравственно-психологическую интригу автору удаётся удерживать читателя в напряжении до последней страницы. Он целенаправленно ведёт нить повествования, умело выстраивает диалоги персонажей, рисует драматически напряжённые сцены. Одна из лучших — сцена на танцплощадке, в которой показано воздействие массового психоза (в данном случае спровоцированного рок-музыкантами) на неокрепшие юные души. К числу художественных достижений автора можно отнести наличие ярких индивидуальных особенностей у части героев — не только у братьев Золотниковых, но и у Негра, второстепенного, но крайне важного персонажа. В рецензии на седьмой выпуск альманаха «Амур» мэтр амурской журналистики А. С. Филоненко признавался, что на него «особое впечатление своим рассказом произвёл Ярослав Туров. Парень ещё в школе учится, делает, так сказать, первые шаги в литературе, но у него уже есть свой стиль, он заранее знает, как будет развязывать тот или иной сложный узелок».

Рассказ Т. интересен и тем, что о проблемах героев-под-

ростков пишет их ровесник. Он обнажает причины, толкающие современного молодого человека искать свою «стаю»: тотальное одиночество — в семье, в школе, в обществе в целом; физическая и психологическая незащищённость; непонимание, с которым он каждодневно сталкивается. Но главное — духовный вакуум, почти полное отсутствие моральных и идейных принципов, отсутствие серьёзных жизненных целей и ценностей, иждивенчество и инфантилизм.

В рассказе имеются и недочёты, главные из которых — стремление автора почти всему давать прямые оценки, стилевая эклектика и претенциозность. Наплывы манерности, вычурности, обилие штампов — всё это результат стремления начинающего автора выражаться «изящно», «литературно». Однако всякого рода стилистические «красивости» мирно уживаются со стилем газетной публицистики: «Стаи везде одинаковые. Различие лишь в идеологии. Психологи называют такие группировки интеллектуальным словом „субкультуры“. Но, по сути, их можно сравнить с дикими племенами папуасов какой-нибудь Новой Гвинеи… Они мнят о себе невесть что и поклоняются несуществующим богам…» Самое удивительное, что в морализаторство в этом и некоторых других эпизодах впадает не убелённый сединами ветеран, а десятиклассник, почему-то вдруг решивший облачиться в мантию сурового судии. Иногда он смотрит на своих сверстников откуда-то сверху, с заоблачных высот, и потому картина действительности выглядит плоской. Юный автор пока ещё не научился описывать сложное жизненное явление объёмно, постигая его изнутри, через психологию, мышление, ощущения героев, которые находятся в эпицентре этого мира и являются его органической частью.

Последующие публикации наглядно продемонстрировали: автор умеет учиться на ошибках, совершенствуется, стремится преодолеть художественную прямолинейность первых опытов, и многое ему удаётся. Каждое новый рассказ (любимый жанр Т.) — и узнаваем, и своеобычен. Общее, повторяющееся — обращённость к современности, к острым социальным темам

и конфликтам, категоричность авторских суждений, срывы в публицистику. Традиционно и то, что попадающие в фокус изображения частные случаи и частные судьбы становятся поводом для размышлений о проблемах, которые волнуют всё российское общество. Новое — прежде всего характеры, типы персонажей: причём не только сверстников автора (они доминировали в самых первых произведениях), но и его «отцов» и «дедов». В обновлённом виде каждый раз предстаёт и автобиографический герой: он взрослеет, становится мудрее вместе с автором. Т. не замыкается на собственных рефлексиях, проявляет интерес к миру, с большим вниманием вслушивается в то, что пытаются донести представители старших поколений, всматривается в них. И при этом остаётся человеком своего поколения — по-новому осмысливающим и прошлое, и настоящее страны.

Всё это в полной мере проявилось в рассказе **«Награда»** (2010), также напечатанном в альманахе «Амур». Место действия произведения — провинциальный амурский город Безлюдный, в котором без труда узнаётся Свободный. Главный герой — «молодой повеса» Максим Бобров, находящийся на каникулах студент престижного столичного вуза, которому дедушка — известный поэт Приамурья, «крупный усатый мужчина лет шестидесяти» — решил показать, «как Россия изнутри устроена». Ради этого он и везёт внука из областного центра в Безлюдный, на «Покровские чтения» («Комаровские чтения»), посвящённые памяти знаменитого дальневосточного поэта, родившегося и жившего какое-то время в этих местах.

Т. применяет в этом произведении весьма сложную повествовательную технику, основанную на принципе полифонии: хотя повествование ведётся от третьего лица, события попеременно даются с разных точек зрения, через восприятие трёх ключевых персонажей: «младшего» Боброва и двух провинциальных интеллигентов — бывшей сотрудницы городского Дома культуры, а ныне одинокой пенсионерки Любимовой и колоритного поэта-барда Шумихина. И каждый раз, когда меняется ракурс

и в центре оказывается новый герой, автор строит повествование таким образом, чтобы оно было максимально приближено к лексике, фразеологии, типу мышления данного персонажа. Все эти герои даются и «извне», и «изнутри», что позволяет автору создать по-настоящему глубокие и выразительные образы. В сравнительно небольшой рассказ Т. сумел впрессовать чуть ли не романное содержание — непростые судьбы ключевых персонажей, через которые явлена история нескольких советских десятилетий. Пожалуй, самая большая творческая удача Т. — образ барда Шумихина, в котором тоже угадывается известный прототип. Однако хотя автор «списывает», что называется, с натуры, персонажи рассказа не есть простые *копии* своих *оригиналов*. Это, действительно, совершенно полноценные художественные образы, при создании которых используется основанный на художественной интуиции вымысел. Молодому автору удалось почти невозможное — проникнуть в само средоточие внутреннего мира своих «возрастных» героев, понять их, найти, увидеть их «болевые точки». А это становится возможным только потому, что он «сживается», фактически «сливается» со своими героями, смотрит на мир их глазами, чувствует, думает и говорит как они. Но только тогда, когда воссоздаёт их точку зрения. Когда в центре повествования оказывается Максим, в его ироническом восприятии обитатели Безлюдного поначалу выглядят почти пародийно. Но только до поры: в финале рассказа младший Бобров переживает внутренний перелом, помогающий ему увидеть этих людей в ином свете и ином измерении. Но и он в этот момент уже не тот, каким предстал на первой странице.

Попытки постижения внутреннего мира героя рассказа — своего современника, своего сверстника (и alter ego) Максима Боброва — это и поиск автором собственной идентичности, собственного «я». Но главный художественный интерес Т. не сосредоточен исключительно на собственной персоне, на пресловутом самовыражении, который нередок у начинающих авторов: когда сказать особенно нечего, запас собственных жизненных впечатлений и наблюдений невелик, зато «самовыражение» не знает

границ. Т. озабочен не столько демонстрацией собственной оригинальности, сколько самопознанием и самонаполнением, самостроительством. Причём, самопознание для него — путь постижения смысла частного и общего существования. «Награда» наглядно продемонстрировала большой творческий потенциал, которым обладает автор.

Рассказ **«Деда Ваня»** (2011) тоже носит ярко выраженный автобиографический характер: его героями являются представители трёх поколений одной семьи: юный автобиографический герой, от лица которого ведётся повествование, его отец и 83-летний дед. Композиционно и концептуально произведение вытроено мастерски: по замыслу, три эти героя — художественное, образное воплощение и трёх поколений, и трёх периодов новейшей русской истории начиная с тридцатых, с предвоенного времени, и заканчивая днём сегодняшним.

Через судьбу, биографию деда, через те бесхитростные житейские истории, которые он вспоминает в застольных разговорах, исподволь развёртывается насыщенная большими трудностями «биография» советской страны. Характером, ментальностью, психологией деда Ваня — тип русского человека с крепкими крестьянскими корнями. Хотя вырос он и прожил большую часть жизни в СССР, однако по натуре, по мировосприятию мало чем отличается от своих родителей и деда. От них он унаследовал и типично русское долготерпение, и поразительную жизнестойкость, и завидное трудолюбие, и здравомыслие. Никакие испытания, никакие социально-политические катаклизмы не в силах поколебать основы его душевного устройства, изменить уклад и ритм его повседневной жизни.

Отец представляет поколение вышедшей из народа интеллигенции, впитавшей и советскую идейную «закваску», и отчасти идеалы «оттепели» и «перестройки», а потому оказавшейся мировоззренчески дезориентированной. Эта ценностная дезориентация «выключила» и отца, и многих других из активной социальной жизни. Отец не верит, что что-то можно изменить вовне. Он фигура, скорее, рефлектирующая, наблюдающая, ком-

ментирующая, чем деятельная.

Иное дело — внук, глазами которого показаны чудовищный хозяйственный развал и нравственная деградация, особенно больно ударившие по русскому селу эпохи «рыночных реформ». В сценах, связанных с прогулками по окрестностям Дормидонтовки, в полную силу проявился яркий публицистический дар автора, отсутствие у него (и его героя) страха перед серьёзными темами, гражданское неравнодушие, активная жизненная позиция, страстное желание исправить мир, изменить его к лучшему. Автору, как и его юному герою, возможно, ещё не вполне по силам понять скрытые, глубинные закономерности жизни, её противоречивую логику, в том числе подлинные причины тех социальных и духовно-нравственных искривлений, которые поразили современную Россию и современного человека. Важно, однако, что он ощущает, чувствует эти деформации и пытается их постичь и по-своему объяснить.

В январе 2012 в издательстве «МГИМО-Университет» вышел сборник рассказов и очерков Т. **«Шаги, следы»**. В него вошли четыре очерка об участии автора в программе «Умницы и умники» (два из них были опубликованы прежде в альманахе «Приамурье»), ранее печатавшиеся рассказы «Награда» и «Деда Ваня», а также впервые публикуемые произведения малого жанра: **«Последняя квартира»** и **«Чистая совесть»**. В течение нескольких лет (2009–2013) Т. работал над романом **«По полю мёртвых одуванчиков»**, который вышел в свет в феврале 2015 года.

Соч.: Розовое на чёрном: Рассказ // Амур: Литературный альманах БГПУ. №7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 38–46; [В соавторстве с С. Руденко] Игра с огнём: Малая проза. Благовещенск, 2008. 207 с.; Награда: Рассказ // Амур: Литературный альманах БГПУ. №9. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 50–61; Со щитом или на щите. Путь наверх: Два рассказа по горячим следам // Приамурье: Литературно-художественный альманах. Благовещенск: Амурская обл. пис. орг., издат. компания «РИО»,

2010. С. 257–293; Деда Ваня: Рассказ // Амур: Литературный альманах БГПУ. №10. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 66–72; Шаги, следы: Рассказы. М.: МГИМО-Университет, 2012. 174 с. (Серия «Молодые литераторы МГИМО»).

Лит.: *Бакин О.* В писатели из-за школьной парты // Энергия. 2008. Сентябрь. С. 13; *Филоненко А.* Спасибо за подарок! // МК на Амуре. 2009. №1. С. 3.

А. В. Урманов
доктор филологических наук,
профессор,
главный редактор альманаха «Амур»

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3
Яма 5
Умницы и Умники 15
Со щитом или на щите? 16
Путь наверх 36
Учитель 68
Зритель 97
Последняя квартира 122
1 122
2 135
Награда 144
Чистая совесть 175
Деда Ваня 181
Розовое на чёрном 200
Из Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX—XXI веков 230

Ярослав Туров

Шаги, следы

Ранние рассказы

Иллюстратор Анри Давыдов
Редактор А. В. Серёгин
Редактор С. В. Чугров
Редактор В. Г. Лецик

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero